

ИСТОРИЯ
США

Айзек Азимов

ОСВОЕНИЕ
СЕВЕРНОЙ
АМЕРИКИ

The Shaping of NORTH AMERIKA

by Isaac Asimov

From Earliest Times to 1763

ИСТОРИЯ США

Айзек Азимов

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Перевод с английского
О. Адамовой, Н. Хольновой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Б.С.Г.-ПРЕСС

Москва
2003

ББК 63.3 (7 Сое)
А 35

Художественное оформление
и макет В. Коротаевой

- АЗИМОВ А.**
А 35 История США: Освоение Северной Америки/ Пер.
с англ. О. Адамовой и Н. Хольновой.— М: Б.С.Г-
ПРЕСС, 2003.—336 с.

ISBN 5-93381-100-9

В этой книге А. Азимов (1920—1992), автор более чем двухсот произведений на самые разные темы, создатель знаменитых фантастических романов, обращается к истории Соединенных Штатов. Точно и достоверно изложенный в свойственной Азимову живой и доступной манере материал, обилие любопытнейших фактов и исторических анекдотов делает эту книгу не только полезным, но и увлекательным чтением.

ББК 63.3 (7 Сое)

ISBN 5-93381-100-9

© О. Адамова, Н. Хольнова, перевод
на русский язык, 2002
© В. Коротаева, художественное
оформление и макет, 2002
© Издание на русском языке, Б.С.Г-
ПРЕСС, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

1. ДО КОЛУМБА

<i>Индейцы</i>	9
<i>Греки и финикийцы</i>	15
<i>Ирландцы и викинги</i>	22
<i>Монголы и венецианцы</i>	31

2. МОРСКИМ ПУТЕМ В ИНДИЮ

<i>Возвышение Португалии</i>	37
<i>Вдоль берегов Африки</i>	42
<i>Христофор Колумб</i>	53
<i>Величайшее путешествие</i>	60

3. ИССЛЕДУЯ НОВЫЙ СВЕТ

<i>Англия нарушает границу</i>	71
<i>Успехи Испании</i>	77
<i>Открытия французов</i>	87
<i>Пиратство англичан</i>	94

4. ВОЗВЫШЕНИЕ АНГЛИИ

<i>Первые шаги</i>	103
<i>Соперничество</i>	108
<i>Виргиния</i>	113
<i>Мэриленд</i>	126

5. СЕВЕР ВИРГИНИИ

<i>Новая Англия</i>	135
<i>Новые Нидерланды</i>	150
<i>Новая Швеция</i>	159
<i>Новая Франция</i>	161

6. АНГЛИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

<i>Конец Новых Нидерландов</i>	169
<i>Дары Карла II</i>	177
<i>Сложности в Новой Англии</i>	183
<i>Сложности в Виргинии</i>	192

7. ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

<i>За Великие озера</i>	199
<i>“Война короля Вильгельма”</i>	207
<i>Ведьмы!</i>	218
<i>“Война королевы Анны”</i>	223

8. СТАВКИ СДЕЛАНЫ

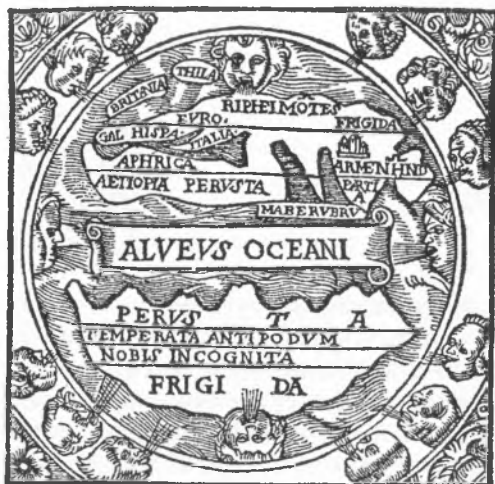
<i>Франция и Россия</i>	233
<i>Великобритания</i>	239
<i>Джорджия становится тринадцатой</i>	245
<i>“Война короля Георга”</i>	253

9. В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА

<i>Колонии разрастаются</i>	263
<i>Джордж Вашингтон</i>	268
<i>Бенджамин Франклин</i>	277
<i>Поражение Брэддока</i>	288

10. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

<i>Озеро Шамплейн</i>	299
<i>Луисбург</i>	304
<i>Квебек</i>	312
<i>Новое начало</i>	319
<i>Таблица дат</i>	323

ДО КОЛУМБА

Индейцы

Родиной человечества, скорее всего, является Африка. Древнейшие следы “гоминидов” (существа по всем своим характеристикам стоящих ближе к человеку, чем какие-либо другие) были обнаружены в Восточной Африке. Ближайшие родственники человека — шимпанзе и горилла также водятся лишь в Африке, не считая, конечно, тех особей, которые переселены человеком в другие места.

На протяжении нескольких миллионов лет своего существования гоминиды, размножаясь, занимали все более обширные территории, но распространение их ограничивалось теми регионами, которых можно было достичь, не преодолевая больших водных пространств.

Все костные остатки этих древнейших гоминидов, по своему строению несомненно более примитивных, чем современный человек, находят только на территории Африки, Европы и Азии, — трех соединяющихся между собой массивов земной коры, образующих то, что иногда называется “Старым Светом”.

Еще 25 000 лет назад, когда уже исчезли древние гоминиды и остался лишь один вид — чело-

век разумный (или современный человек), человечество все еще не выбиралось за пределы Старого Света. Американские континенты, изолированные от него Атлантическим океаном с одной стороны и Тихим — с другой, были в ту эпоху необитаемыми. Там никогда не находили никаких признаков гоминидов, более примитивных, чем “человек разумный”.

Вместе с тем существует место, где Америка почти соприкасается со Старым Светом, и находится оно в самой северной части Тихого океана. Там северо-западная оконечность Америки и северо-восточная оконечность Азии подходят совсем близко друг к другу: континенты разделяет сейчас пролив, ширина которого не превышает 56 миль, а в этом проливе располагаются еще и несколько крошечных островов.

Было, однако, время, когда пролив был еще уже. Вся история существования гоминидов связана со сменяющимися друг друга ледниковыми периодами, во время которых полярные области Земли покрывались льдами, простиравшимися на сотни миль от полюса во всех направлениях. Во время ледниковых периодов огромное количество воды попросту замерзло, превращаясь в гигантские пласты льда, покрывающие поверхность земли, при этом уровень моря значительно понижался. А раз уровень моря понижался, пролив между Азией и Северной Америкой становился уже, а порой просто исчезал, оставляя вместо себя “ледяной мост” между двумя континентами.

Последнее оледенение продолжалось примерно с 30 000 до 10 000-х гг. до н. э., и в это время уровень моря понизился настолько, что “ледяной мост” между Азией и Северной Америкой протянулся на 1300 миль. Как только льды стали

таять, начал повышаться и уровень моря, однако континенты полностью разделились не ранее 7000 г. до н.э.

Во время последнего ледникового периода “человек разумный” уже преобладал, а возможно был единственным гоминидом на Земле, и численность его превышала численность любых других гоминидов в предшествующие ледниковые периоды. По-видимому, именно в это время гоминиды впервые проникли в северо-западные регионы Азии.

Случилось так, что оледенение было более обширным в приполярных областях, примыкающих к Атлантике, чем в примыкающих к Тихому океану. В северо-западной Сибири и на Аляске ледяной покров был сравнительно небольшим. Климат там был тоже, конечно, не слишком благоприятный, но небольшие группы людей все-таки могли жить охотой на мамонтов или других крупных животных, обитавших на Земле в ту пору.

И вот, приблизительно 25 000 лет назад какая-то группа охотников, следуя за мамонтом, набрела на переход через пролив. Очень сложно, разумеется, назвать точную дату или выяснить какие-либо детали этого события, так как древнейшие переселенцы не оставили после себя практически никаких следов. Пока почти не обнаружено их костных остатков, а на всем Американском континенте найдено всего двадцать древних черепов. Большинство материальных следов этих ранних переселенцев представляют собой каменные наконечники стрел и копий. Наиболее ценные остатки этой древнейшей культуры, вполне возможно, покоятся сейчас под водой, оказавшись там в результате таяния льдов и связанного с ним повышения уровня моря.

Все новые и новые группы охотников следовали за первопроходцами. Достигая Аляски, они расходились на юг и юго-запад в поисках лучших мест для охоты. Другие группы охотников-переселенцев двигались по следам предыдущих до тех пор, пока существовал “ледяной мост” между континентами. На протяжении сотен лет охотники продвигались в глубь континента, и к 8000 г. до н. э., когда начиналось последнее таяние льдов, человек уже проложил путь во все пригодные для жизни области Американских континентов с севера на юг.

Эти ранние обитатели Америки обнаруживают известное сходство с обитателями Восточной Азии. Сходство, разумеется, не полное. У коренных американцев (тех, кого называют индейцами, по причинам, которые мы объясним позже) иной разрез глаз и не такие плоские лица как у азиатов. У индейцев носы иной формы, а кожа имеет медный оттенок, в отличие от желтоватой кожи жителей Восточной Азии.

К тому времени, как индейцы расселялись по обоим Американским континентам, в северо-западном регионе Азии зарождалось сельское хозяйство и делались первые шаги к тому, что мы называем цивилизацией. Обитатели же Америки, насколько мы знаем, оказались в изоляции от всего этого. У них не было возможности торговать с более развитыми регионами и учиться у них, как это делали, например, древние жители Западной Европы.

Однако, это вовсе не значило, что индейцы оставались темными и бескультурными. Сельское хозяйство они развили самостоятельно. Около 5000 г. до н. э. первые признаки сельскохозяйственной деятельности появляются на территории современной Мексики, а к 3000 г. до н. э. у

мексиканских индейцев уже существует вполне развитое фермерское хозяйство. Около 2000 г. до н. э. они значительно шагнули вперед, научившись возделывать кукурузу, которая впоследствии стала основным компонентом их рациона. К 1000 г. до н.э. индейцы уже выращивали бобовые.

Поскольку сельское хозяйство развивалось успешно и индейские племена уже не испытывали недостатка в пище, люди смогли часть своей энергии направить не на добывание хлеба насущного, а на некую дополнительную деятельность, которая, собственно говоря, и формирует цивилизацию. Так, к 1500 г. до н. э. в Мексике уже были храмы и целые города.

Не следует думать, что индейская цивилизация была несовершенной. Когда в 1519 г. европейцы прибыли в Мексику, они обнаружили, что ее столица Теночтитлан (на его месте сейчас находится город Мехико) превосходит по своим размерам современные им Париж и Рим. Они также обнаружили, что календарь мексиканских индейцев совершеннее европейского, что они обладают гораздо более развитой системой общественной санитарии. (Индейцы считали, что европейцы плохо пахнут, и не стеснялись ясно показывать это, чем весьма задевали последних.)

Навыки сельского хозяйства распространяются с территории Мексики на другие области и к 1000 г. до н. э. уже начинают проникать на земли современных Соединенных Штатов. Индейцы в долине Миссисипи, от Великих озер до Мексиканского залива, имели достаточно развитую структуру поселений и были уже близки к тому, что можно назвать цивилизованными формами жизни. Наиболее четко этот древний период времени отображают погребальные курганы, имеющие форму кругов, эллипсов, квадратов, восьми-

угольников и так далее, достигающие порой 75 футов в высоту и занимающие площадь от 25 до 30 акров. Некоторые курганы представляют собой сооружения замысловатой формы, например, повторяют форму животного или птицы.

Далее, к сожалению, происходит спад, причиной которого, возможно, послужили непрерывные войны между индейскими племенами, изматывавшие и ослаблявшие их. И к тому времени, как европейцы появились в этом регионе, так называемая культура “строителей курганов” уже исчезла. В XIX в. существовала точка зрения, что эта культура вообще не имеет никакого отношения к индейцам. Это дало толчок бесконечным гипотезам о некоей доиндейской миграции европейцев в Америку, но все они были впоследствии отвергнуты. Сегодня нет никаких сомнений в том, что “строителями курганов” были именно индейцы.

Другой тип цивилизации возник на юго-западе Америки. Индейцы этого региона воздвигали замысловатые сооружения из высушенных на солнце кирпичей. Одно такое четырехэтажное пуэбло (по-испански “населенный пункт”), находящееся в современном Нью-Мексико, насчитывало 800 комнат и вмещало 1200 человек. Выстроенное, по-видимому, в начале X в., это сооружение было покинуто обитателями примерно через триста лет из-за сильной засухи в регионе, сделавшей невозможным совместное проживание такого количества людей.

Между тем, несмотря на высокий уровень развития, индейцы оказались неспособны противостоять европейцам, более сплоченным, более искусным в ведении боевых действий и, наконец, обладавшим огнестрельным оружием.

Трудно назвать точную цифру всего индейского населения Америки к моменту появления

европейцев. По некоторым оценкам их численность была около 25 миллионов. Один миллион из них жил к северу от Рио-Гранде. (Это красноречиво говорит о катастрофе, постигшей индейцев, ведь сегодня, пять веков спустя, когда общая численность населения к северу от Рио-Гранде превышает 220 миллионов, на долю индейцев приходится лишь 700 000.)

Греки и финикийцы

В действительности открытие Америки произошло именно тогда, когда первые группы охотников перешли на ее территорию из Сибири более 25 000 лет назад. Однако это никогда не принимается во внимание. Говоря об открытии Америки, подразумевают обыкновенно ее открытие выходцами из Западной Европы. Подобная тенденция основывается не только на естественной склонности людей рассматривать свою историю как нечто первостепенно важное, но также и на том, что лишь после открытия Северной и Южной Америки европейцами начинается документально подтвержденная история этих континентов. Мы не располагаем практически никакими подробностями индейской истории до прихода европейцев, а без этого очень легко сделать ошибку и исказить историю, а вместе с ней и представления о самих индейцах.

Но даже если связывать открытие Америки именно с первым появлением европейцев на ее

земле, все равно остается немало вопросов. Когда же все-таки они впервые появились там? Наверняка в ответ на этот вопрос вы услышите, что это событие связано с путешествием отважного мореплавателя, Христофора Колумба, после которого европейцы присутствовали на Американском континенте постоянно.

А вот не достигали ли Америки другие путешественники до Колумба? Быть может, Америку открыли еще раньше, но потом об этом забыли? Если мы вернемся на много веков назад, то обнаружим множество легенд, повествующих о таинственных землях, расположенных далеко на Западе. Можно предположить, что они представляют собой не что иное, как воспоминания о высадках на американской земле.

Например, древние греки, современники Гесиода, жившего в VIII в. до н. э., рассказывали об “Островах Блаженных”, которые они представляли себе как сказочную землю в дальней западной части океана, где души погибших героев вкушают вечное блаженство.

Тем не менее современники Гесиода наверняка не достигали Американского континента. Они безусловно участвовали в процессе колонизации новых земель, но пределы известного им мира ограничивались восточным побережьем Черного моря с одной стороны и западной оконечностью Средиземного — с другой.

Разумеется, существовали народы, за много веков до Гесиода заселявшие земли, которые лежали далеко за известными грекам границами. Они жили вдоль Атлантического побережья Европы и Тихоокеанского побережья Китая. Их, однако, попросту не учитывают, тот факт, что они открыли немало новых земель, как правило, забывается. Когда мы говорим о географических

открытиях, мы обычно ведем речь лишь о тех, что были совершены представителями нашей западной цивилизации. Таким образом, говоря об освоении Атлантического океана, мы не принимаем во внимание достижений древних племен, добравшихся до берегов современной Франции, Испании и Западной Африки. Мы имеем в виду лишь один весьма цивилизованный народ, обитавший в восточном Средиземноморье, корабли которого первыми преодолели Гибралтарский пролив и вышли в открытый океан.

В оправдание такого предпочтения надо сказать, что Атлантический океан, по всей видимости, исследовал именно этот народ — финикийцы, которые славились тем, что были самыми храбрыми мореходами своего времени. Считается, что около 1100 г. до н. э. финикийские корабли прошли через пролив и в 50 милях севернее выхода из него основали торговый порт (на месте современного города Кадиса).

Исследуя Атлантическое побережье Европы и Африки, финикийцы к 900 г. до н. э. настолько продвинулись на север, что, по-видимому, достигли Британских островов. А полуостров Корнуолл и острова Силли на юго-западной оконечности Британии, должно быть, те самые, что античные авторы называли “Оловянными островами”, были основным источником олова, столь необходимого для производства бронзы.

Финикийцы двигались и в противоположном направлении — к южному побережью Африки, где они открыли острова, сегодня называемые Канарскими, находящимися в 60 милях от южного побережья нынешнего Марокко. Возможно, именно сведения о Канарских островах и дошли до современников Гесиода в виде пута-

ных и фантастических рассказов, положивших начало легенде об “Островах Блаженных”.

Самым замечательным из путешествий финикийцев было предпринятое в 600 г. до н. э., когда их флот, снаряженный египетским фараоном, пустился в занявшее три года плавание вокруг Африканского континента. Единственное упоминание об этом событии мы находим лишь у греческого историка Геродота, жившего в V в. до н. э.

Сам Геродот не верил в реальность этого плавания, так как финикийцы утверждали, что в южных регионах Африки солнце в полдень оказывается в северной части неба. А поскольку, из какой бы точки Средиземноморья ни посмотреть на солнце, в полдень оно всегда на юге, Геродот считал это неизменным законом природы и был уверен, что рассказы о финикийском путешествии — чистой воды вымысел.

Однако на широте Южного тропика, где находится южная часть Африки, полуденное солнце действительно всегда видно именно в северной части неба. Сам факт, что финикийцы описали это совершенно невероятное с точки зрения древних обитателей Средиземноморья явление, действительно свидетельствует о том, что они продвинулись очень далеко на юг и, скорее всего, и впрямь обогнули Африку.

Вполне возможно, что финикийцы совершили нечто еще более поразительное. Древняя надпись, обнаруженная в Бразилии в 1872 г., по некоторым предположениям, является финикийской и говорит о судне, отбившемся от флота во время шторма. Насколько реально подобное происшествие? Расстояние между самой западной частью Африки и самой восточной частью Бразилии всего лишь 1600 миль — самая узкая часть Атлантического океана. Довольно

быстро эта надпись была объявлена мистификацией, но в 1968 г. Кайрус Х. Гордон высказал точку зрения, что она может быть и подлинной.

Если это действительно так, мы имеем дело со свидетельством открытия Америки, сделанном представителями ближневосточной цивилизации за 2000 лет до Колумба. Однако это открытие было случайным, известия о нем не дошли до Средиземноморья, так что оно не принесло каких бы то ни было плодов, не став толчком ни к дальнейшим экспедициям, ни и к систематической торговле или колонизации.

Первым греком, дерзнувшим по-настоящему далеко заплывать в Атлантику, оказался Пирей из Массалии. Приблизительно в 300 г. до н. э. он проплыл через Гибралтарский пролив, а затем повернул на север. Его отчеты об этом, не сохранившиеся и дошедшие до нас в изложении писателей, живших позднее, показывают, что он исследовал Великобританию, а затем направился на северо-запад к земле, которую назвал "Туле" и которую можно, по-видимому, отождествить с Исландией или Норвегией. Там непроходимый туман остановил неустрашимого мореплавателя, и он повернул назад, чтобы исследовать берега Европы и проникнуть в Балтийское море.

Если греки и уступали финикийцам в практических навыках, в том, что касалось выхода в открытый океан, они бесспорно превзошли их в теории. Именно греки первыми пришли к заключению о том, что Земля имеет сферическую форму, а Эратосфен из Кирены даже вычислил ее размер. Приблизительно в 250 г. до н. э. он произвел подсчеты, из которых следовало, что окружность Земли должна быть приблизительно 25 000 миль, а это, как выяснилось впоследствии, почти точно.

Признание сферичности Земли заставило допустить, что, поплыв на запад, можно достичь востока (и наоборот), то есть совершить кругосветное плавание.

Впрочем, кругосветное плавание могло рассматриваться лишь как теоретическое допущение, еще оставался вопрос: а возможно ли это на практике? Ведь в открытом океане мореплавателей подстерегает множество опасностей. В тропиках слишком жарко, в полярных регионах слишком холодно. Существуют мели, на которых могут застрять корабли, отважившиеся заплыть слишком далеко, а также течения, способные унести их туда, откуда они никогда не найдут дороги назад.

Немаловажной была и проблема расстояний. Ведь если окружность Земли равнялась двадцати пяти тысячам миль, а расстояние от Испании до малоисследованных рубежей Азии — девяти тысячам миль (что на самом деле так и есть), то, чтобы достичь Восточной Азии, отплыв на Запад, следовало преодолеть 16 000 миль океанского пространства, на котором, как тогда считалось, нет ни одного островка. Ни один корабль того времени не мог совершить подобного путешествия.

Нет, наверняка Эратосфен ошибался! Другой греческий географ, Посидоний Апамейский, в I в. до н. э. провел повторные расчеты и пришел к выводу, что окружность Земли составляет всего 18 000 миль. Ошибался он, а не Эратосфен, но его вычисления людям нравились больше.

Наиболее выдающийся географ древности Клавдий Птолемей написал в 130 г. н. э. книгу, ставшую главной и единственной работой по географии и астрономии для последующих пятнадцати веков. Птолемей принял за правильные

расчеты Посидония, и эта точка зрения стала общепринятой. Более того, он оценивал протяженность суши от Испании до побережья Китая примерно в 12 000 миль (что на 3000 миль меньше, чем на самом деле).

Это означало, что протяженность океана от запада Европы до востока Азии равнялась всего 6000 миль. Такое расстояние все равно было слишком большим для кораблей того времени, но, разумеется, вселяло больше надежды, нежели 16 000 миль. Проверить реальность этих надежд суждено было нескоро, ко времени Птолемея финикийская и греческая цивилизации пребывали в упадке уже в течение нескольких веков, и мореходы, подобные финикийцам, появятся на исторической арене лишь через тысячу лет. А пока что все Средиземноморье находилось под властью Римской империи, господство которой сменило господство финикийцев и греков.

Римская империя распространила свое влияние на многие земли: римские города находились в Западной Африке, Испании и Британии. Римляне, однако, не были мореплавателями, и мечта о том, чтобы выйти в открытый океан, не занимала их.

Более того, после завоевания западных провинций Римской империи в V в. германскими племенами, географический кругозор жителей Западной Европы существенно сузился. В Аравии в VII в. возникла новая религия — ислам, и к 730 г. вся Северная Африка и даже Испания оказались в руках мусульман, как называют исповедующих ислам.

Западная Европа была, таким образом, отрезана от юга и востока, а Африка и Азия стали мало-помалу восприниматься как области мифические.

Ирландцы и викинги

Но если восток и юг были отрезаны, то на западе и на севере стали неясно вырисовываться новые земли.

Ирландия, остров, расположенный к западу от Британии, никогда не была частью Римской империи. В эпоху, когда Римская империя стала клониться к упадку и римские солдаты покинули Британию навсегда, христианство распространяется на маленькие острова. К VI в. христианство в Ирландии, несколько изолированной от континента, начало приобретать собственные, только ему присущие формы, стали развиваться монашеские общины. В поисках уединения, которое позволило бы им сосредоточиться на мыслях о Боге, монахи плавали в небольших лодках, заселяя необитаемые дотоле скалистые островки вдоль северных берегов Британии.

Одним из таких моряков-монахов был св. Брендан, который в середине VI в. совершил плавание к северу от побережья Шотландии, исследовав Гебридские и Шетландские острова. Не исключено, что он достиг и Фарерских островов, расположенных в 250 милях севернее Великобритании, а оттуда, проплыв еще 300 миль на север, он мог попасть в Исландию — это представляется вполне вероятным.

Память о его смелых путешествиях надолго пережила его самого, впоследствии его дело

было продолжено. Около 800 г. о путешествиях св. Брендана была создана книга, представляющая собой чистый вымысел, но, хорошо написанная и увлекательная, она снискала немалую популярность. К этому времени ирландские монахи окончательно убедились в существовании Исландии, и это придавало повествованию еще большее правдоподобие.

Вымышленные приключения св. Брендона породили представление о некоем удивительном острове в Атлантическом океане, получившем название “остров Св. Брендана”. Позднее считалось, что этот остров не что иное как Америка, которой достиг отважный святой. Это кажется абсолютно невероятным, почти наверняка остров Святого Брендана — один из открытых им в не изведанных до того частях Атлантики островков.

Подобные представления обязаны своим существованием древнегреческим мифам об “Островах Блаженных”, ведь один из островов, открытых ирландцем, назывался “Ну-Brasil”, что по-гэльски значит “Острова Блаженных”. Другой такой остров назывался “Антилья”, а были еще и другие.

Конечно, острова к западу от европейского и африканского побережья существовали, но до появления на них европейцев они были необитаемы и совершенно не похожи на фантастическую, созданную воображением европейцев Утопию, в реальность которой они твердо верили.

Но фантазии оказались плодотворными: таинственные далекие земли в западном океане служили исследователям целью и подогревали интерес тех, кто оставался дома и кого можно было убедить финансировать путешествия.

Золотой век ирландских монахов длился недолго. В водах Атлантики появились другие мореплаватели — наиболее смелые и опытные со времен древних финикийцев. Это были скандинавские пираты из Норвегии и Дании — так называемые викинги.

С начала IX в. их корабли разбойничали у берегов Западной Европы. Викинги захватили большую часть Ирландии и Шотландии, уничтожив там все признаки цивилизации.

Они жестоко разорjali англосаксонские королевства, основанные в Британии после ухода римлян и способствовавшие формированию английской нации.

Они держали в страхе прибрежные регионы и низовья рек современных Франции и Германии. Викинги проникали даже в Средиземноморье.

С темой нашей книги больше связано то обстоятельство, что суда викингов бороздили открытые пространства северных морей. Порой их сносило к западу штормами, порой они оказывались там в поисках новых земель, гонимые из родных мест бесконечными войнами или жадной добычи.

Один такой изгнанник, норвежский вождь Ингольфр Арнарсон, отправился в плавание в 804 г. и причалил в Исландии, лежащей в 650 милях к западу от Норвегии. К тому времени ирландские монахи, жившие когда-то на этом острове, покинули его, а если какие-то из них и оставались там, то, по-видимому, были убиты или изгнаны викингами. Так или иначе, именно норвежцы основали первую постоянную колонию в Исландии¹.

1. С тех пор, на протяжении тысячи с лишним лет, Исландия была тесно связана со Скандинавией — культурно и политически. В новое время Исландия и Фарерские острова входили в состав Дании. Сейчас Фареры являют-

Первые века своего существования колонизированная викингами Исландия исповедовала языческую норвежскую религию, даже тогда, когда метрополия уже была христианизирована. Исландские “саги”, сказания, написанные до 1300 г., — для нас неоценимый источник сведений о норвежской мифологии, лучший, чем что-либо, обнаруженное в самой Скандинавии. Исландцы понимали, что для них море — самый надежный источник пищи, и, естественно, принялись исследовать окрестные воды. Появились сказания о некоем лежащем на западе острове, и действительно — огромный остров находился в двухстах милях к северо-западу от Исландии.

Смутно виднеющуюся на горизонте землю можно было различить с горных вершин северо-западной части Исландии, той части, где в конце X в. жил Эйрик Торвальдсон, за цвет волос прозванный Эйриком Рыжим.

В 982 г. Эйрик был осужден на трехлетнее изгнание за какую-то провинность и решил использовать это время для исследования западных пределов. В конце концов он достиг отдаленного острова, но обнаружил, что его берега опоясаны льдами, это препятствовало высадке. Он двинулся вдоль берега на юго-запад, достиг мыса, сумел обогнуть его и поплыл вдоль западного берега на север. Юго-западный берег острова оказался менее открытым, и Эйрик счел его вполне подходящим для основания колонии.

К 985 г. Эйрик вернулся в Исландию и стал собирать колонистов, чтобы отправиться на обнаруженный им остров. С этой целью он сильно

ся автономной областью Дании, а Исландия с 1944 г. — независимая республика. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания автора.)

преувеличил его достоинства и даже назвал Гренландией (Зеленой землей). В действительности же Гренландия, самый большой остров на Земле, представляет собой огромное пустынное пространство, практически полностью покрытое огромным километровой толщины ледником. Это один из последних реликтов ледникового периода, и только в Антарктике климат еще более суровый. С другой стороны, тысячу лет назад климат в северных областях Земли был несколько мягче, чем в наши дни, и на юго-западном побережье Гренландии он мог быть не намного хуже, чем в Исландии.

Так или иначе, Эйрик нашел добровольцев, желающих поселиться на новой территории, и в 986 г. отправился на запад с двадцатью пятью кораблями. Четырнадцать кораблей добрались до места, и колония была основана на западном берегу острова недалеко от его южной оконечности.

Широта, на которой находилась гренландская колония, примерно на 200 миль южнее широты Исландии, но Гренландию омывает холодное Лабрадорское течение, в то время как Исландия расположена в зоне влияния теплого Гольфстрима.

Тем не менее викинги там продержались более четырех веков. В момент наивысшего расцвета колонии (в начале XIII в.) численность ее обитателей могла достигать трех тысяч.

Пока существовала колония в Гренландии, она служила базой для тех, кто отправлялся еще дальше на запад. Викинг Бьёрни Херьюлворсон, около 1000 г. пустившийся в плавание из Исландии в Гренландию, рассказывал, что он попал в шторм, который отнес его судно далеко на запад, мимо оконечности Гренландии. Он сумел развер-

нуться и возвратиться в Гренландию, но до этого успел заметить землю западнее Гренландии.

Эти рассказы услышал Лейф Эйриксон, сын Эйрика Рыжего. Перед тем он находился в Норвегии, где его обратили в христианство, а теперь вновь вернулся в Гренландию. Рассказ Бьёрни разжег его воображение, он купил его корабль, собрал команду из тридцати пяти человек и отправился исследовать западные воды.

Он достиг той земли, где был, по его словам, Бьёрни. Попав сперва на абсолютно непригодное для жизни побережье Лабрадора, он двинулся дальше в поисках более привлекательных мест и, возможно, достиг северной оконечности Ньюфаундленда¹.

В то, что Лейф добрался до Лабрадора и Ньюфаундленда, поверить совсем не сложно. Загадкой, связанной с этим путешествием, представляется открытие им земли, где в изобилии рос дикий виноград (по крайней мере, об этом сообщают более поздние сказания). Эту местность Лейф назвал “Винланд” (“страной винограда”).

Возможно, что рассказ о винограде был просто попыткой сделать местность более заманчивой для переселенцев (примерно так повел себя и отец Лейфа Эйрик Рыжий). Не исключено также, что это позднейшее дополнение. Если же рассказ абсолютно правдив, то сразу возникают вопросы, ведь дикий виноград не растет на таком далеком севере, как Ньюфаундленд, и вряд ли рос там тысячу лет назад.

Существует точка зрения, что Лейф действительно нашел дикий виноград, а это значит, что

1. В 1960-х гг. норвежские археологи обнаружили следы построек на этой северной оконечности Ньюфаундленда. Вполне возможно, что это постройки, сооруженные спутниками Лейфа или их последователями.

он на самом деле проник намного южнее Ньюфаундленда, возможно, на территорию современного штата Нью-Джерси. Эта версия маловероятна, но окутана романтическим ореолом, ведь в соответствии с ней Лейф оказывается первым европейцем, плававшим вдоль берегов той земли, где сейчас находятся США, и, быть может, даже ступившим на нее. Поэтому в Новой Англии настойчиво искали следы пребывания норвежцев. Однако, несмотря на некоторые громкие заявления, существенных с точки зрения историков находок сделано не было.¹

Завершив свое плавание, Лейф вернулся в Гренландию и больше не путешествовал. Но в 1002 г. исландский купец Торфин Карлсефни побывал в Гренландии, где услышал рассказы Лейфа, — подобно тому, как сам Лейф некогда слушал Бьёрни.

Торфин, в свою очередь, воодушевился. Он организовал намного более серьезную экспедицию, чем Лейф, оснастив три корабля, на которых плыли сто шестьдесят мужчин, несколько женщин и скот. Они высадились в Винланде (где бы таковой ни находился) и основали там поселение, просуществовавшее несколько лет. По одному из преданий около 1007 г. в Винланде родился ребенок — викинг по имени Снорри. Если это правда, то Снорри мог быть первым европейским ребенком, родившимся в Америке.

В отличие от Исландии и Гренландии, Винланд был обитаемым. Его населяли люди, кото-

1. Единственная находка была сделана в глубине материка — так называемый Кенсингтонский камень, обнаруженный в Миннесоте. Он покрыт руническими (древнескандинавскими) письменами, повествующими о группе из тридцати человек, попавших в руки дикарей. Камень датирован 1362 г., но подавляющее большинство специалистов считают его искусной мистификацией.

рых викинги называли «скреллингами»; это, вероятно, были индейцы. Последние были настроены враждебно, и это стало более серьезным препятствием для колонизации, чем все льды Гренландии. В конце концов стычки с индейцами и собственные разногласия истощили силы колонистов, и те, кто выжил, вернулись в Гренландию.

Несмотря на то, что викинги не основали постоянной колонии в Северной Америке, память о западных землях еще какое-то время жила среди них. Гренландские колонисты, вполне вероятно, продолжали плавать к берегам Северной Америки за древесиной (в Гренландии не росли деревья). Такие путешествия они могли совершать вплоть до 1350 г.

Что касается самой Гренландской колонии, она по-прежнему существовала, но была весьма незначительной. Ее жизнь продолжалась только благодаря постоянной связи с Исландией и Норвегией, а также постоянному притоку новых поселенцев.

В 1349 г. так называемая Черная смерть, страшная эпидемия чумы, унесшая жизни огромного числа европейцев, достигла Скандинавии и Исландии, вызвав там, как и в прочих охваченных ею странах, экономический спад. Связь с Гренландией стала ослабевать, последний корабль отправился туда из Норвегии в 1367 г. Кроме того, на Земле появилась тенденция к похолоданию, и гренландский климат, неблагоприятный и в лучшие времена, сделался настолько суровым, что земледелие стало там абсолютно невозможным.

Но словно и этого было недостаточно, у колонистов появились враги в человеческом образе. Около 2500 г. до н. э. с отступлением ледника северные регионы Северной Америки приобре-

ли свой нынешний вид. Переселенцы из Сибири использовали узкий пролив между Азией и Северной Америкой, тогда вновь образовавшийся, чтобы проникнуть на прежде необитаемые территории, очистившиеся ото льдов.

Эти новые переселенцы, которых мы обычно называем эскимосами, внешне ближе к народам Восточной Азии, чем индейцы, обитающие южнее.

К I в. н. э. эскимосы уже вполне приспособились к жизни в полярных регионах, охотясь на тюленей и моржей и научившись защищаться от холода, и заселяли берега полярных земель. Они открыли путь на восток и к началу X в. н. э. достигли Гренландии, севернее тех мест, где располагались поселения викингов. Постепенно они продвигались на юг и нападали на эти поселения. Их агрессивность могла усугубить тяготы, переживаемые гренландцами.

Около 1415 г. гренландская колония прекратила свое существование, и сведения о стране, лежащей к западу от Исландии, казалось, исчезли из памяти европейцев¹. Но действительно ли они исчезли?

В 1965 г. было объявлено, что обнаружена карта, составленная на основании сведений, добытых норвежскими мореходами, и что, возможно, она была доступна европейским школьникам еще до эпохи Великих географических открытий, когда появились постоянные колонии европейцев в Америке.

На карте виден остров к западу от Исландии, судя по форме, бесспорно являющийся Гренлан-

1. Гренландия не стала необитаемой. Эскимосы продолжали жить там, и сегодня их число достигает двадцати пяти тысяч, при этом они уже, в значительной степени, зависят от достижений западной цивилизации.

дией. А западнее Гренландии обозначен еще один остров — Винланд (эту карту так и называют — “Карта с Винландом”). Винланд показан как остров с двумя заливами и напоминает южную часть острова Баффинова Земля, расположенного к западу от Гренландии, как раз там, где на карте изображен Винланд.

Но с точки зрения климата Баффинова Земля ничуть не лучше Гренландии и никак не могла быть “страной винограда”. Вообще, некоторые историки оспаривают подлинность карты, и, возможно, надежней считать, что великие открытия XV в. были совершены вне всякой связи с достижениями викингов.

Монголы и венецианцы

К югу от Скандинавии, в Западной Европе, географические познания по-прежнему находились в полном упадке, несмотря на то, что викинги уже совершали рискованные путешествия в далекие северные моря. Частично этот спад объясняется разрушительностью скандинавского вторжения в Европу, но так или иначе, пока викинги открывали Гренландию и Винланд, Европа пребывала в косности и темноте.

Но потом стали происходить события, в результате которых горизонт европейцев существенно расширился. Началось знакомство с Востоком, и смутные, очень общие представления об Азии мало-помалу углублялись.

С 1096 г. начинаются Крестовые походы, серия войн, в ходе которых европейцы (в основном французы) надеялись вырвать Палестину из рук мусульман, владевших ею более четырех веков. В целом, эти войны были неудачными с военной точки зрения, но, благодаря им европейцы освоили Средиземное море с западного берега до восточного и получили представление о сирийской и вообще ближневосточной цивилизации, более древней и развитой, чем их собственная.

С XII в. возникает устойчивый интерес европейцев к Востоку, который они считали краем богатства и комфорта, специй и сахара, развитых технологий и ремесел. И этот интерес с течением времени возрастал.

В середине XIII в. волна набегов, обращенная в эпоху Крестовых походов с запада на восток, покатила в противоположном направлении. В эпоху Чингисхана кочевые монгольские племена Центральной Азии, направлявшиеся на юг и на запад и вторгавшиеся в более цивилизованные области Китая, Ближнего Востока и Европы, совершили самое страшное нашествие за всю историю человечества. К 1260 г. образовалась Монгольская империя под властью Хубилая, внука Чингисхана, включавшая в себя Китай, Центральную Азию, Персию, Ирак и Россию.

Первое время необъятная территория от Балтийского моря до Тихого океана управлялась централизованно и умело. Вполне возможно было совершить путешествие из конца в конец Азии в относительной безопасности, что и делали некоторые европейцы.

Наиболее известными из таких путешественников были два брата, Николо и Маттео Поло, уроженцы Венеции, значительного торго-

вого города, имевшие торговые связи с еще более значительным городом — Константинополем (над которым Венеция экономически господствовала несколько десятилетий). В 1261 г. братья отправились на Восток и добрались до Пекина, столицы Хубилая.

В 1269 г. они вернулись с посланием к Римскому Папе Клименту IV от Хубилая, в котором тот просил направить на Восток сто миссионеров, чтобы проповедовать китайцам христианство. К сожалению, Климент умер за год до этого, а процесс избрания его преемника затянулся на целых три года, и к этому времени энтузиазм Хубилая уже угас.

В 1271 г. братья вручили послание новому Папе, Григорию X, а затем снова отправились на Восток, взяв с собой на этот раз Марко, семнадцатилетнего сына Николо. Только два миссионера вызвались сопровождать их, да и те недолго оставались с ними. В 1275 г. Поло снова прибыли в Пекин, но без миссионеров.

Поло оставались там около двадцати лет, и их дела шли очень хорошо. Марко даже выучил монгольский язык и так хорошо зарекомендовал себя, что Хубилай отправлял его с поручениями в различные области своих владений. Марко получил, таким образом, возможность узнать те области Азии, которых не видел до него ни один европеец, и, возвращаясь из поездок, он все подробно записывал.

В конце концов Поло начали мечтать о возвращении. Хубилай состарился, и нельзя было исключить, что его преемник окажется менее благосклонным к европейцам. Уехать было, однако, не так-то просто. К счастью, такая возможность предоставилась, когда Поло получили разрешение сопровождать монгольскую принцессу

в Персию. Выполняя это поручение, они отправились туда морем вдоль берегов Китая и Индии. Узнав в пути, что Хубилай действительно умер, они просто продолжили свою поездку. В 1296 г. Поло вернулись в Италию.

В этот период Венеция вела постоянные войны со своим соперником — Генуей, другим итальянским торговым городом. В 1298 г. в морской битве между двумя городами Марко Поло, сражавшийся за родную Венецию, попал в плен к генуэзцам и несколько месяцев провел в тюрьме.

Во время заключения он писал книгу о годах, прожитых им в далекой Азии. Его книга “Путешествия Марко Поло” имела большой успех, как многие хорошо написанные рассказы о путешествиях, но отнюдь не все европейцы доверяли его сообщениям. Они не признавали достоверными сведения, касающиеся размеров Азии, ее богатства, ее достижений. Его даже прозвали в насмешку “Марко Миллион”, потому что, рассказывая об Азии, он вел счет только на миллионы. А книга Марко отличалась от всех повествований о путешествиях, написанных в средние века, именно точностью.

То, что практически все, рассказанное Марко Поло, достоверно, выяснилось позже, когда европейцы лучше узнали Азию¹.

Вне зависимости от того, принимались рассказы Марко Поло на веру или нет, они укрепили мнение европейцев об Азии как о стране сказочного богатства. Благодаря Марко Поло интерес европейцев к этому блестящему Востоку многократно усилился.

1. Одна ошибка Марко Поло имела более важные последствия, чем его точные сведения. Возможно, под влиянием Птоломея он сильно переоценил протяженность Азии на восток. Как мы увидим, это недоразумение оказалось счастливым.

МОРСКИМ ПУТЕМ В ИНДИЮ

Возвышение Португалии

На протяжении многих веков торговля между Европой и странами Юго-Восточной Азии сочилась тоненькой струйкой. На Запад попадал, например, шелк и пряности. Но все-таки это был товарообмен между разными народами, и каждый отстаивал свои интересы. В эпоху Монгольской империи появились шансы, что торговые связи народов Тихоокеанского и Атлантического регионов станут крепнуть и процветать. Казалось, что примеру Поло вот-вот последуют другие.

Однако к 1368 г., меньше чем через полвека после смерти Марко Поло, монголы были изгнаны из Китая. На смену им пришла местная династия, представители которой ясно продемонстрировали, что не хотят видеть в стране иностранцев. Примерно в это же время началась череда победоносных походов Тамерлана, потомка Чингисхана, в результате которых под его контролем оказалась вся Западная Азия. Тамерлан, чьи владения простирались между Европой и Дальним Востоком, тоже относился к иноземцам недружелюбно.

Восток, открывшийся было глазам европейцев, поманивший их своими чудесами, оказался вновь изолирован; сухопутной дороге в Индию суждено было оставаться закрытой почти навсегда. Никогда больше между западноевропейскими и азиатскими правителями не устанавливались столь близкие и непосредственные связи, как в эпоху Монгольской империи.

Но то было на суше. А как насчет моря? Марко Поло совершил морское путешествие вдоль берегов Китая и Индии. Не существовало ли такого пути по морю, по которому можно было бы добраться до этих берегов из Европы? Лучше всего европейцы знали Средиземное море. Оно простиралось на восток, но там из него не было выхода. Из юго-восточной части Средиземноморья можно было попасть на Синайский полуостров, преодолев его — в Красное море, а оттуда уже достаточно легко морским путем в Индию. Проблема, однако, заключалась в том, что Синайский полуостров да и все южное и восточное побережье Средиземного моря находились в руках мусульман, чьи отношения с христианами Западной Европы были весьма враждебными, так что шансов найти удобный маршрут из Европы на Восток через мусульманские территории было немного. В таком случае нет ли возможности вообще уйти из Средиземного моря? Предположим, что корабли выйдут в Атлантический океан, направятся на юг, потом повернут на восток. Тогда они смогут обогнуть Африку и попасть в отдаленные регионы Востока, минуя мусульманский мир.

Крайней, юго-западной частью Европы, которая из-за своего географического положения оказывалась отправным пунктом в любом плавании вокруг Африки, является Иберийский по-

луостров¹. В VIII в. полуостров был захвачен маврами — мусульманами из Северной Африки, но в гористой северной части его оставались христианские государства, и долгий процесс отвоевания захваченных территорий начался практически сразу. К XIV в. большая часть полуострова была уже отвоевана, и власть мусульман ограничивалась эмиратом Гранада на самом юге.

Христианская часть полуострова никогда не была единой, она состояла из отдельных королевств, ревностно охранявших свою независимость и часто воевавших между собой.

На самой восточной окраине полуострова находилось королевство Арагон. Его владения примыкали к Средиземному морю, и понятно, что в поисках возможностей для расширения оно обратило свои взоры на восток, а не в сторону Атлантики. К 1300 г. Арагон стал одной из главных сил Средиземноморья и подчинил себе значительную часть Италии и несколько островов между своим собственным и итальянским побережьями.

Центральную часть полуострова занимала Кастилия. Ей принадлежало больше половины внутренней части полуострова, и она имела выход как к Средиземному морю, так и к Атлантическому океану. К югу от Кастилии располагалась Гранада, и борьба с мусульманами отнимала у кастильцев много сил.

Государство, занимающее крайний запад полуострова, появилось в 1095 г. На территории, расположенной в нижнем течении реки Дуэро, было образовано графство, правителем которого стал французский рыцарь Энрике Бургундс-

1. Пиренейский полуостров. — *Прим. перев.*

кий. Во времена римлян эта область называлась Кале, а город в устье реки Дуэро — “Порт Кале”. Постепенно название города стало звучать как “Опорто”, а название всей области — “Португалия”. Мало-помалу потомки Энрике Бургундского захватывали земли мавров, расположенные южнее их собственных владений. К 1249 г. им принадлежало все побережье Атлантики к югу от Дуэро, и Португалия, ставшая к тому времени королевством, достигла своих сегодняшних размеров¹.

После 1249 г. границам Португалии и Арагона более не угрожали враги-мусульмане. Подобно Арагону, Португалия выходила к морю, но не к Средиземному, а к Атлантическому океану. Находясь на самом юге страны, можно разглядеть на горизонте Африку, темную и туманную.

Кроме того, Португалия имела сухопутную границу с Кастилией, значительно превосходившей ее размерами, и это, конечно, таило в себе угрозу. Кастилия поглотила два маленьких северных королевства Леон и Наварру, и Португалию вполне могла постичь та же участь.

Опасность стала реальной после смерти Фернандо I Португальского в 1383 г. Фернандо был последним прямым потомком Энрике Бургундского, сыновей у него не было. Его единственная дочь, Беатриса, была замужем за Хуаном I Кастильским. Естественно, Хуан настаивал на том, чтобы Португалией теперь управляла Беатриса и чтобы их сын, Энрике, стал правителем обеих стран после смерти родителей.

Португальцы же не хотели даже слышать об этом. У покойного Фернандо I был брат Жуан.

1. Границы Португалии оставались неизменными практически восемьсот лет, что является рекордом для Европы.

Единственная проблема заключалась в том, что он был незаконнорожденным ребенком. Но португальцы все же сочли, что власть незаконнорожденного сына португальского короля лучше, чем законнорожденного кастильского. Жуана провозгласили королем Португалии, и это само по себе было равнозначно объявлению войны Хуану I Кастильскому.

В августе 1385 г. Хуан I Кастильский ввел свою армию в Португалию, и 14 августа произошло грандиозное сражение у Алжубарроты, в шести милях к северу от Лиссабона. Хуан Кастильский потерпел сокрушительное поражение; его армия была уничтожена и рассеяна, а сам он едва спасся.

Одним из факторов в этой победе оказалась помощь, присланная португальцам англичанами. Англия тогда воевала с Францией, и коль скоро Кастилия вступила в союз с Францией, Англия стала помогать врагам Кастилии.

В 1386 г. англичане даже предприняли поход на Кастилию. Им руководил Джон Гонт, герцог Ланкастерский, дядя Ричарда II, короля Англии, и сын предыдущего короля, Эдуарда III. Поход окончился неудачей, но, перед тем как вернуться домой, Джон Гонт устроил брак своей дочери Филиппы и Жуана I Португальского.

У Жуана было четыре сына и дочь от его английской жены. Старшего назвали Эдуардом (по португальски Дуарте) в честь его английского деда, и он стал королем Португалии после смерти своего отца Жуана I. Третий сын Жуана, Энрике, родившийся в 1394 г., остался в истории как «Генрих Мореплаватель»¹.

1. Энрике — португальский вариант имени Генрих. — *Прим. перев.*

Победа над кастильцами подняла боевой дух португальцев, им хотелось новых побед, новых триумфов. Кастилию можно было пока сбросить со счетов, так что ближайшие враги обретались в Африке, отделявшейся от Иберийского полуострова узким проливом.

Был собран флот. Целью первого заморского похода португальцев стала Сеута, город, расположенный на северной оконечности нынешнего Марокко. Жуан и его сыновья сопровождали флот, и 24 августа 1415 года Сеута была взята в результате штурма. Принц Генрих очень отличился при этом, и его штандарт был первым водружен на городскую стену.

Вдоль берегов Африки

Во время похода против Сеуты принц Генрих был потрясен Африкой; она стала главным и единственным интересом его жизни. С тех пор, в течение сорока пяти лет, до самой своей смерти в 1460 г., он преследовал только одну цель — исследовать берега Африки, найти дорогу вокруг континента и проложить морской путь в Индию.

В 1420 г. после возвращения из своего второго похода на Сеуту, призванного помочь размещенному там португальскому гарнизону выдержать осаду, он основал порт, настоящий центр навигации в Саграх, на самой юго-западной оконечности Португалии. Эта гавань стала полигоном для опытных моряков, там создава-

лись новейшие модели кораблей, изобретались и испытывались средства навигации, подбирались и обучались новые команды, тщательно снаряжались экспедиции.

Год за годом принц Генрих отправлял корабли на юг вдоль Атлантического побережья Африки, причем каждый следующий старался пройти дальше предыдущего. Это напоминало космические экспедиции XX в.: путешествия вдоль берегов Африки были для своего времени не менее дерзким начинанием, чем планы покорения Луны в наше время.

Усилия Генриха принесли первый плод еще до того, как он организовал свой центр в Саграх: в 1418 году маленькая группа островов, расположенных в пятистах восьмидесяти милях к юго-западу от Португалии и в четырехстах милях от побережья Африки, была открыта португальским моряком Жоао Гонсалвесом Зарко. Он сделал свое открытие случайно, потому лишь, что штормом его отнесло от берегов Африки. (Такие открытия, сделанные благодаря штормам, имели место до и после Зарко.) Зарко назвал самый большой остров “Мадейрой”, — португальское слово, обозначающее “лес” или “древесину”, — так как остров был лесистым.

Мадейра, вполне возможно, была замечена более ранними путешественниками: на итальянской карте, датированной 1350 г., приблизительно в этом месте обозначены острова. Но Мадейра прочно вошла в сознание европейцев именно после португальского открытия. Когда Зарко достиг острова, он был необитаемым. Генрих Мореплаватель решил основать там колонию и вырубил леса, желая сделать местность пригодной для земледелия. Остров и сегодня принадлежит Португалии.

КАРТА I

Век открытий

В трехстах милях к югу от Мадейры и всего в пятидесяти милях от побережья Африки находится намного большая группа островов. Эти острова несомненно были известны римлянам, называвшим их “Канария”, от латинского слова *canis* — “собака”, поскольку они слышали, что там обитали дикие собаки. Теперь мы называем эти острова Канарскими¹.

Мореходы из разных стран облюбовали эти острова задолго до принца Генриха. Многочисленные искатели приключений, стремясь обосноваться на Канарах, обращались к Кастилии за помощью, и к моменту, когда принц Генрих начал свои африканские исследования, у Кастилии уже были там опорные пункты. В 1425 г. Генрих, боявшийся соперничества Кастилии в деле освоения африканских вод, снарядил экспедицию, чтобы захватить их. Экспедиция провалилась, и, несмотря на неоднократные усилия португальцев, Канарские острова остались кастильскими.

В восьми милях к западу от Мадейры в Атлантическом океане расположена еще одна группа островов, еще за сто лет до описываемого времени появившаяся на итальянских картах. Принц Генрих, вероятно, видел такие карты или слышал рассказы моряков об этих островах, так как в 1431 г. он отправил экспедицию на запад, чтобы найти их. Гонсалво Вельу Кабрал, возглавивший экспедицию, обнаружил острова и, увидев там соколов, дал им название *Acores*, что по-португальски значит “соколы”. Ныне они называются Азорскими островами.

1. А местная птичка с желтым оперением семейства вьюрковых была одомашнена, приобрела большую популярность в Европе и называется канарейка.

Азорские острова, необитаемые в ту пору, были колонизированы португальцами, и до сих пор остаются частью Португалии.

Если бы только принц Генрих знал, что отправленная им на Азорские острова экспедиция проделала одну треть пути к Америке! Однако он не ставил себе задачи проникнуть на запад. Он хотел обогнуть Африку и неуклонно стремился на юг.

Год за годом отважные португальские моряки продвигались дальше к югу. К 1433 г. они проплыли около тысячи миль вдоль берегов Африканского континента, а в следующем десятилетии были преодолены еще восемьсот миль.

Это стало своего рода вехой, ведь весь этот маршрут длиной в тысячу восемьсот миль пролегал мимо весьма неплодородной западной границы великой пустыни Сахары. Но вот наконец была пройдена южная граница пустыни, и в 1444 г. мореплаватель Нуньо Тристрам достиг устья большой реки, впадавшей в море. Это была река Сенегал.

Годом позже Диниш Диаш проплыл еще сто двадцать миль к югу и достиг Зеленого Мыса, названного так из-за его цвета, сильно отличавшегося от грязновато-коричневой Сахары. И Зеленый Мыс стал для португальцев новой вехой.

Более четверти века экспедиции Генриха неуклонно продвигались вперед, преодолев около двух тысяч миль, но все это время мореплавателям приходилось, следуя линии побережья, плыть на юго-запад, то есть с каждой милей удаляться от вожделенных сокровищ Индии. Достигнув Зеленого Мыса, корабли оказались примерно на пятьсот миль западнее Португалии.

Но Зеленый Мыс, как выяснилось, был самой западной точкой Африканского континента.

Дальше линия берега пошла прямо на юг, а затем повернула к востоку. Теперь корабли стали двигаться к конечной цели, а не от нее.

Кроме того, африканский берег представлял интерес сам по себе. Когда пустынные места сменились плодородными и населенными, обнаружилось, что туземцы готовы менять золото и слоновую кость на товары, которые могли предложить им португальские моряки.

Коренное население, кроме всего прочего, могло предложить пришельцам себя. Африканские племена воевали друг с другом, и пленные обычно становились рабами. Вожди племен не видели ничего зазорного в продаже рабов португальцам, а португальцы — в их покупке. Туземцы были темнокожими, поэтому считались полулюдьми-полуобезьянами, то есть существами, самой природой приспособленными к рабству. Кроме того, они были язычниками, и люди, покупавшие их, могли успокаивать себя мыслью, что они будут обращены в христианство и что спасение их душ с лихвой искупит телесное рабство.

Принц Генрих пробовал остановить эту торговлю людьми, но безуспешно, и так началась ужасная эра порабощения чернокожих христианами. Ей суждено было длиться четыреста лет (а США последними отказались от рабства) и оставить наследие, представляющее собой проблему для всего человечества, и особенно для США, по сей день.

В 1455 г. Альвизе да Кадамосто, венецианский мореплаватель, работавший на принца Генриха, исследовал реку Гамбию, протекающую примерно на сто пятьдесят миль южнее Зеленого Мыса. Он также открыл Острова Зеленого Мыса, группу из четырнадцати островов, примерно в двухстах тридцати милях к западу от Зе-

леного Мыса, с тех самых пор находящихся во владении Португалии.

В 1460 г. Педро де Синтра исследовал около восьмисот миль побережья к югу от Зеленого Мыса и убедился, что береговая линия все время идет на юго-восток. Не было оснований сомневаться, что так будет и дальше и что корабли, двигаясь вдоль берега, станут тем самым приближаться к Индии. Когда 13 ноября 1460 г. Генрих Мореплавателю умер, его последние часы должно быть, скрашивала мысль о том, что дело его жизни близится к завершению.

Увы, это было не так. Корабли принца Генриха преодолели максимум одну пятую всего пути к цели, и главные трудности были впереди.

Сначала казалось, что все не так плохо. Конечно, больше не было инициатора и вдохновителя, но жажда наживы толкала португальцев вперед. К 1470 г. они достигли участка побережья, где торговля золотом была особенно выгодной, поэтому регион стал известен как “Золотой берег”, название, сохранявшееся на протяжении примерно пяти веков. Кроме того, береговая линия шла теперь не на юго-восток, а строго на восток. Плывая вдоль нее, моряки двигались прямо к Индии.

Охваченные воодушевлением, мореплаватели всячески стремились превзойти достижения предшественников, и к 1472 г. Фернандо По открыл остров, называющийся его именем. К этому времени мореходы прошли вдоль побережья Африки еще тысячу восемьсот миль к востоку от самой западной ее точки — Зеленого Мыса. Они уже были на тысячу триста миль восточнее самой Португалии. Казалось, нужно продолжить движение на восток, и Индия будет достигнута.

Но потом было сделано обескураживающее открытие. У острова Фернандо-По линия берега неожиданно снова пошла на юг, на юг... на юг... И не похоже было, что где-то есть поворот на восток.

Некоторое время португальцы испытывали разочарование, их стремление достичь Индии ослабело. Утешение виделось в том, что и африканский берег, уже известный им, был полон сокровищ. Зачем же искать чего-то еще?

Но в 1481 г. на португальский трон взошел Жуан II, правнук Жуана I и внучатый племянник Генриха Мореплавателя. Он был энергичным королем, многие даже считают его величайшим монархом в португальской истории, и стал продолжателем дела принца Генриха. Человек волевой, он заставил своих мореходов двигаться вперед и вперед, — и если береговая линия ведет на юг, упорно плыть вдоль нее до той точки, где она повернет. А повернуть она должна, Жуан в этом был уверен.

В 1482 г. экспедиция, возглавляемая Диогу Сау, продвинулась на тысячу миль южнее острова Фернандо-По, достигла устья реки Конго, а потом проделала еще около шестисот миль. К 1486 г. она оказалась у берегов нынешней Анголы, большой страны на юго-западе Африки.

Тем не менее береговая линия упорно вела мореходов на юг, все время на юг.

Жуан II не сдавался. В 1487 г. он снарядил экспедицию, которая должна была достичь Индии, проплыв через Средиземное и Красное моря. Возможно, это не имело практического смысла для развития торговли, но в ходе путешествия могла быть получена ценная информация.

Под предводительством Педру де Ковильяу португальцы миновали Каир, затем добрались до

Адена у южной оконечности Красного моря. Там Ковильяу пересел на корабль, доставивший его в Индию. Приплыв на обратном пути к восточным берегам Африки, он обследовал побережье в южном направлении вплоть до устья реки Замбези (страна на юго-восточном побережье Африки, в центре которой течет Замбези, сейчас известна как Мозамбик).

Ковильяу остался в Эфиопии, но отправил на родину подробный отчет. По его подсчетам ширина Африканского континента не могла быть больше полутора тысяч миль в южных точках, которых достигли Сау и Ковильяу. А его ширина на севере равнялась примерно четырем тысячам миль, так что казалось, континент, сужаясь, сходится в одну точку. Возможно, еще один шагок, и эта точка будет найдена.

Шажок этот был вскоре сделан, так как в том же году, когда Ковильяу уехал, было предпринято другое путешествие. Два корабля под предводительством Бартоломеу Диаша отбыли из Лиссабона в августе 1487 г. Он плыл вдоль берегов Африки, пока не оказался дальше всех тех, кто когда-либо плавал в южном направлении.

Он проплыл на четыреста миль дальше Сау и достиг точки, сейчас называемой точкой Диаша. Там разыгрался сильный шторм, который увлек его корабли к югу и, кроме того, отнес их от побережья в открытое море. Диашу оставалось только отдаться на волю волн и радоваться тому, что он не утонул.

Когда шторм кончился, суши не было видно. Решив, что Африка осталась где-то восточнее, он поплыл в том направлении — и ничего не обнаружил. Тогда он повернул на север, дабы лечь на курс, с которого сбился во время шторма, и 3 февраля 1488 г. подплыл к месту, носящему сейчас

название Моссел-Бей. К его изумлению, африканское побережье, если предположить, что это было оно, простиралось и на восток и на запад. Стало быть, где-то существовала точка поворота береговой линии с юга на восток — и он пропустил эту точку во время шторма.

Он двинулся вдоль берега на восток и, пройдя двести пятьдесят миль, достиг реки Грейт-Фиш и убедился, что там берег поворачивает на северо-восток. Теперь он был уверен, что наконец-то добрался до восточного побережья Африки и что достичь Индии теперь совсем несложно — нужно просто плыть на север и на восток.

Диаш был абсолютно прав, но его команда взбунтовалась. Они прошли дальше, чем кто-либо другой (если только не считать легендарного путешествия финикийцев за 2000 лет до этого), и они явно обогнули южную оконечность континента. Этого было достаточно. Они желали вернуться домой, и Диашу пришлось уступить.

Они поплыли вдоль берега с востока на запад, и в конце концов Диаш, пройдя за линию восток—запад, обнаружил место, где береговая линия довольно резко уходила на север. Это был мыс, который он пропустил во время шторма, поэтому он назвал его мысом Бурь.

Однако, когда он вернулся и доложил обо всем королю, Жуан II отказался признать это название. Обнаруженный Диашем мыс вселял надежду на то, что морской путь в Индию будет все-таки открыт, и Жуан II назвал его мысом Доброй Надежды, название, сохранившееся и по сей день.

Жуан II был прав в этом, но, к сожалению, он не дождался до того, чтобы увидеть осуществление вдохновлявшей его и Генриха Мореплывателя

мечты. В 1497 г. португальский мореплаватель Васко да Гама обогнул Африку на корабле и достиг Индии.

Подобный маршрут позволял оставлять в стороне мусульманский мир. Португалия последовательно создавала огромную колониальную империю в Африке и Юго-Восточной Азии. Ее примеру последовали другие нации. Европа становилась богатой и мощной, заселяя неизвестные дотоле континенты, подчиняя себе коренные народы, которые не могли противостоять напору и энергии европейцев. И именно Португалия положила начало европейскому господству в мире, длившемуся четыреста пятьдесят лет и закончившемуся только в наше время.

Христофор Колумб

Путешествия Васко да Гамы не имеют непосредственного отношения к теме этой книги. Португальские экспедиции к берегам Африки интересуют нас лишь постольку, поскольку они стали толчком к пересечению Атлантики. К 80 гг. XV в., моменту, когда Диаш обнаружил-таки южную оконечность Африки, бесплодные попытки Португалии найти путь вокруг этого континента длились более шестидесяти лет. И пусть они в конце концов увенчались успехом, разве не был этот путь слишком длинным и трудным? И не существовало ли пути более короткого и более прямого?

Важно помнить, что каковы бы ни были представления простых людей того времени, европейцы, получившие образование и, конечно же, все опытные моряки, были твердо убеждены в том, что Земля имеет форму шара. Это поняли еще в античности, и ни один образованный человек не сомневался, что если проплыть от Европы достаточно далеко на запад, то можно достичь Индии.

Вопрос заключался лишь в том, насколько далеко это “достаточно далеко”?

Если Эратосфен был прав и окружность Земли составляла 25 000 миль, кораблям надо было проплыть по меньшей мере 16 000 миль от Португалии, чтобы добраться до берегов Индии. Столь длительное путешествие по открытому морю было невозможно.

Разумеется, на пути могли встретиться острова, даже огромные куски суши, богатые и необитаемые, но осторожные португальские мореплаватели сомневались в этом. Не исключено, что окружность Земли была меньше 25 000 миль, но разве можно было полагаться на это?

Кроме того, португальцы все-таки снарядили несколько тайных экспедиций, чтобы хоть немного пройти на запад, разведать, что возможно, и эти экспедиции неизменно сталкивались со встречным ветром, ведь в умеренных широтах ветры дули с запада на восток.

Поэтому португальцы предпочитали путь вокруг Африки, хоть он и был длинным и трудным. Так, по крайней мере, можно было постоянно двигаться вдоль берега; можно было найти убежище от штормов и, более того, можно было добыть золото, слоновую кость, специи и захватить рабов.

Тем не менее находились и такие, кто мечтал о пути на запад, через Атлантику, и самым знаменитым из них стал Христофор Колумб.

Колумб, сын ткача, родился в Генуе, в Италии, около 1451 г., но есть некоторые основания сомневаться в его итальянском происхождении. Он производит впечатление подлинного испанца по культуре, он говорил и писал только на испанском, еще до того как переселился в эту страну. Существует версия, что он происходил из еврейской семьи, переселившейся из Испании в Геную за какое-то время до его рождения и принявшей христианство. Сам Колумб был, конечно, убежденным католиком.

Колумб, по его собственным словам, вышел в море подростком, и в 1476 г. он участвовал в морском сражении недалеко от берегов Португалии. Он сражался на стороне Португалии и, когда его корабль загорелся, сумел вплавь добраться до берега. При этом он оказался довольно близко от того места, где находился центр мореходства принца Генриха.

Впрочем, он не нуждался в этом совпадении, чтобы загореться мечтой об Индии. Он грезил о ней уже на протяжении нескольких лет, и, по его мнению, успех должен был принести западный маршрут. Он советовался с известным итальянским географом того времени, Паоло Тосканелли, который послал ему карту, иллюстрирующую его собственные теории. Согласно Тосканелли, окружность Земли равнялась всего лишь 18 000 миль, и от Азорских островов до островов, лежащих у восточного побережья Азии (Тосканелли признавал переоцененную Марко Поло протяженность Азии на восток), могло быть чуть больше 3000 миль открытого океана.

Есть мнение (хотя далеко не все разделяют его), что в молодости Колумб побывал в Исландии. Если так, он, возможно, слышал о норвежских путешествиях, которые совершались за

пятьсот лет до того, и туманные повествования о лежащем где-то на западе Винланде. С большей степенью вероятности можно утверждать, что он прожил какое-то время на Мадейре, году в 1479 или 1480, и там слышал рассказы об огромных кусках дерева и других предметах, которые несло океанским течением с запада на восток. Это свидетельствовало о существовании суши где-то на западе, и, возможно, даже не очень далеко.

Кроме того, он наверняка с жадностью следил за новостями, касающимися португальских плаваний вдоль берегов Африки, и он читал и пересчитывал рассказы Марко Поло о его путешествиях.

К 1483 г. Колумб обратился к Жуану II Португальскому с просьбой дать ему корабли, людей и денег для экспедиции на запад в поисках Индии. Жуану II, смелому и устремленному в будущее человеку, идея показалась соблазнительной. Но она требовала больших денежных вложений, а путешествие было сопряжено с риском, большим риском. Его собственные мореплаватели убеждали его в безрассудности этого плана, и Жуан колебался. Но он не отказывался полностью от этой идеи вплоть до 1488 г., когда весть об открытии Бартоломеу Диаша достигла Лиссабона. Теперь, когда мыс Доброй Надежды был пройден, Жуан II, ликуя и пребывая в полной уверенности, что Индия вот-вот окажется в его власти, оставил все мысли о походах на Запад.

Но Колумб не оставил своей мечты. Пусть Португалия отказалась помочь ему, но ведь были и другие морские державы, которые могли это сделать. И действительно, с Португалией граничила новая страна, которая вполне могла загореться идеей превзойти Португалию.

Собственно говоря, пограничной с Португалией страной была Кастилия, но теперь она как раз исчезла с карт. И вот каким образом. В 1469 г. Изабелла, сводная сестра Энрике IV Кастильского, вышла замуж за Фердинанда, сына Хуана II Арагонского. Это была влюбленность, которая привела к удачному во всех отношениях браку.

В 1474 г. Энрике IV Кастильский умер, не оставив сыновей, но у него была дочь, которая вышла замуж за Альфонсо V Португальского (отца Жуана II). Кастильцам нужно было выбирать из двух принцесс, каждая из которых была замужем за иноземным королем. В конце концов они выбрали Изабеллу, и она стала королевой Кастилии Изабеллой I.

Чуть позднее, в 1479 г., умер Хуан II Арагонский, и его сын стал Фердинандом II Арагонским. Таким образом, Фердинанд и Изабелла стали царствовать над двумя народами — кастильцами и арагонцами. В то время казалось, что это просто союз монархов двух различных народов. Но случилось так, что с тех пор оба народа остались в едином государстве навечно, поэтому с эпохи Фердинанда и Изабеллы историки говорят уже не о Кастилии и Арагоне, а только о единой Испании.

С образованием Испании весь Пиренейский полуостров, кроме Португалии и мусульманского эмирата — Гранады оказался в одних руках. Объединив территории и богатства двух стран, Испания, охваченная духом честолюбия, стала искать возможностей дальнейшего расширения.

Естественной жертвой оказалась Гранада, и в 1481 г. она дала Испании повод начать войну. Одиннадцать лет Фердинанд и Изабелла проводили трудную кампанию в южных горах. Гранада, ослабленная внутренними распрями, посте-

пенно сдавала позиции. В апреле 1491 г. столица Гранады была осаждена и 2 января 1492 г. пала. Последние следы мавританского господства на Пиренеях были уничтожены — примерно через восемьсот лет после того, как мавры впервые появились на полуострове¹.

На волне воодушевления и гордости, захлестнувшей Испанию после уничтожения Гранады, вполне естественным было стремление Изабеллы и Фердинанда к другим великим деяниям. Более того, пока Испания была занята внутренними проблемами и войной с Гранадой, соседняя Португалия, королевство, намного меньшее, чем Испания, прославилась своими африканскими успехами на весь мир и активно искала новые земли. Неужели Испания не могла ничего противопоставить этому?

Колумб стремился извлечь выгоду из настроений, царивших в Испании, из этого духа соревнования. Он отправился в Испанию примерно в 1484 г. и, добиваясь своей цели, прибег к новым доводам. Сам факт, что Португалия держала путь вокруг Африки под неусыпным контролем, делал для Испании желательным найти какую-то альтернативу. Западный маршрут был не только более практичным, чем африканский, говорил Колумб, но он давал Испании возможность проникнуть в Индию, не соревнуясь с Португалией.

Многие испанцы, слушавшие Колумба, заинтересовались его доводами. Они замолвили о нем слово перед Изабеллой и Фердинандом, и

1. Выиграв эту войну, Испания впервые смогла проверить свою военную мощь на деле. Под объединенной властью двух монархов она стала огромной силой. Фактически испанская армия стала лучшей в Европе и оставалась такой еще полтора столетия.

в 1486 г. королевская чета выслушала его. Речь Колумба была весьма впечатляющей, и его идеи особенно привлекли Изабеллу. Но королевская чета не могла не осознавать, что проект рискованный; что деньги, вложенные в него, могли пропасть, в то время как каждая монета, поступившая в королевскую казну, нужна была для войны с Гранадой.

Фердинанд и Изабелла по обыкновению правителей медлили; они создали комиссию, чтобы изучить предложения Колумба. В выводах комиссии не чувствовалось никакого воодушевления.

Колумб одолевал монаршую чету своими просьбами около четырех лет. Ему приходилось проявлять немалую изобретательность в отстаивании своих взглядов и поддержании интереса к ним со стороны Фердинанда и Изабеллы.

По сути дела, короля и королеву смущало не столько само путешествие, сколько то, что Колумб требовал почестей и процентов от общих прибылей. Колумб (очень упрямый человек) не шел на уступки, а Фердинанд (очень скупой человек) продолжал качать головой. В это время он осаждал Гранаду, и далекая Индия не слишком много значила для него.

В начале 1492 г. Колумб отступился. Он решил попытать счастья в другой стране и отправился во Францию.

Но едва только он уехал, как Фердинанд начал сомневаться. Война кончилась, Гранада была взята, и Испания купалась в славе. Возможно, теперь как раз настало время для нового рискованного начинания. Те, кто поддерживал Колумба, продолжали настаивать на своем, и монархи в конце концов уступили. За несговорчивым и требовательным мечтателем были посланы гонцы, и Колумб уже на самой границе повернул назад.

Все требования Колумба были приняты, но финансовое обеспечение оказалось не на высоте. Ему дали маленькие корабли, довольно старые, с общим водоизмещением не больше ста девяноста тонн. Его команда состояла из людей, освобожденных из тюрем с условием, что они примут участие в путешествии. Узники, вероятно, были счастливы оказаться на свободе, но это еще не значило, что они мечтали плыть на далекий и загадочный запад. Общая стоимость экспедиции была оценена в сумму (на нынешние деньги) от 16 000 до 75 000 долларов — не очень много даже для тех времен.

Величайшее путешествие

Третьего августа 1492 г. Колумб с командой из девяноста человек на трех кораблях покинул Палос, порт на юге Испании, всего в тридцати милях от восточной границы Португалии.

Те, кто смотрел, как корабли уходят за горизонт в юго-западном направлении, возможно, не осознавали, что оказались очевидцами величайшего морского путешествия всех времен. Возможно, Колумб, при всем его пыле, тоже не очень хорошо осознавал это. Так или иначе, факт тот, что начавшееся путешествие взломало прежние границы Европы.

Путешествие открыло новые горизонты, новый мир, новую землю, новую перспективу, все-

лило в сознание европейцев новые надежды, подвигло их на новые деяния. После этого путешествия европейцы начнут исследовать каждый континент, каждый остров, а их корабли станут бороздить океаны, словно собственные территориальные воды.

В результате многие историки в поисках даты, которая могла бы служить границей средних веков и нового времени, выбрали 1492 г. — и путешествие Колумба, начавшееся 3 августа этого года, представляется им одним из поворотных пунктов истории человечества.

Колумб добрался до Канарских островов, единственных в Атлантическом океане принадлежавших Испании, и 6 сентября 1492 года отправился в неизвестность. Это было весьма предсудительно с его стороны, так как прежде чем пуститься в настоящее путешествие, он отплыл далеко на юг, чтобы воспользоваться преимуществами попутных ветров в своем движении к западу. (Португальским морякам, которые пробовали плыть на запад севернее, на широте Азорских островов, западные ветры по большей части дули навстречу.)

В течение семи недель корабли Колумба плыли на запад. Удивительно, но океан был абсолютно гладким, небывало гладким. Ни разу за это время не было шторма — Колумбу по-настоящему повезло, так как его неуклюжие суда, скорее всего потонули бы, попав в настоящую бурю.

Тем не менее, все эти семь недель моряки видели одно только бесконечное море без единого острова. Они проплыли больше, чем ожидал Колумб, и, хотя он и вел журнал, в котором указывал меньшее расстояние, чем на самом деле, команда становилась все более беспокой-

ной и враждебной. Только твердая воля Колумба вела корабли дальше на запад.

Наконец 12 октября 1492 г. показалась земля. Это, конечно, была не Индия. Но это не был и Американский континент. Это был просто маленький остров, находившийся на расстоянии более двух тысяч миль к западу от Азорских островов. Ни один европеец, за исключением забытых финикийцев и норвежцев, еще не бывал раньше так далеко на западе.

Остров был обитаем, и Колумб, твердо убежденный в том, что он достиг Индии, назвал аборигенов “индейцами”. Это неправильное употребление названия сохраняется и по сей день¹.

Индийское название острова, на котором высадился Колумб, звучало как “Гуанахони”, по крайней мере так индийское название произносили и писали испанцы. Колумб, как истый европеец того времени, считал, что нет никакой необходимости учитывать права неевропейцев. Он ничтоже сумняшеся провозгласил остров собственностью испанской короны и назвал его Сан-Сальвадор (“Святой Спаситель”).

Это название постепенно вышло из употребления, и, что самое удивительное, идентифицировать остров невозможно. Никто не может сказать с уверенностью, на какой именно кусок земли Колумб сначала высадился. Чаще всего Сан-Сальвадор сегодня соотносят с островом Уотлинга, названным в честь английского пирата, Джона Уотлинга.

Этот остров входит в состав Багамских островов, но находится на довольно большом рас-

1. Чтобы отличить индейцев от жителей азиатской страны Индии, жителей Американских континентов иногда называют “красными индейцами”, “американскими индейцами” или даже “америндами”.

стоянии к востоку от основной группы, и это дает возможность предположить, что именно там Колумб впервые ступил на берег.

А поскольку Колумб был так уверен в том, что открытые им острова являются частью Индии, то острова вдоль американского побережья называются “Вест-Индией” и по сей день. Острова у побережья Азии, которым это название подходит намного больше, пришлось определить как “Ост-Индию” (теперь это Индонезия).

Колумб стремился поскорее удостовериться в богатстве Индии (ведь Сан-Сальвадор был только в три раза больше острова Манхэттен и отнюдь не отличался восточным великолепием). В поисках богатых золотом земель он добрался до Кубы 28 октября. Следуя вдоль ее северо-восточного берега, он оценил ее размеры и подумал, что это мог быть остров Зипангу, о котором говорил Марко Поло и который мы теперь называем Японией. К востоку от Кубы в декабре он обнаружил еще один остров, названный им Эспаньола (“Маленькая Испания”) и носящий в наше время название Гаити.

Недалеко от Эспаньолы самый большой из его кораблей, “Санта-Мария”, потерпел крушение. Колумб использовал дерево корабля, чтобы построить на острове форт, который был укомплектован тридцатью девятью добровольцами. Это была первая попытка заселения новых земель на западе. Затем, 3 января 1493 г., Колумб повернул оставшиеся два корабля на восток и начал путешествие домой.

Он достиг берегов родного континента 4 марта близ Лиссабона. Его корабль вошел в лиссабонский порт с индейцами на борту (он взял их с собой в качестве доказательства того, что он действительно достиг новых земель) и был

встречен несомненно огорченным, но не подавившим виду Жуаном II, который оказал ему всяческие почести.

После этого Колумб направился в Испанию и прибыл в Палос 13 марта 1493 года, через восемь месяцев после своего отплытия. Внезапно он стал самым известным в мире человеком, и им восхищались куда больше, чем в наше время Линдбергом, хотя и по той же самой причине: оба совершили подвиг, который мало кто считал возможным. Его восторженно приветствовали в Севилье, а к концу апреля он прибыл в Барселону, к Фердинанду и Изабелле, которые встретили его так, словно это он был королем.

Сразу же запланировали второе путешествие, и на сей раз у Колумба не было никаких трудностей с людьми или деньгами. 25 сентября 1493 г. флот из семнадцати кораблей с полуторатысячным экипажем отбыл из Испании. Это второе путешествие привело Колумба снова в Вест-Индию, где в ноябре 1493 г. он открыл Пуэрто-Рико (“богатая бухта”). Это был первый достоверно известный случай, когда европейцы высадились на земле, где теперь развевается флаг Соединенных Штатов.

Двадцать четвертого апреля 1494 г. Колумб прибыл на Эспаньолу и обнаружил, что форт, который он построил год назад, разрушен, а люди, оставленные там, исчезли, — по-видимому, их убили индейцы. Был построен более прочный форт, и Эспаньола стала первой западной землей, на которой постоянно жили люди европейского происхождения. Более того, судьба первого форта, построенного Колумбом, служила доводом для оправдания жесткого обращения с индейцами. Этот прецедент использовался повсеместно; и любая попытка индейцев защитить

свои собственные земли от захвата расценивалась как недопустимая, заслуживающая самого строгого наказания.

Во время двух походов Колумба были открыты только острова. Нога его еще не ступала на континент. Он наверстал упущенное во время своего третьего путешествия, начавшегося от берегов Испании 30 мая 1498 г. и финансировавшегося уже значительно хуже, чем второе. На сей раз он проник дальше на юг и открыл остров Тринидад. Тогда же Колумб увидел берег континента к югу от Тринидада, но принял его за еще один остров.

Девятого мая 1502 г. он предпринял свое четвертое — и последнее — путешествие, в результате которого снова попал на острова. Оттуда он добрался до того места, которое мы сейчас называем Центральной Америкой, до узкого перешейка, соединяющего северный и южный континенты, и проплыл вдоль его берегов. Он вернулся в Испанию 7 ноября 1504 г., проведя целый год на необитаемом тогда острове Ямайка.

До самой своей смерти (20 мая 1506 г.) Колумб был убежден в том, что по западному пути добрался до Индии.

Что касается португальцев, они оправались от потрясения, которое несомненно испытали после возвращения Колумба из его первого путешествия. Ведь к 1497 году Васко да Гама достиг Индии, настоящей Индии, и Португалия уверенно шла по пути колонизации Африки и Азии. В то время, как испанцам принадлежали немногие отдаленные острова, населенные варварами, которые они хоть и называли Индией, но не сумели привезти оттуда никаких сокровищ далекого Востока.

Тем не менее Португалия все-таки имела отношение и к новому континенту. 9 марта 1500 г.

португальский мореплаватель Педру Альвариш Кабрал отправился в плавание в Индию. Ему казалось, что если он обогнет Африку на большем расстоянии, чем обычно, то сумеет воспользоваться попутными ветрами. Пусть ему придется преодолеть большее расстояние, он потратит меньше времени.

На самом же деле он отплыл от побережья Африки так далеко, что 22 апреля достиг восточного изгиба Южной Америки. Он не думал, что на дальнем западе есть континент, и предположил, что видит перед собой остров, возможно даже легендарный Ну-Brasil¹. Такили иначе, страна в восточной части континента до сих пор называется Бразилией, и она оставалась во владении Португалии более трех веков.

В результате путешествия Колумба и Кабрала и их последователей, на всей территории западного мира южнее Рио-Гранде (с незначительными исключениями) говорят либо по-испански, либо по-португальски. А поскольку испанский и португальский языки принадлежат к группе романских, или латинских, языков, огромная территория к югу от Рио-Гранде до сих пор называется “Латинской Америкой”.

Но откуда взялась “Америка”? Это слово происходит от имени итальянского мореплавателя Америго Веспуччи в его латинизированной форме Americus Vespucius².

1. См. главу 1. Общепринятой является точка зрения, согласно которой название “Бразилия” происходит от растущего в этой стране дерева, содержащего красящее вещество, по-португальски называемое “браз”. — *Прим.перев.*
2. В средние века и эпоху Возрождения такая латинизация имен была обычным явлением. Имя Христофор Колумб (Christopher Columbus) тоже латинизировано, его итальянская форма — Cristoforo Colombo, а испанская — Cristobal Colon.

Веспуччи родился в один год с Колумбом и находился в Испании, когда Колумб вернулся из своего первого путешествия. Он участвовал в приготовлениях ко второму и третьему путешествиям. С 1497 г. он сам начал плавать на запад и, по-видимому, исследовал побережье Южной Америки, состоя на службе сначала у испанского, а потом португальского королей.

Его путешествия не имели такого значения, как путешествия Колумба, но, если Колумб настаивал на принадлежности западных земель Индии, Веспуччи придерживался другого мнения. В 1504 г. он заявил, что западные земли представляют собой новый, неизвестный дотоле континент, “Новый Свет”, как он выражался. Более того, он первым заявил: если окружность земного шара составляет 25 000 миль, то между Европой и Азией должно быть два океана; один — знакомый Атлантический, а другой — неизвестный, к западу от “Нового Света”.

Взгляды Веспуччи были признаны 1507 г. немецким географом Мартином Вальдземюллером. Вальдземюллер издал карту, на которой новый континент был обозначен отдельно, а не как часть Европы, Африки или Азии. Он предложил назвать его “Америкой”. В честь Америго Веспуччи, который хоть и не был его первооткрывателем (не был таковым и Колумб, как мы теперь знаем), но зато первым понял, что за земля перед ним. Это название Вальдземюллер обозначил на своей карте.

Название имело успех и скоро стало использоваться повсеместно. Сначала его относили только к южной части нового континента, продолжая считать северную часть Азией. Так, Аляска, область Америки, раньше всех освоенная индейцами, была в последнюю очередь обнаруже-

на европейцами. Но постепенно северную часть тоже признали отдельным континентом. Она стала именоваться Северной Америкой, а южная часть, соответственно, Южной Америкой.

ИССЛЕДУЯ НОВЫЙ СВЕТ

Англия нарушает границу

К концу XV в. Португалия и Испания лидировали в деле познания мира. Первая осваивала побережье Африки, вторая достигла далекого запада. Каждая считала своими новооткрытые земли и по мере собственных возможностей колонизировала их, стремясь извлечь максимальную выгоду из населенных язычниками территорий. Означало ли это, что весь мир будет поделен между обитателями Пиреней — испанцами и португальцами?

Сначала казалось, что именно так оно и будет. Как только Колумб вернулся из своего первого плавания, монаршая чета Испании поняла, что в отношениях с Португалией могут возникнуть трудности. А поскольку оба народа исповедовали католицизм, Испания сочла, что лучшим выходом из сложной ситуации будет предоставить все дела на усмотрение Папы Римского. Возможно, Фердинанд и Изабелла рассчитывали на благоприятные для себя решения, ведь на тот момент папой был Александр VI, испанец по происхождению.

Четвертого мая 1493 г. Папа установил своего рода границу, проведя ее от Северного полю-

са до Южного на сто лье западнее Островов Зеленого Мыса, или приблизительно на отметке 38 градусов западной долготы. Отныне все вновь открытые земли к западу от этой условной границы должны были принадлежать Испании, а все земли к востоку от этой границы — Португалии.

С нашей точки зрения такая “демаркационная линия” выглядит довольно странной. Во-первых, потому, что европейцы разделили мир, нимало не беспокоясь об интересах неевропейцев, обитавших на этих делимых территориях; во-вторых, потому, что высшим земным владыкой, который только и мог провести подобный раздел, считался Папа.

Кроме того, граница проходила лишь по одному полушарию от Северного до Южного полюса через Атлантический океан. Видимо, Папа забыл, что Земля круглая. Испанцы могли плавать к западу от своей границы, как им и полагалось, но в итоге попасть на восток, а португальцы, заплыв далеко на восток, оказаться в конце концов, на западе. То есть фактически никакого точного разграничения не получалось.

Вероятно, испанцы и португальцы понимали это, но оставили до времени все как есть, намереваясь использовать ситуацию в своих интересах в нужный час. Португалия, однако, не была удовлетворена границей, установленной Папой, полагая, что это ограничивает ее возможности в плаваниях к Африке. Ведь чтобы использовать попутные ветры, Португалия нуждалась в свободе передвижения и не желала, чтобы Испания постоянно упрекала ее в нарушении границы.

Седьмого июня 1494 г. обе страны подписали тем не менее так называемый Тордесильский договор (от испанского городка, расположенного шестьюдесятью милями восточнее португаль-

ской границы). Принцип разграничительной линии был сохранен, но теперь она была отнесена еще на семьсот миль на запад, к отметке 46 градусов западной долготы.

Однако ни одна из сторон еще не знала того, что эта новая граница пересекает самую восточную часть Южной Америки (хотя не исключено, что Португалия и имела какое-то представление об этом в свете своих последних открытий). Так или иначе, когда Кабрал достиг этого участка суши, он оказался по португальскую сторону границы. В результате Бразилия стала португальской колонией, и именно поэтому самая большая страна Латинской Америки говорит по-португальски, тогда как все остальные — по-испански.

Но если Испания и Португалия действительно считали, что они могут поделить между собой нехристианский мир, то они глубоко заблуждались. Другие морские державы Европы просто не могли этого допустить.

Возьмем, к примеру, Англию...

В XV в. Англия прошла через тяжелейшую войну с Францией, в которой поначалу, казалось, одержала верх, но в результате потерпела поражение. Не менее тяжелым испытанием стали для нее и многочисленные междоусобицы, сопровождавшие эту войну.

В конце концов в 1485 году в битве при Босворте распри завершились поражением короля Ричарда III и вступлением на престол его троюродного брата, некогда свергнутого, Генриха Тюдора, который правил под именем Генриха VII.

Одаренный, хотя и нелюбимый народом государь, Генрих VII правил бережливо и скупно. Он дал Англии необходимый ей мир и сумел пополнить государственную казну (хотя и с помощью жесткого налогообложения). Король стремился

использовать энергию своих подданных за пределами Англии, дабы отвлечь их от междоусобных раздоров, однако не желал опустошать ради этой цели свою казну. Иными словами, он не хотел затевать дорогостоящую войну с внешними врагами.

А что, если заинтересовать своих сограждан заморскими открытиями? Это займет их мысли мечтами о далеких землях, и если действительно удастся достичь Индии, результат может оказаться очень прибыльным. В 1488 г., в то время, как Христофор Колумб пытался уговорить Фердинанда и Изабеллу снарядить экспедицию на запад, брат мореплавателя, Бартоломео Колумб, находился в Англии, пытаясь продать эту же идею Генриху VII.

Но Колумб был не единственным человеком в Англии, одержимым страстью к путешествиям. Ее разделял еще один итальянский мореплаватель, Джованни Кабото, чье имя больше известно нам в англоязычной форме — Джон Кабот.

Кабот родился приблизительно в то же время, что и Колумб, и, возможно, тоже в Генуе. Но в 1476 г. он переехал в Венецию, став гражданином этой республики. Он путешествовал по мусульманскому Востоку и был хорошо знаком с воспоминаниями Марко Поло. И, подобно Колумбу, был тоже уверен, что возможно достичь Индии западным путем. Однако Каботу казалось, что поддержки ему надо искать именно у Англии, а не у Испании или Португалии.

С одной стороны, из всех стран Европы Англия была самой удаленной от торгового пути с Востоком и потому вынуждена была платить самые высокие цены за пряности и другие восточные товары. С другой стороны, Кабот был уверен, что восточная часть Азии вытянута к северу (это

соответствует действительности), поэтому, если плыть на запад, расстояние между Англией и Азией окажется намного короче, чем между Азией и Испанией. Кроме того, Северная Европа просто изобиловала разными историями о западных землях. Ирландцы, валлийцы и, конечно, скандинавы — все говорили о них.

Кабот прибыл в Англию в 80-х гг. и поселился в Бристоле, крупнейшем портовом городе на западном побережье Англии. Там его идея путешествия на запад приобрела значительную популярность, ведь в таком случае Бристоль сыграл бы роль ключа к торговым воротам в Индию, что при благоприятных обстоятельствах принесло бы ему немалые выгоды. Подобно Бартоломео Колумбу, Кабот просто засыпал короля прошениями о поддержке.

Генрих VII колебался. Идея привлекала его, но он вовсе не собирался тратить на нее. И пока он сомневался, Христофор Колумб сплавал в Испанию и вернулся с триумфом. Это, разумеется, убедило Генриха VII, но Бартоломео Колумб стал ему неугоден. Король обратил свое внимание на Кабота и предоставил ему право плыть под королевским покровительством, управлять всеми землями, которые он откроет, именем английского короля и извлекать любую прибыль из торговли, с тем чтобы одна пятая часть ее шла в казну государства.

Второго мая 1497 г. Кабот отплыл из Бристоля на одном корабле с командой из восемнадцати человек. Корабль обогнул Ирландию, а затем взял курс на запад. Он достиг земли 24 июня, преодолев Атлантический океан в неполных семь недель, довольно быстро для этих широт. Расстояние, которое он проплыл, равнялось приблизительно 2000 милям, значительно меньше

того, что пришлось преодолеть Колумбу. Таким образом, Кабот оказался прав в своих предположениях, что западный путь был в северной части короче (если не по времени, то по расстоянию).

Где точно высадился Кабот, неизвестно, но, скорее всего, это произошло на или около северной оконечности Ньюфаундленда, довольно близко к тем местам, где высаживались норвежцы много веков назад, о чем Кабот, разумеется, не знал. В течение всего следующего месяца он плывал вверх и вниз вдоль восточного побережья острова, описывая его как “новообнаруженную землю”, с тех пор за островом и закрепилось название Ньюфаундленд.

Кабот отметил изобилие рыбы у берегов Ньюфаундленда, и это было незадолго до того, как все морские державы Европы стали отправлять туда свои суда в поисках рыбы. Начиная с 1500 г., рыбаки в ходе своего промысла высаживались как на берегах Ньюфаундленда, так и на берегах нынешнего полуострова Новая Шотландия и штата Мэн. Однако никаких попыток поселиться в этих довольно неприветливых краях не предпринималось еще более века.

Когда в августе 1497 г. Кабот вернулся в Англию и доложил обо всем королю, Генрих VII наградил его десятью фунтами и ежегодной пенсией в двадцать фунтов. В те времена это, конечно же, было намного больше, чем сейчас, но даже и тогда отнюдь не являлось щедрой наградой.

Как и Колумб, Кабот не сомневался, что достиг Азии, и хотя он не обнаружил никаких признаков легендарных индийских богатств, он убеждал Генриха VII дать ему еще один шанс. В 1498 г. он отправился во второе плавание на

пяти кораблях. Можно предполагать, что на этот раз он видел берега Гренландии (к тому времени уже оставленной норвежскими колонистами), миновав ее, добрался до Лабрадора и поплыл к югу, не исключено, что до самой Новой Англии.

Если не учитывать открытия норвежцев, то Джон Кабот является первым европейцем, увидевшим сам Североамериканский континент, а не его острова.

Однако Кабот снова вернулся ни с чем и умер, не прожив и года после этого. Он не нашел и следа сказочно богатого восточного великолепия на лесистых берегах, где побывал.

Энтузиазм Генриха VII угас. Раз эти экспедиции не помогли наладить выгодную торговлю, лучше заняться чем-нибудь другим. На самом же деле открытия Кабота впоследствии позволили Англии претендовать на большую часть Северной Америки, хотя на протяжении достаточно длительного времени этому не придавали никакого значения.

Сын Генриха VII, король Генрих VIII, после смерти своего отца в 1509 г., был вовлечен в религиозные распри, и Англия забыла о Новом Свете почти на сто лет.

Успехи Испании

Тем временем Испания исследовала намного более гостеприимные берега на юге, продвигаясь во всех направлениях от форта, основан-

ного Колумбом на Эспаньоле. В 1508 г. Хуан Понсе де Леон, участник второго плавания Колумба, основал испанскую колонию Пуэрто-Рико, острове восточнее Эспаньолы, и стал его губернатором в 1510 г. (второй по величине город в Пуэрто-Рико назван Понсе в его честь). Диего Веласкес, также участвовавший во второй экспедиции Колумба в 1511 г., начал покорение Кубы, острова к западу от Эспаньолы, в 1515 г. он основал там город Гавана.

На Пуэрто-Рико Понсе де Леон слышал легенды об источнике молодости (о таком источнике, который возвращает молодость, если выпить его воды или искупаться в ней) на каком-то острове на северо-западе. Сложно поверить, что Понсе де Леон принял эти слухи всерьез, но ведь это был век чудес, а Новый Свет— наиболее подходящее место для них. Помимо поисков ключа молодости Понсе де Леон, разбогатевший на Пуэрто-Рико благодаря торговле рабами, был не прочь найти новые земли, жителей которых можно было бы обратить в рабство¹.

Третьего марта 1513 г., Понсе де Леон отплыл от берегов Пуэрто-Рико в северо-западном направлении, и 11 апреля, в праздник Пасхи, достиг суши, которую сначала принял за остров, оказавшийся, однако, частью Североамериканского материка. Пасха в Испании отмечается как праздник цветов и поэтому называется “паскуа флорида” (цветочная пасха). Землю, открытую в тот день и к тому же зеленую и цветущую, Понсе

1. Испанцы обращали в рабство не только индейцев. В 1501 г. Фердинанд и Изабелла дали разрешение на ввоз американских негров на Эспаньолу, и история черного рабства в Америке началась. Первое восстание рабов произошло в 1522 г. на той же Эспаньоле и было жестоко подавлено.

де Леон назвал Флоридой. В 1521 г. он организовал вторую экспедицию во Флориду, высадившись на этот раз на ее западном побережье. Там он был ранен индейцами, которых попытался захватить и обратить в рабство. Доставленный на Кубу, он умер от этого ранения.

Еще более неожиданное открытие, нежели открытие Флориды, было сделано испанским путешественником Васко Нуньесом де Бальбоа. Сначала он обосновался на Эспаньоле, но запугавшись там в долгах, вынужден был тайно переправиться на побережье Южной Америки, в месте называемом ныне Панамским перешейком.

В 1510 г. Бальбоа основал поселение в восточной части этого перешейка (не имея, конечно, ни малейшего понятия, что находится на перешейке).

Затем до него дошли слухи о племенах, имеющих много золота и живущих на западе. А так как у него снова начались финансовые затруднения, он решил отправиться на поиски золота. 1 сентября 1513 г. во главе собранного им отряда он отправился на запад через перешеек и 25 сентября, преодолев последние препятствия, вдруг оказался перед бесконечной гладью океана. Бальбоа назвал его Южным морем, потому что он простирался к югу относительно береговой линии.

Бальбоа стал первым европейцем, который увидел океан у западных берегов Американского континента, тот самый океан, существование которого десятилетием раньше предсказывал Америго Веспуччи. Это открытие подтвердило утверждение Веспуччи, что земля, открытая Колумбом, вовсе не является Азией, и что между Азией и этой землей должен находиться второй океан, и по нему можно будет переправлять богатства Востока.

А то, что представлялось очень вероятным после открытия Бальбоа, было неопровержимо доказано португальским мореплавателем Фернандом Магелланом. Магеллан верой и правдой служил Португалии как мореплаватель и сражался за свою страну с марокканцами. Во время этой войны в 1515 г. он был ранен и остался инвалидом. Тем не менее его обвинили в торговле с марокканцами, и в 1516 г., он был лишен пенсии. Оскорбленный такой несправедливостью, он предложил свои услуги Испании.

В это время после смерти своего отца Фердинанда II на престол вступил новый король. Новый король Карл I¹ с интересом отнесся к предположениям Магеллана насчет того, что, заплыв далеко на запад, скорее всего достигнешь востока, португальского востока, не пересекая при этом границу, которая была установлена лишь в Атлантическом океане.

Карл I согласился оказать поддержку экспедиции на запад. Магеллан покинул Испанию 20 сентября 1519 г. Он достиг восточного побережья Южной Америки и поплыл на юг в поисках крайней точки континента, подобно тому, как португальцы некогда искали южную оконечность Африки.

Двадцать первого октября 1519 г. Магеллан обнаружил некий поток с соленой водой и поплыл по нему. Это мог быть пролив между двумя массивами суши, ведущий в неизвестный океан, тот самый, который видел Бальбоа, но могло быть и устье реки. До этого, намного севернее, он вошел в пролив, оказавшийся не чем иным, как

1. Карл I стал императором Священной Римской империи германской нации в 1519 г., и в этом качестве он известен как император Карл V.

эстуарием Ла-Платы, текущей между нынешними Аргентиной и Уругваем.

Более пяти недель Магеллан боролся с непрекращающимися штормами, 28 ноября вышел в открытый океан, и буря утихла. А поскольку теперь он плыл и плыл, сопутствуемый отличной погодой, то назвал открытое им море Тихим океаном.

Однако Тихий океан оказался намного больше, чем кто-либо мог предположить, и, увы, в нем совсем не было островов. Девяносто девять дней корабли двигались по водной глади, и люди изнывали от голода и жажды. В конце концов они все-таки достигли острова Гуам, где смогли перевести дух, а затем двинулись дальше на запад в сторону современных Филиппинских островов. Там 27 апреля 1521 г. Магеллан был убит в стычке с местным населением.

Тем не менее экспедиция продолжалась, и единственный корабль с восемнадцатью людьми на борту под предводительством Хуана Себастьяна дель Кано все же вернулся назад в Испанию 7 сентября 1522 г. Первое кругосветное плавание заняло три года, и если оставить в стороне людские потери, единственный возвратившийся корабль привез достаточно пряностей, чтобы оккупить все путешествие.

Это плавание доказало, что окружность Земли составляла 25 000 миль, как вычислил Эратосфен за восемнадцать веков до того, и что все выкладки, уменьшающие эту цифру, предлагавшиеся, в частности, и Колумбом, несостоятельны. Кроме того, путешествие показало, что западный путь в Индию отнюдь не практичен, по крайней мере если добираться до Индии через юго-западный проход, то есть через пролив, который впоследствии был назван Магеллановым. Земля с юж-

ной стороны Магелланова пролива оказалась островом, названным Огненная Земля, так как спутники Магеллана видели на нем какие-то огни.

Путешествие со всей очевидностью продемонстрировало необходимость переноса демаркационной линии между Испанией и Португалией в восточное полушарие. 22 апреля 1529 г. соглашение, подписанное в испанском городе Сарагосе, подтвердило перенос разделительной линии, идущей с Северного полюса к Южному, на отметку 159 градусов восточной долготы. Таким образом, Земля действительно делилась на две части, 45% отходило Испании, 55% Португалии, при этом предполагалось, что другие страны согласятся с подобным разделом, но они, разумеется, не согласились.

И хотя Испания и получила меньшую и менее цивилизованную часть мира, жаловаться ей было не на что. В целом, менее цивилизованная, чем Старый Свет, Америка все-таки обладала цивилизацией, достаточно высокой даже по европейским стандартам.

В 1517 г. испанский солдат Франсиско Фернандес Кордоба обследовал Юкатан и обнаружил остатки древних богатых городов — следы исчезнувшей цивилизации. Но там, где некогда существовала процветающая цивилизация ныне могут существовать и другие. Когда Веласкес, губернатор Кубы, услышал об интересных развалинах в Юкатане, он приказал Эрнану Кортесу возглавить экспедицию, чтобы исследовать внутренние части нынешней Мексики.

Кортес отплыл с Кубы в феврале 1519 г., имея в своем распоряжении одиннадцать кораблей и семьсот солдат. 18 ноября 1519 г. он достиг города Теночтитлан (современный Мехико), столицы

государства ацтеков. Ацтеки приняли европейцев за богов, и Кортес, воспользовавшись этим, а также имея лошадей и артиллерию, чего не знали ацтеки, быстро покорил Мексику.

В дальнейшем Кортес и другие продолжали обследовать континент. Кортес первым обнаружил полуостров Калифорния и Калифорнийский залив. Цивилизация ацтеков была стерта с лица земли, а мексиканские индейцы обращены в рабство; наконец-то Испания получила то, чего так давно жаждала: золото.

Но еще более удивительные завоевания совершил Франсиско Писарро, находившийся в отряде Бальбоа, когда тот впервые вышел к Тихому океану. В своих походах по Южной Америке Писарро столкнулся с замечательной цивилизацией инков, обитавших на обширной территории современного Перу, вдоль горного хребта Анды. Он уничтожил государство инков с большой жестокостью, и еще больше золота потекло в испанскую казну. Бессмысленное уничтожение двух цивилизаций, разграбление их богатств, обращение в рабство людей не удовлетворило испанцев. Где есть две культуры, могут оказаться и другие, и каждый испанский конкистадор жаждал повторить подвиги Кортеса и Писарро. Однако все прибрежные и большая часть внутренних территорий тропической зоны Америки были уже захвачены и поделены, так что новым искателям золота оставалось вести свои поиски на огромных неисследованных пространствах к северу от Мексики.

Одним из первых европейцев, направившихся на север, был Панфило де Нарваэс. Он служил под началом Веласкеса во время завоевания Кубы и был отправлен им в Мексику, когда тому показалось, что силы Кортеса чрезмерно возрос-

ли. Нарваэс потерпел поражение от Кортеса в Мексике и теперь жаждал снискать славу в другом месте.

В 1528 г., он отправился по стопам Понсе де Леона, открывшего Флориду, и продвинулся вдоль побережья Мексиканского залива на запад от этого полуострова. Где-то в районе современной Пенсаколы он направился в глубь материка в поисках новой цивилизации и сокровищ, подобных тем, что были найдены в Мексике незадолго до этого. Он потерпел разочарование и вынужден был прорываться обратно к побережью. Там он построил пять кораблей и попытался пересечь Мексиканский залив, но пропал без вести во время шторма.

Часть его команды, во главе с Альваром Нуньесом Кабеза де Вака, первым помощником капитана, уцелела во время шторма и была выброшена на побережье современного Техаса. Кабеза де Вака провел шесть лет в плену у индейцев, но наконец ему все же удалось бежать, и он долгое время скитался по Северной Мексике, в поисках пути к Мехико, куда вернулся в 1536 г.

По возвращении Кабеза де Вака в красках повествовал о своих приключениях, описывая огромные стада бизонов и пересказывая слухи о несметных богатствах где-то на севере. Эти рассказы дошли до Эрнандо де Сото, который был правой рукой Писарро во время завоевания Перу, а теперь жил на покое в Испании. Читая рассказы о приключениях Кабеза де Вака, де Сото мечтал возглавить экспедицию на север Флориды, чтобы найти там свое золотое Перу.

Получив разрешение от Карла I, де Сото высадился на западном побережье Флориды (недалеко от современной Тампы) 25 мая 1539 г. Возглавляя группу из пятисот человек и имея двести

лошадей, он стал двигаться вглубь, пробираясь через поросшие лесами территории юго-восточных штатов США.

Где-то на юго-западе нынешней Алабамы он вступил в сражение с индейцами, в котором он и большинство его людей были ранены. Это была первая битва индейцев с европейцами на территории Соединенных Штатов. Затем он двинулся на запад, и 18 июня 1541 г., он и его люди стали первыми европейцами, которым довелось увидеть Миссисипи, названную им Гранде — “великая”. Место, где было сделано это открытие доподлинно не известно, но, скорее всего, это было несколькими милями южнее современного города Мемфиса, в штате Теннесси.

Экспедиция перебралась через реку и двинулась дальше на запад, затем на юг, по пути то и дело нарываясь на индейцев и в стычках с ними теряя людей. 21 мая 1542 г. де Сото умер от лихорадки, когда экспедиция вернулась назад к Миссисипи, на двести тридцать миль южнее того места, где впервые увидела ее. Де Сото был погребен в реке. Оставшиеся в живых люди построили лодки и, спустившись по реке, через залив возвратились в Мексику.

Почти одновременно с этими событиями другая испанская экспедиция исследовала юго-западные территории Соединенных Штатов. Предводителем этой экспедиции был Франсиско Васкес де Коронадо. Он также слышал истории Кабеза де Вака и рассчитывал найти богатые города, существовавшие, по слухам, на севере Мексики. (На самом деле это были индейские поселения, вполне благополучные, но, по меркам европейцев, измерявших богатство серебром и золотом, отнюдь не богатые.)

В период между 1540 и 1542 гг. экспедиция Коронадо продвинулась глубоко в Техас и на юго-запад. Кроме того, один из ее участников, Гарсия Лопес де Карденас, открыл Большой Каньон реки Колорадо. (Колорадо названа испанским словом, означающим красное, из-за красноватого цвета скал, образующих каньон.) Сам Коронадо двинулся в направлении Рио-Гранде, а затем на север, достаточно далеко, чтобы увидеть и описать травяные хижины индейцев вичита, которые проживали на территории современного штата Канзас.

Так обстояли дела до середины XVI в., когда Испания предъявила права на всю Америку (не считая португальской Бразилии). Более того, Испания была единственной страной, которая систематически исследовала и завоевывала Северную Америку.

Взгляд испанцев на Америку был пока примитивным, она была для них источником обогащения, сферой эксплуатации, а не местом, которое могло бы стать их новой родиной, родиной новой нации. К 1560 г. в Америке жило уже достаточно испанцев, но среди них было очень мало женщин, что и положило начало смешению рас, отличающему и современное латиноамериканское население.

Центры испанской власти в Северной Америке вплоть до 1500 г. сосредоточивались в Мексике и в Вест-Индии. Но поселений по-прежнему практически не было ни во Флориде, ни к северу от Рио-Гранде, а испанское правительство считало, что коль скоро земли на севере открыты и исследованы испанцами, то они являются собственностью Испании. Более того, Испания находилась тогда на пике своей военной мощи

и не ожидала противодействия со стороны других европейских стран.

Открытия французов

Раз именно Испания нашла в Америке золото, которое она искала, не подвергалось сомнению и ее право владеть континентом. Однако другие европейские державы вовсе не были удовлетворены этим. И даже если они и не собирались оспаривать принадлежность Америки Испании, воюя с мощной армией этой страны, то как насчет Индии, лежащей за Америкой?

Магеллан со всей ясностью продемонстрировал, что юго-западный путь в Индию не удобен. Южная Америка была обширным материком с узким морским проливом далеко на юге, а за этим проливом простирался бесконечный океан.

А что же насчет Северной Америки? Где-то мог ведь быть проход через Северную Америку, расположенный ближе к Европе, чем Магелланов пролив, и ведущий в более узкую, имеющую острова часть Тихого океана. Короче, если юго-западный путь через Магелланов пролив неудобен, то северо-западный может оказаться как раз тем, что нужно. Другие страны должны состязаться с Испанией в поисках этого прохода.

Такой страной, например, была Франция. Французский король Франциск I, который, взойдя на трон в 1515 г., вступил в ожесточенную

борьбу с испанским королем Карлом I, был отнюдь не прочь вторгнуться (не подвергаясь особой опасности) в испанские владения на западе. Он отправил на запад экспедицию под предводительством Джованни де Веррацано, итальянского мореплавателя¹, с приказанием найти этот северо-западный путь.

В январе 1524 г. Веррацано отплыл на Запад, и 1 марта высадился на восточном побережье Североамериканского континента на Кейп-Фир (на территории современной Северной Каролины). Двигаться к югу вдоль побережья было незачем, ведь там были испанцы, конфликтов с которыми он не хотел. К тому же в этом направлении побережье уже было исследовано, и никаких проливов в нем не оказалось. Если северо-западный путь и существовал, его надо было искать на севере.

Поэтому он поплыл на северо-запад и 17 апреля вошел в современную Нью-Йоркскую бухту, пройдя узкий пролив между Бруклином и Стейтен-Айлендом, где теперь находится мост Веррацано.

Веррацано справедливо счел, что бухта не является входом в северо-западный пролив, и продолжал исследовать побережье, двигаясь на северо-запад. Залив Наррагансет также не вызвал у него интереса, наконец он достиг Ньюфаундленда и, потеряв терпение, возвратился во Францию, 8 июля, после полугодового отсутствия.

Результаты плавания Веррацано обескураживали. На восточном побережье Северной Америки не было проливов, по крайней мере вплоть

1. Любопытно, что на этом раннем этапе все экспедиции на Запад, оплаченные Испанией, Францией или Великобританией, возглавляли итальянские мореходы.

до нынешней Новой Шотландии. Северо-западный проход мог находиться только еще севернее этого полуострова.

Франциск I не мог сразу же поддержать новое путешествие Веррацано. В 1525 г. он потерпел поражение от Испании и был взят в плен. Освободившись в следующем году после ряда унижительных уступок, он вынужден был вступить в еще одну войну, дабы восстановить свои позиции, но успеха так и не достиг.

Лишь через долгих десять лет Франциск I вспомнил о северо-западном пути снова. На этот раз он отправил французского мореплавателя, Жака Картье, с миссией проверить, что же лежит к северу от Новой Шотландии.

Картье с двумя кораблями и шестьюдесятью одним человеком на борту покинул Францию 20 апреля 1534 г., и добрался до Ньюфаундленда 10 мая. Ньюфаундленд к тому времени был уже хорошо известен европейцам, хотя ни одна из европейских стран не имела на нем своих поселений. Несмотря на это, континентальное побережье западнее Ньюфаундленда получило португальское название. Насколько нам известно, португальский мореплаватель, Гаспар Кортереал, совершая плавание вдоль этой части побережья в 1501 г., захватил в рабство туземных жителей. Он назвал побережье "Terra del Laboratore" (Земля рабов), со временем превратившееся в Лабрадор.

Что же касается Картье, он совершил то, чего до этого не совершал ни один мореплаватель (кроме, быть может, викингов). Он проплыл через узкий пролив Бель-Иль, ширина которого в самом узком месте всего десять миль и который отделяет Ньюфаундленд от Лабрадора. Пройдя его, он направился на юг мимо дотоле

неисследованных берегов Ньюфаундленда. 10 августа 1534 г. его корабли вошли в узкий и длинный океанский залив к западу от Ньюфаундленда. А поскольку это произошло в день святого Лаврентия, залив был назван в его честь и с тех пор известен как залив Святого Лаврентия.

Картье провозгласил собственностью Франции все территории, которых он достиг. Он попытался выяснить название территории у местных индейцев в радостном предчувствии, что этот узкий залив может оказаться проливом, который выведет его в Тихий океан. Индейцы, однако, решили, что его интересует название небольших домиков, так как, расспрашивая, он указывал именно на них. Они назвали ему слово, обозначающее на их языке “хижины” и звучащее похоже на “канада”. В результате Картье назвал эту землю Канадой.

Картье вернулся во Францию с захваченными индейцами и с известием о том, что он обнаружил вождеденный пролив. Позже он совершил еще два путешествия в этом направлении, одно в 1535 г., а другое в 1541-ом. Оба раза, поднимаясь вверх по реке, известной ныне как река Святого Лаврентия, он достигал горы, которую назвал “Монреаль” (Королевская гора). Подле нее впоследствии был основан город Монреаль.

Картье выяснил, что водная артерия, названная в честь святого Лаврентия, река, а не пролив и что она могла вести лишь во внутренние части обширного континента, а вовсе не к Тихому океану. Действительно, если северо-западный путь вообще существовал, он должен был лежать очень далеко на севере, в полярных, покрытых льдом морях. Разочарованный Франциск I утратил всякий интерес к поискам этого пути.

Некоторые французы, однако, сохранили интерес к Новому Свету по причинам, которые не имели ничего общего с северо-западным путем в Индию или ее богатствами. Возникли совершенно новые причины для того, чтобы устремиться к дальним берегам, ведь Европа превратилась в поле религиозных сражений.

Во времена Колумба вся Западная Европа признавала Римского Папу главой церкви, безоговорочно принимая его власть. В 1517 г., однако, немецкий монах Мартин Лютер поставил авторитет этой власти под сомнение, и за поразительно короткий промежуток времени обширные территории Германии, Нидерландов, вся Скандинавия и большая часть Англии отошли от католицизма, а люди, населяющие эти страны стали “протестантами” того или иного толка.

Все это сопровождалось множеством распрей и даже войн. Где-то в 1546 г. в Европе началась череда религиозных войн, которой суждено было длиться целый век, причем ожесточенность их только возрастала.

Во Франции протестантов называли “гугенотами”. Они составляли меньшинство населения, но меньшинство воинствующее, трения между ними и католическим большинством все более нарастали. Самым влиятельным из лидеров гугенотов был адмирал Гаспар де Колиньи, считавший, что гугеноты должны найти себе новый дом, где они могли бы отправлять культ по своему усмотрению.

Колиньи был, таким образом, первым, кто рассматривал Америку как убежище, место, где колонисты могли бы построить новый, лучший дом, место, где они могли бы скрыться от несправедливостей Европы, а не просто как место, где можно обогатиться.

Молодой французский король Карл IX (сын Франциска I)¹ даровал ему разрешение основать колонии в Америке. В то время королю было всего десять лет, но у его матери Екатерины Медици, фактической правительницы государства, были свои причины для согласия. Если гугеноты хотели покинуть страну, то скатертью им дорога, она ничего не теряла, и к тому же теоретически Америка была испанской землей.

Два корабля гугенотов под командованием Жана Рибо отправились в плавание 18 февраля 1562 г. и 1 мая причалили в северной части Флориды. Оттуда они двинулись на север и в конце концов достигли побережья современной Южной Каролины. Там они основали поселение, которое назвали Порт-Ройал. На этом месте сейчас находится город, носящий то же название. Окружающие территории они назвали “Каролана” от латинской версии имени французского короля Карла — Carolus.

Рибо оставил в этом поселении тридцать человек и отплыл назад во Францию. Колонисты, однако, быстро ощутили тоску по дому, чувствуя себя брошенными в неизвестности. Они построили корабли и попытались вернуться во Францию. Они бы несомненно погибли, если бы их не подобрал английский корабль и не увез бы в Англию.

К тому времени трения между гугенотами и католиками во Франции переросли в настоящую гражданскую войну, первую из восьми последующих, которые затянулись на целых тридцать шесть лет. Теперь для гугенотов было, как никогда, важно колонизировать Америку.

1. Автор ошибается. Карл IX был внуком Франциска I. — *Прим.перев.*

В 1564 г. вторая и более подготовленная попытка была предпринята тремястами колонистами, которые поплыли в Америку под предводительством одного из лейтенантов Рибо. На этот раз колонисты высадились у реки Сент-Джон на севере Флориды. Несколькими милями выше по реке они основали поселение, названное Форт-Каролина, снова в честь короля.

Конечно, они находились на испанской территории, но в то время у Испании еще не было ни одного сколько-нибудь значительного поселения на полуострове, и колонисты чувствовали себя в безопасности. В 1565 г. Рибо сам прибыл на полуостров с новой группой колонистов, и обстоятельства, казалось, складывались вполне удачно для гугенотов.

Испанцы, однако, пришли в бешенство. Французы сами по себе были неприемлемы для испанцев, так как в это время Испания вела долгую, затянувшуюся войну с Францией, но французские протестанты были приемлемы еще менее. Испания была оплотом католицизма в Европе, и позволить, чтобы на ее территории жили протестанты, которые считали эту землю своей, было для Испании просто невыносимо.

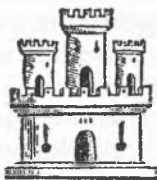
Карл I, король Испании, отрекся от престола в 1556 г., и на трон взошел его сын Филипп II. Филипп считал себя главой католических сил в Европе и начал действовать. Он назначил Педро Менендеса де Авилеса губернатором Флориды и дал ему приказ стереть колонию гугенотов с лица земли.

Менендес приплыл во Флориду и в конце августа 1565 г. заложил там Сент-Огастин, поселение на побережье, сорока милями южнее колонии гугенотов. С тех пор это место всегда было заселено, став первым городом, основанным

европейцами на территории континентальных Соединенных Штатов. (Сан-Хуан на Пуэрто-Рико старше, так как был основан в 1510 г.)

Менендес повернул свои корабли на северо-запад, к гугенотам. И, удерживая с помощью отвлекающих маневров корабли Рибо в море, Менендес отправил группу своих людей атаковать поселение гугенотов. Испанцы убили всех французов, которых смогли найти, заявив, что убивают не французов, а протестантов. Затем корабли Рибо были повреждены во время шторма, а сам Рибо был захвачен испанцами и убит.

Таким образом были пресечены надежды гугенотов закрепиться на территории нынешних колоний Соединенных Штатов, первая попытка сделать Америку религиозным убежищем провалилась. Дело окончилось дальнейшим укреплением Испании во Флориде и усилило ее власть на континенте.

Пиратство англичан

Испания, однако, переоценивала свои возможности. Она отправляла людей и корабли бороздить океаны во всех пределах своей разросшейся империи, в которую входила не только Америка, но также регионы Европы и Юго-восточной Азии. Испания продолжала упорно сражаться с протестантизмом по всему миру, что в конце концов и привело ее к банкротству.

Разумеется в испанскую казну поступали огромные богатства в виде золота и серебра из копей Америки, но этого было мало. Драгоценные металлы, хлынувшие в Европу, постепенно заставляли цены идти вверх, и испанский король Филипп II обнаружил, что чем больше золота он получал, тем дороже стоило все остальное.

Более того, Испания не развивала ни сельское хозяйство, ни промышленность на том уровне, на котором их развивали другие европейские государства. В результате золото из Америки необходимо было выменивать на товары, которые могли предоставить Испании другие страны; страны, развивавшие судостроение и торговлю, богатели.

Среди таких постепенно богатееющих стран самой преуспевающей в XVI в. стала Англия. Около 1530 г. Генрих VIII Английский порвал все отношения с Римом, и при нем, так же как и при его сыне Эдуарде VI, который вступил на престол в 1547 г., Англия стала официально протестантской страной.

Эдуард VI умер в 1553 г., и его единокровная сестра католичка Мария I вступила на престол. Она вышла за Филиппа II, и какое-то время казалось, что Англия возвращается в лоно католицизма. Но в 1558 г. Мария умерла бездетной, вслед за ней на трон взошла ее сестра-протестантка Елизавета I, и с тех пор Англия неизменно оставалась протестантской. За время долгого правления Елизаветы возросли трения с Испанией, так как Филипп II пытался избавиться от Елизаветы любым способом, а вместо нее посадить на трон ее двоюродную сестру (тоже Марию). Мария была королевой Шотландии и католичкой. Изгнанная из своей страны врагами — знатными протестантами и посаженная Елизаветой в тюрьму, она все

равно оставалась в центре антипротестантской коалиции.

Елизавета была осторожной правительницей, которая, как и ее дед Генрих VII, не желала тратить деньги на войну и потому воздерживалась от военных действий против Испании, несмотря на открытую враждебность и козни последней. С другой стороны, она не предпринимала ничего против английских мореплавателей, обогащавшихся за счет пиратства в испанских владениях. Елизавета всегда говорила, что она не несет ответственности за действия своих моряков, но она оказывала им почет, производила их в рыцари и — что самое важное — сочувствовала им и радовалась этим “булавочным уколам”, с помощью которых они пускали кровь испанской империи и ослабляли ее.

Одним из таких мореходов был Джон Гаукинс. Его отец разбогател на торговле рабами, и он пошел по его стопам. Он брал черных рабов в Западной Африке практически задаром и перевозил их в Вест-Индию, где продавал по выгодной цене, как хороший товар, вроде сахара. Это было чрезвычайно прибыльным предприятием, что вызвало негодование португальцев в Африке и испанцев в Вест-Индии, но отнюдь не из-за аморальности торговли живым товаром, а оттого, что сами они не получали никакой выгоды.

Гаукинс разозлил испанцев еще и тем, что в 1565 г. отправил помощь поселениям гугенотов в Форт-Каролине.

В 1567 г., Гаукинс снарядил шесть кораблей для новой торговой экспедиции в Вест-Индию. На этот раз с ним отправился его дальний родственник Фрэнсис Дрейк, которому тогда было чуть больше двадцати. Гаукинс приобрел рабов и очень выгодно их продал, так что юный Дрейк

сразу же разбогател. Затем на пути в Англию летом 1568 г. Гаукинс попал в шторм.

Шесть его кораблей добрались до испанского порта (современный Веракрус) на побережье Мексики. Английским кораблям разрешено было войти в порт, чтобы произвести необходимый ремонт – главным образом, потому, что у испанцев в тот момент не было кораблей для атаки на англичан.

Пока английские корабли ремонтировались, к Веракрису подошли тринадцать больших и хорошо вооруженных испанских судов, на одном из которых находился вновь назначенный губернатор Мексики (Новой Испании, как ее называли). Англичане вполне могли воспрепятствовать входу в бухту испанцев, ведь они контролировали внутренний проход. Тем не менее они вовсе не собирались сражаться. Все, чего они хотели, — это закончить ремонт кораблей и благополучно вернуться домой с ценным грузом на борту. Поэтому Гаукинс договорился с испанцами и предложил впустить их в бухту, если они в свою очередь позволят ему спокойно покинуть ее, когда его корабли будут отремонтированы.

Испанцы согласились, но, по-видимому, сочли, что обещания, данные протестантам, ничего не стоят. Они атаковали! Англичане, захваченные врасплох и уступающие противнику в силе, потерпели поражение. Лишь два английских корабля под командованием Гаукинса и Дрейка смогли выбраться из этой схватки. Они вернулись домой после множества бедствий с очень немногими оставшимися в живых на борту. И богатства, которыми они владели, попав в Веракрус, были утеряны.

Однако для Испании последствия этого оказались хуже, чем для англичан. До сих пор Гау-

кинс был заинтересован в мирной торговле, которая хоть и вызывала негодование у Испании, тем не менее приносила ей пользу, так же как и Англии. Теперь же Гаукинс, а еще больше Дрейк воспылали лютой ненавистью к Испании и жаждали мести.

Дрейк начал свою пиратскую деятельность, плавая вверх и вниз вдоль берегов испанской Америки. В 1572 г. он приплыл в Панаму, где уничтожил испанские корабли и ограбил испанские поселения. Он захватил город Номбер-де-Диос на северном берегу Панамы, а затем двинулся через перешеек, по следам Бальбоа, который пересек его полвека назад, и 3 февраля 1573 г. вышел к Тихому океану.

Увидев Тихий океан, Дрейк решил пожить-ся и на западном побережье Америки; оно было более открытым, а значит, хуже защищенным. Одновременно он начал вынашивать планы путешествия по Тихому океану.

Кроме наживы, которую можно будет там при этом получить, ему, быть может, удастся отыскать какой-нибудь северо-западный проход через Северную Америку.

Тринадцатого декабря 1577 г., с тремя военными кораблями и еще двумя вспомогательными Дрейк начал плавание из Плимута (Англия), намереваясь пройти по следам Магеллана. Два вспомогательных корабля были утрачены к моменту, когда он достиг южной части Южной Америки, но три оставшихся преодолели Магелланов пролив и вышли в Тихий океан 6 сентября 1578 г. На этот раз океан можно было назвать каким угодно, только не тихим. Шторм, длившийся целый месяц, потопил один из кораблей Дрейка и разметал в стороны два остальных. Один из них

сдался и вернулся в Англию. Дрейк остался с единственным кораблем — “Золотым оленем”.

Шторм отбросил его к югу в открытое море, к южной оконечности Южной Америки. Именно Дрейк доказал, что земля к югу от Магелланова пролива, Огненная Земля, не континент, а только очень большой остров. Часть океана между этим островом и оконечностью Антарктиды была назван проливом Дрейка в его честь.

К ноябрю океан окончательно успокоился, и Дрейк повел своего “Золотого оленя” на север, вдоль южноамериканского побережья, захватывая испанские суда и их грузы. К тому времени, как он достиг Северной Америки, он награбил столько золота и других ценностей, что физически не мог взять больше; у него просто не было места.

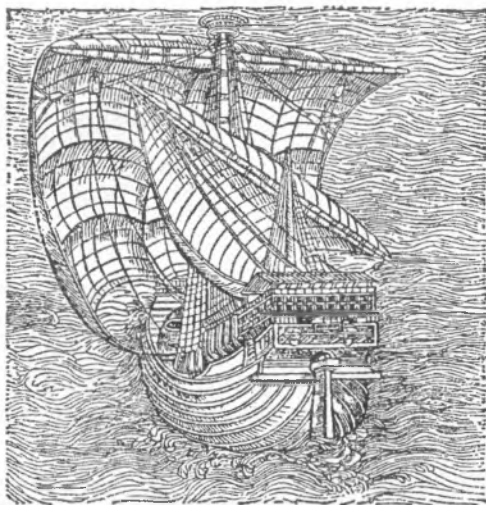
Дрейк продолжил путь вдоль западного побережья Северной Америки и стал первым англичанином, увидевшим берега Калифорнии¹. Он вошел в бухту Сан-Франциско и проплыл на север вдоль всего побережья современного Орегона, прежде чем отказался от мысли найти западное окончание гипотетического северо-западного пролива. Он провозгласил эту территорию собственностью Англии, назвав ее “Новый Альбион”, и затем, в июле 1579 г., повернул на запад, чтобы пересечь Тихий океан. Он достиг Индии, обогнул Африку и вернулся в Европу.

Он вошел в Плимут 26 сентября, почти через три года после своего отплытия. Дрейк стал вто-

1. Это слово происходит от названия сказочного острова, оно впервые встречается в записях 1510 г. Люди Кортеса приняли южную оконечность этого продолговатого полуострова за остров. Ныне Калифорнией называется не только сам полуостров, но и территории к северу от него.

рым человеком и первым англичанином, совершившим кругосветное плавание. Он также привез на борту своего корабля груза более чем на полмиллиона фунтов стерлингов, чем обрадовал королеву Елизавету до такой степени, что она посвятила его в рыцари на борту его собственного корабля 4 апреля 1581 г.

После этого королеве стало труднее уверить Испанию, что она не имеет отношения к предприятиям Дрейка, что она негодует по поводу его пиратских вылазок, но ей все же удавалось быть убедительной. При этом она так и не вернула ничего из награбленного Дрейком.

ВОЗВЫШЕНИЕ АНГЛИИ

Первые шаги

Пока Дрейк совершал кругосветное путешествие, одной из целей которого было обнаружение северо-западного входа в Тихий океан, другие английские мореплаватели возобновили поиск восточного устья предполагаемого пролива между Атлантическим и Тихим океанами, — поиск, прекращенный со времен Картье, на поколение раньше. К этому времени было доподлинно известно, что этот пролив, если он вообще существовал, должен находиться к северу от Лабрадора.

Итак, английский мореплаватель Мартин Фробишер отправился на север. Он принимал участие в походах Гаукинса против испанцев и был превосходным моряком. В июне 1576 г. он отправился в Америку, исследовал побережья Лабрадора и впервые в истории мореплавания устремился дальше, к Северному полюсу.

Он пересек пролив и достиг огромного острова — пятого в мире по величине. И пролив (Гудзонов) и остров (Баффинова Земля) названы в честь английских исследователей, живших в следующем после Фробишера поколении. Тем

не менее Фробишер проник в более южный из двух узких заливов, врезающихся в Баффинову Землю с запада, в надежде, что это было устье северо-западного пролива, и назвал его пролив Фробишер. (Это, как выяснилось, не пролив, но в память о нем мы сегодня называем его Фробишер-Бей.)

В Англию он вернулся 9 октября 1576 г., и не с пустыми руками. Он привез с собой то, что назвал золотой рудой — нечто, мерцавшее золотым блеском, но на самом деле это был просто серный колчедан, или “золото дурака”. Однако эти почти ничего не стоившие куски руды все же обеспечили ему средства для еще двух путешествий. Из второго путешествия он привез не менее двухсот тонн “золота дураков”, а во время третьего путешествия, 20 июня 1578 г., он увидел южную оконечность Гренландии, как это удалось Каботу столетием раньше.

С этих пор (через сто пятьдесят лет после исчезновения последних норвежских колонистов) ледяной остров неизменно оставался в поле зрения европейцев¹.

Другой английский мореплаватель, Джон Девис, предпринял поиск северо-западного прохода с той точки, которой достиг Фробишер. В 1585 г. он доплыл до Баффиновой Земли и вошел в более северный из двух упомянутых заливов, тоже оказавшийся тупиком. Во время другого путешествия, в 1587 г. он добрался до запад-

1. Но никто не претендовал на него, и это не удивительно. Даже англичане не интересовались им, несмотря на доклады Кабота и Фробишера. В 1721 г. датский миссионер Ганс Эгед высадился на острове для работы с эскимосами. С тех пор Гренландия стала датской колонией, то есть вновь принадлежала Скандинавии, что представляется вполне естественным.

ного берега Гренландии по узкому океанскому проливу, отделяющему ее от Баффиновой Земли. Этот пролив до сих пор называется Девисовым проливом в его честь. Он достиг 73 градуса северной широты, рекорд для того времени.

Вместе с тем его современник и соотечественник Хамфри Гилберт, тоже сражавшийся на море против испанцев и также интересовавшийся северо-западным проходом, взглянул на Новый Свет с другой точки зрения. Его энтузиазм по отношению к Америке как к источнику быстрого обогащения стал угасать, когда Фробишер потерпел фиаско со своим “золотом дурака”, которое постепенно стали использовать для починки дорог. Гилберт поставил перед собой новые цели, и, как Колиньи четверть века назад, начал думать о колонизации, о новой родине.

Он убедил королеву Елизавету разрешить ему начать поход с целью колонизации. Королева, не желая обострять отношения с Испанией, оговорила, что колонизировать дозволяется только языческие земли, — никто не беспокоился о язычниках, — а отнюдь не те, на которые уже распространялась власть христиан.

Одиннадцатого июня 1583 г. Гилберт покинул Саутгемптон и пустился в плавание через Атлантику, направляясь к регионам, находившимся сильно севернее сферы влияния Испании. Его целью был Ньюфаундленд, обнаруженный Джоном Каботом примерно за сто лет до этого, гавани и берега которого с тех пор были освоены европейскими рыбаками. Но поселений на нем не было, что, в общем-то, не удивительно, принимая во внимание его климат.

Гилберт, настойчиво стремившийся к колонизации, высадился на острове и объявил его владением Англии. И хотя прошел целый век,

пока на острове появилось поселение, сколько-нибудь достойное подобного наименования, Ньюфаундленд оставался с тех пор во владении Англии и стал первой английской заморской колонией (если не считать областей Франции, в средние века подпавших под власть Англии, или захват Англией соседнего острова Ирландии).

Судьба самого Гилберта была печальной. Исследование острова показало, что он не очень-то подходит для колонизации, а по дороге домой судно Гилберта затонуло во время шторма недалеко от Азорских островов, и сам он погиб. Сквозь пелену дождя он, по словам очевидцев, выкрикивал:

— На море и на земле мы равно близки к Богу.

Но хотя сам Гилберт и погиб, не погибла его мечта. У него был родственник Уолтер Рэйли, воевавший с ним в Ирландии и участвовавший в некоторых его морских вылазках против испанцев. Пока Гилберт плывал в Ньюфаундленд, Рэйли стал фаворитом королевы Елизаветы и весьма разбогател благодаря привилегиям, которые она ему предоставляла.

После смерти Гилберта Рэйли продолжил его начинания по колонизации Северной Америки. В отличие от Гилберта, Рэйли не плывал туда сам (королева не позволила бы ему рисковать своей жизнью), но он снарядил и отправил в Америку корабли. Кроме того, его целью стали более южные области, где, как надеялись колонизаторы, климат был мягче. По сути дела, он хотел продвигаться на юг настолько, насколько возможно было это сделать, не столкнувшись при этом с испанцами.

Двадцать седьмого апреля 1584 г. два корабля отправились в плавание и достигли нынешней Северной Каролины. Они исследовали ее и

вернулись с весьма обнадеживающими докладами. Довольный Рэйли назвал регион “Виргиния” в честь Елизаветы — “королевы-девственницы”. (Польщенная, она возвела его в рыцарское звание.) Название в то время употреблялось в более широком смысле, чем сегодня, и обозначало все восточное побережье США к северу от Флориды.

Считается, что участники экспедиции привезли с собой картошку, как типичный образец тамошней флоры. Рэйли, озабоченный тем, чтобы поднять репутацию новых земель, всячески поощрял выращивание картофеля в Европе, и новый продукт быстро обрел небывалую популярность, которой никогда с тех пор не терял.

Первая группа поселенцев достигла острова Роанок недалеко от берегов Северной Каролины, примерно в четырехстах милях к северо-западу от поселения Порт-Ройал, основанного гугенотами (и, таким образом, на четыреста миль дальше от испанцев). Но они быстро заскучали по дому, и в июне 1586 г. их забрал оттуда Фрэнсис Дрейк, только что очередной раз напавший на испанцев и разграбивший Сент-Огастин во Флориде. Помимо колонистов он привез в Англию и табак. Рэйли, неизменно стремившемуся пропагандировать богатства американского побережья, удалось распространить и это растение, так что именно на нем лежит ответственность за внедрение в Европу пагубной привычки курить табачные листья.

В 1587 г. под предводительством Джона Уайта группа из ста мужчин и двадцати пяти женщин и детей высадилась на Роаноке с целью еще раз попробовать колонизировать его. Там 18 августа 1587 г. родилась девочка. Она была внучкой Уайта, и ее назвали Вирджиния Дар. Она стала первым ре-

бенком английских родителей, появившимся на свет на территории современных США.

Уайт вернулся в Англию за поддержкой. Он задержался, в связи с войной, которую Англия вела с Испанией. Когда 15 августа 1591 года он наконец вернулся на Роанок, колонии не было. Ни одной живой души там не осталось. Никто не знает, что случилось, с колонистами, но, по-видимому, все они были убиты или захвачены индейцами.

Соперничество

Обращаясь к началу XVII в., можно подумать, что Испания все еще находится на вершине могущества. Попытка Франции колонизировать побережье Северной Америки к северу от Флориды пресечена испанцами. Последовавшая затем попытка Англии создать поселение севернее также пресечена, правда не испанцами.

Испанцы по-прежнему единственные европейцы, имеющие настоящие колонии в Северной Америке, и их влияние в Мексике, Флориде и Вест-Индии кажется сильнее, чем когда-либо¹.

Португалия больше не является соперницей для испанцев. В 1580 г. португальская королевс-

1. В 1581 г. испанцы привезли во Флориду темнокожих рабов. Это было первое появление негров на континентальной территории современных Соединенных Штатов (за двадцать пять лет до основания первого постоянного английского поселения).

кая династия оборвалась, и из всех претендентов на престол успеха добился Филипп II Испанский (в результате военных действий). Испания теперь контролировала Португалию и ее владения, и все американские земли либо принадлежали Испании, либо еще не были заселены.

Испанцы продолжали осваивать незаселенные территории. Они, например, неутомимо исследовали калифорнийское побережье. Затем в 1598 г. испанский конкистадор Хуан де Оньяте (женатый на внучке Кортеса) продвинулся к северу от Рио-Гранде. Поскольку Мексика (местное название) была известна испанским поселенцам как “Новая Испания”, то северная часть испанских владений за Рио-Гранде стала “Новой Мексикой”. В 1610 г. был основан город Санта-Фе (“Святая Вера”), ставший столицей Новой Мексики (современный штат Нью-Мексико).

Испания никогда не казалась столь близкой к статусу владычицы мира, как во времена, когда ее флаг развевался над всем Новым Светом и над огромными просторами Юго-Восточной Азии. Да и в самой Европе Священной Римской империей и большей частью Италии правили члены семьи Филиппа II. В Западной Европе только Англия и Франция не входили в сферу влияния Испании, но долго ли это могло продлиться?

И при этом мощь Испании была в большой степени иллюзорной. Ее экономика была слабой, ее население беднело, ее военная сила таяла, мертвящий религиозный ригоризм иссушал ее дух. В начале 1600-х гг. уже можно было догадаться, что Испания не сможет долго удерживать свое единовластие в Америке. На сцену вышли жаждущие власти соперники.

Одним из таких соперников, конечно, стала Англия, и именно в борьбе с Англией обнаружилось, чего стоила на деле испанская мощь.

В 1587 г. королева Елизавета I, устав от тайных заговоров, неохотно согласилась с требованиями своих советников и приказала казнить Марию Шотландскую. Для Филиппа II Испанского это оказалось последней каплей. Английских мореплавателей, грабивших его владения в Америке и нападавших на его корабли на морских просторах, он терпел лишь постольку, поскольку постоянно ожидал свержения Елизаветы в результате восстания недовольных ее правлением. Со смертью Марии Шотландской, главы антиелизаветинского движения, Филипп II решил, что восстанию необходима военная поддержка из-за границы.

Он отправил в Англию огромный флот, который должен был переправить туда испанскую армию с континента. Эта армия поддержала бы католическое восстание на острове, учредила бы дружественное Испании правительство и положила бы конец английскому пиратству.

Испанский флот (названный “Непобедимая армада”) тем не менее постигла неудача с самого начала, и он так и не осуществил задуманного. Против него выступили корабли под предводительством закаленных в битвах морских волков — Гаукинса, Дрейка, Фробишера и других. Кроме того, “Армаду” побили сильные шторма, и в конце концов она ослабела и была почти полностью уничтожена. Престиж Испании был навсегда утерян, а уверенность англичан в своих силах весьма возросла.

В 1598 г. умер Филипп II, и хотя владения Испании, если судить по карте, были пока не менее обширны, чем раньше, а богатства теорети-

чески столь же велики, его неумная, плохо продуманная политика истощила страну. Измученная Испания после его смерти становилась год от году слабее и слабее.

В то же самое время Франция, другой потенциальный соперник Испании, тоже понемногу вступала в пору расцвета. Религиозные и гражданские войны завершились. Вождь гугенотов Генрих Наваррский стал законным королем Франции, Генрихом IV. В 1553 г. он согласился принять католичество, благодаря чему его признало большинство французов. Он даровал гугенотам свободу вероисповедания, которой они добивались, и во время его правления Франция стала стремительно набирать силу.

Был, наконец, третий регион в Европе, тоже имевший интерес к заморской деятельности и только сейчас начинавший проявлять себя. Это были Нидерланды, названные так из-за своего географического положения¹, — страна занимает низменность в устье Рейна, к востоку от южной Англии и отделена от нее Северным морем.

В средние века Нидерланды включавшие в себя не только сегодняшнюю территорию, но еще Бельгию и самые северные области Франции, были очень богатой и развитой в культурном отношении страной. После Италии это был наиболее урбанизированный регион в Европе, и его города, населенные искусными ремесленниками и процветающими купцами, постепенно приобретали вес на международной арене.

В начале нового времени Нидерланды входили в состав Священной Римской империи, а следовательно, были частью доминиона импера-

1. Это название означает “низкая страна, низкие земли”. — *Прим. перев.*

тора Карла V (одновременно правившего в Испании под именем Карла I). После того как в 1556 г. Карл V отрекся от престола, один из его сыновей, Филипп II, стал испанским королем, в то время как младший, Фердинанд I, — императором.

Карл, однако, провел жизнь в борьбе с Францией и не желал, чтобы она получила выгоду при разделе его империи. Поэтому он передал части Италии и Германии, граничившие с Францией, Филиппу II Испанскому, надеясь таким образом окружить Францию владениями одного правителя. Одной из областей, переданных Филиппу II, были Нидерланды. Что в итоге оказалось проблемой не для Франции, а для Испании. В северных областях Нидерландов распространился протестантизм, и это было подлинным проклятием для ярого католика Филиппа II. Филипп попытался насадить католичество среди населения Нидерландов, что привело лишь к открытому восстанию. Практически все время своего правления Филипп упорно сражался в Нидерландах, но ему так и не удавалось разгромить восставших.

Находясь в отчаянном положении, восставшие создали флот, который давал им возможность контролировать берега Нидерландов. Благодаря этому и периодической помощи Англии они продолжали упорно бороться. Когда Филипп II умер, Испания все еще находилась в состоянии войны, но северные провинции уже были, по сути дела, совершенно независимыми и сохранили свою независимость впредь.

Сегодня название “Нидерланды” относится к этим северным провинциям. Главная из них со столицей, огромным торговым городом Амстердамом, — Голландия, и это название иногда ошибочно относят ко всей нации. Население Нидерландов по-английски называют Dutch (искажен-

но немецкое “Deutsch” — “немец”, так как жители этой страны относятся к германским народам).

Южные провинции, остававшиеся в руках испанцев в течение XVII в., назывались “Испанскими Нидерландами”.

Долгая и мучительная война с Испанией вынудила Нидерланды создать лучший в мире купеческий флот. Голландские корабли бороздили все океаны; предприятия голландских купцов появлялись по всему миру; голландская промышленность процветала. Испания клонилась к упадку, а Нидерланды набирали силу.

К 1600 г. все три государства — Англия, Франция и Нидерланды — обратили свои взоры на восточное побережье Северной Америки, точнее, на те регионы к северу от Флориды, на колонизацию которых у Испании уже не было сил. Каждая из них добилась успеха, и о каждой мы будем говорить отдельно. Начнем же с Англии.

Виргиния

Королева Елизавета I умерла в 1603 г. Шотландский король Яков II Стюарт, сын казненной Марии Шотландской, стал ее преемником — английским королем Яковом I, так что теперь Англия и Шотландия были объединены под властью одного монарха¹. Яков I был человеком миролю-

1. Но во всем остальном в течение XVII в. они оставались двумя самостоятельными нациями, и автор продолжает говорить об Англии как об отдельном государстве.

бивым и отошел от довольно агрессивной внешней политики Елизаветы. После разгрома Непобедимой армады Испании можно было не особенно опасаться, но Яков тем не менее искал ее дружбы. Поскольку Испания продолжала претендовать на оба Американских континента, истинная дружба означала бы отказ от попыток колонизировать Северную Америку. Этого, однако, не произошло.

В действительности, движение к колонизации при Якове I только усилилось, так как жизнь в Англии становилась все тяжелее. Стоимость жизни возрастала, а переход от земледелия к овцеводству, выгодный для крупных землевладельцев, разорил множество мелких фермеров. Число англичан, готовых, невзирая на злую судьбу колонии Роанок, перенести тяготы океанского плавания и свирепость туземцев во имя обретения новой родины и лучшей жизни, возрастало.

Этот интерес к колонизации привел к созданию частных компаний, имевших целью контролировать и использовать движение к собственной выгоде. В прошлом такие компании добивались успеха. В 1553 г. группа лондонских купцов создала “Московскую компанию” с намерением организовать торговлю мехами с Россией через арктический порт Архангельск. В 1600 г. была образована “Ост-Индская компания” для торговли с так называемой Ост-Индией (Западной Индией) — этим названием в те времена обозначалась собственно Индия и некоторые другие страны Южной и Юго-Восточной Азии. Она принесла немалые выгоды. Тогда почему бы не создать компании, чтобы колонизировать Северную Америку?

Десятого апреля 1606 г. две группы англичан, одна из Лондона, а другая из южного английско-

го порта Плимут (названные поэтому “Лондонская компания” и “Плимутская компания”) добились официального разрешения колонизировать восточное побережье Северной Америки между 34° и 45° северной широты (это территория от сегодняшней Северной Каролины до штата Мэн).

Компании сначала были связаны между собой, хотя предполагалось, что “Лондонская компания” сосредоточит усилия на южной части региона, а “Плимутская” — на северной. Акционеры компании должны были поддерживать поселенцев и обеспечивать капитал, сохраняя за это право определять политику будущей колонии, назначать губернатора и получать проценты от любого дохода, который можно было извлечь из колонии.

“Лондонская компания” снарядила первый корабль с колонистами 19 января 1606 г. 26 апреля 1607 г. они достигли входа в Чесапикский залив. Землю к северу от входа они назвали мыс Чарльз, а к югу — мыс Генри в честь сыновей короля Якова. Они плыли по заливу точно на запад и добрались до широкого устья реки, названной ими рекой Джемс в честь самого короля¹.

Колонисты исследовали реку и в конце концов 13 мая выбрали место для поселения на северном берегу, милях в двадцати пяти вверх по течению. Это поселение они назвали “Джемстаун” опять же в честь короля. Оно стало центром колонии в Виргинии (это название не вышло из употребления) и оказалось первым постоянным английским поселением в Северной Америке.

1 Джемс (Джеймс) — английский вариант имени Яков. — *Прим. перев.*

Первый год, казалось, не сулил Джемстауну долгого существования. Поселение было близко к тому, чтобы повторить судьбу Роанока, с такими трудностями пришлось столкнуться колонистам.

Помимо всего прочего англичанам в Северной Америке пришлось строить себе дома в чудовищно диких условиях, к которым они совершенно не привыкли и которых даже не могли себе представить. Кроме того, между ними и домом простирался океан, а это расстояние человеку того времени представлялось не меньшим, чем нам расстояние между Землей и Луной. На самом деле астронавты на Луне, имевшие постоянную связь с Землей и возможность вернуться за три дня, были менее изолированы и чувствовали себя ближе к дому, чем первые колонисты в Виргинии. Помимо всего прочего англичане идеализировали Америку. Первые колонисты были убеждены в том, что отправляются в благодатную страну, где деревья сами даруют пищу, где они станут жить безопасно, словно в современном Эдеме.

Виргиния рисовалась англичанину 1607 г. примерно так же, как острова Южного моря американцу, смотревшему голливудские фильмы, созданные до Второй мировой войны.

Поэтому неудивительно, что среди колонистов было много людей хорошего происхождения, не имевших опыта физической работы и считавших ее ниже своего достоинства. Они не ожидали, что физический труд будет необходим.

Когда выяснилось, что для процветания Джемстауна нужно будет приложить много усилий, например, строить дома и выращивать урожай, наступило глубокое разочарование. Конечно, колонисты могли избежать земледельческих работ, если бы готовы были жить охотой и ры-

балкой, как индейцы, но они не хотели или не могли делать ни того, ни другого.

Долгие месяцы они провели в бездействии, из ста переселенцев через полгода половина погибла от голода и болезней. То, что остальные не сдались и Джемстаун не стал очередной неудачей, заслуга человека, носившего ничем не примечательное имя Джон Смит (возможно, это был самый важный Джон Смит в истории).

Ему было двадцать восемь лет к моменту основания Джемстауна, он уже постранствовал по свету в течение двенадцати лет. Смит, по его собственным словам, воевал против турок, и (опять же по его собственным рассказам) на его счету было немало смелых подвигов.

Он был человеком упрямым, не слишком утонченным к тому же низкого происхождения и не общался со знатными поселенцами Джемстауна. Тем не менее когда запасы еды стали подходить к концу и выяснилось, что все джентльмены Джемстауна способны только уничтожить эти запасы, именно на долю Джона Смита выпало добывать провизию.

Для этого требовалась помощь индейцев, и Смит попытался уговорить их снабжать поселенцев необходимой пищей, имея при этом дело с Поухатаном, который стоял во главе почти девяти тысяч индейцев, обитавших в ста двадцати восьми селениях, рассеянных по территории современных штатов Виргиния и Мэриленд. Поухатан обеспечил продовольствие, которое помогло колонии выжить.¹

1. То, что индейцы были жестокими и кровожадными варварами, является в очень большой степени легендой, получившей распространение в Соединенных Штатах. На самом деле они относились к белым поселенцам, захватывающим их территории, намного более друже-

Самая известная история о Джоне Смите была рассказана позже им самим, так что мы не можем быть полностью уверены в ее правдоподобии. В декабре 1607 г., рассказывал он, Поухатан собирался его казнить за то, что он во время схватки убил индейца. Когда палач поднял свой каменный топор, чтобы отрубить ему голову, вмешалась маленькая, двенадцатилетняя дочь Поухатана, Покахонтас. Смит, по-видимому, рассказывал интересные истории о Европе и заинтриговал ее диковинными вещами, которые у него были при себе. Теперь она положила свою голову на его и умолила отца запретить казнь. Индейский “дикарь” выказал милость, которую англичанин на его месте мог бы и не выказать, и жизнь Смита была спасена. (В итоге Покахонтас была обращена в христианство и получила имя Ребекка, но благодарному потомству она известна только под своим индейским именем).

Смит держал колонию на плаву, пока в январе 1603 г. не прибыла новая поддержка и новые колонисты. К этому времени в живых оставались только тридцать восемь первых колонистов; две трети умерли.

Как только кончилась зима, Смит тщательно исследовал Чесапикский залив и нижние течения рек, в него впадавших. Этой весной он заставил колонистов выращивать кукурузу, используя навыки, заимствованные у индейцев. Он оставался главой колонии до конца 1609 г., невзирая на

любно и помогали им намного больше, чем это делали бы европейцы, окажись они на их месте. Индейцы даже охотно разрешали европейцам охотиться на их территориях. Отношение их сделалось враждебным лишь тогда, когда европейцы стали относиться к ним как к низшим, вытеснять с территорий, принадлежавших им по праву. Тогда только и начались войны между индейцами и европейцами.

давление далеких купцов из “Лондонской компании”, называвшейся теперь “Виргинской”, недовольных тем обстоятельством, что поселение до сих пор не приносило огромных прибылей. В конце концов после того, как он был ранен во время взрыва пороха 5 октября 1609 г., его заставили покинуть свой пост и вернуться в Англию.

Хотя богатый урожай вроде бы сулил Джемстауну благополучие, отсутствие сильной руки Смита привело к полному упадку. Зима 1609—10 гг. была названа “зимой голода”. Экспедиция под предводительством сэра Томаса Гейтса, которая должна была доставить продовольствие и новых людей, попала в шторм. Часть кораблей перенесла шторм благополучно, но другие потерпели крушение недалеко от Бермудских островов. Оставшиеся в живых были выброшены там на мель, и примерно через год им удалось соорудить два корабля, которые доставили их в Джемстаун. Считается, что рассказ об этом кораблекрушении и появлении многих участников экспедиции, которых считали погибшими, вдохновил Шекспира на некоторые эпизоды в его последней пьесе “Буря”.

Когда Гейтс прибыл, колонисты (всего шестьдесят человек) находились в таком плачевном состоянии, что, казалось, не оставалось ничего, кроме как погрузить их на корабли и отвезти обратно в Англию, признав всю идею поселения провалившейся.

Но 8 июня 1610 г., как раз когда возвращавшиеся уже выходили из устья Чесапикского залива в открытый океан, они столкнулись с тремя кораблями из Англии, доставившими триста новых колонистов и обильные запасы всех видов продовольствия. Старые колонисты повернули

назад, и Джемстаун обрел новую жизнь, едва-едва не придя в запустение.

Командиром этой новой флотилии был Томас Вест, лорд Делавер, которого “Виргинская компания” назначила губернатором. Капитаном корабля был Сэмюэл Аргалл. Он плывал к различным точкам побережья в поисках источников продовольствия и обнаружил залив к северу от Чесапикского. Землю к югу от залива он назвал мысом Делавер в честь губернатора. Это название не сохранилось, но зато его носят сам залив, река, впадающая в него, и, наконец, один из Североамериканских Соединенных штатов.

Двадцать восьмого мая 1611 г. Делавер вернулся в Англию за новыми поселенцами и новыми запасами и, задержавшись там на годы, умер, так и не вернувшись назад. Во время его отсутствия руководить колонией пришлось сэру Томасу Дейлу, прибывшему 10 мая 1611 г. и служившему заместителем губернатора.

Впервые после отъезда Смита колония почувствовала твердую руку руководителя. На самом деле Дейл управлял колонистами безжалостно, заставляя каждого исполнять свою долю работы. Тому, кто не трудился на общее благо, не выделяли еды.

Важное достижение принадлежит поселенцу по имени Джон Ролф. Он научился индейскому способу выращивания табака, перемешал сорт местного табака с другими, ввозимыми из Вест-Индии, и в 1612 г. создал лучшую смесь из всех, что были известны раньше. В Англии табак пользовался большим спросом, несмотря на то, что король Яков был решительно против курения; и в 1614 г., когда прибыла первая партия смеси Ролфа, она была мгновенно распродана по

высоким ценам. Виргиния наконец-то нашла свой источник дохода.

Ролф был вдовцом, и это тоже сослужило добрую службу Виргинии. 5 апреля 1614 г. он женился на Покахонтас и таким образом закрепил продолжавшуюся дружбу с Поухатаном¹.

Благодаря твердому правлению Дейла, а также изобретенной Ролфом табачной смеси колония начала увеличиваться и распространяться вдоль берегов реки Джеймс. Хотя больше десяти тысяч приехавших в разные годы поселенцев погибли, к 1617 г. выживших было не меньше тысячи. Разумеется, суровые зимы всегда брали свое, но население было теперь достаточно многочисленным, чтобы обеспечить выживание колонии, за исключением непредвиденных катастроф.

В 1619 г. сэръ Джордж Ярдли стал губернатором колонии, и под его руководством она достигла заметного прогресса. Население ее, повторим, было уже достаточно большим и жило достаточно разбросанно, чтобы затруднить единоличное правление. В Великобритании была традиция сотрудничества выборных представителей населения с королем, и Ярдли получил от руководителей "Виргинской компании" поручение установить похожий порядок в Виргинии.

Каждый из одиннадцати округов колонии должен был выбрать по два представителя, которым предстояло составить нечто вроде местного парламента. 30 июля 1619 г. двадцать два выбранных таким образом человека, составивших

1. В 1616 г. Покахонтас отправилась с Ролфом в Англию и была представлена королю. На следующий год она умерла, всего 22 лет от роду, так и не успев вернуться в Америку. Ее сын поселился в Виргинии и стал прародителем известной виргинской семьи.

так называемую Палату горожан, собрались в деревянной церкви. Это был первый законодательный орган в заморской английской колонии. За две недели, что он заседал, были изданы новые законы и сделаны рекомендации для изменения старых. Прецедент был создан.

До 1636 г. Палата горожан избиралась головами всех совершеннолетних мужчин, но с развитием колонии развивалось и социальное расслоение. Были такие, кто владел землей, и такие, кто ею не владел, и право голоса стало привилегией тех, кто имел определенное количество земли. Поскольку землевладельцы были, во-первых, людьми консервативными, а во-вторых, имели возможность общаться с глазу на глаз как с губернатором, так и с влиятельными людьми в Англии, Палата горожан зачастую оказывалась марионеточной организацией, не игравшей в действительности никакой роли. Тем не менее само ее существование, каким бы далеким от демократического идеала она ни была, символизировало распространение института представительной власти, существовавшей в Англии, на ее колонии, и это был, наверное, лучший дар, сделанный страной-прародительницей будущим США.

В том же 1619 г. в Виргинию стали прибывать молодые женщины; женщины, отправленные туда с четко определенной целью — стать женами поселенцам. Кроме того, в 1619 г. в Виргинии появились железоделательные заводы — прообраз будущей промышленности.

Наконец, в этом, столь значимом для колонии году произошло событие поистине колоссальной важности. Выращивание табака существенно повысило потребность в рабочих руках. Англичан, приезжавших в Виргинию, было явно недостаточно, да и не многие из них рвались за-

ниматься тяжелым однообразным трудом, возделывая табак. Почему бы не завести темнокожих рабов, которых можно было бы силой принудить к этой работе?

В августе 1619 г. голландский корабль доставил в Виргинию двадцать негров. Позже привозили еще и еще. Именно эта дешевая рабочая сила сделала табачные (а позже и хлопковые) плантации более прибыльными, чем когда-либо, и именно черному рабству суждено было причинить США бесконечный вред, последствия которого ощущаются и по сей день, через много лет после его отмены.

Тем временем назревали проблемы, связанные с индейцами. Когда поселения колонистов стали распространяться вдоль реки Джемс, индейцы поняли, что границ европейской экспансии не будет (и действительно, англичанам никогда и в голову не приходило, что присутствие “варваров” могло стать преградой при освоении новых земель). Пока был жив Поухатан, ему удавалось сохранять мир; но в 1618 г. он умер, его преемником стал его брат Опеханкано. Ему было около восьмидесяти лет в это время, а недоброжелательство по отношению к поселенцам он затаил еще с тех пор, как был взят в плен Джоном Смитом и с ним обходились пренебрежительно, словно с невежественным дикарем. Опеханкано этого не забыл.

Теперь он тщательно планировал наступление с тем, чтобы полностью вытеснить поселенцев из Виргинии. Во время неожиданного нападения индейцев 22 марта 1622 г. было убито триста двадцать семь жителей колонии — треть всего ее населения. Остальным удалось отбить атаку. На помощь прибыли еще войска, и поселенцы стали мстить, совершая по три рейда в год, во

время которых они убивали индейцев и уничтожали их посевы. В 1625 г. они совершили удачное нападение на поселение индейцев и убили тысячу человек.

Уже после первого нападения индейцев главной опасности стали подвергаться они сами, а не поселенцы, и в 1636 году Опеханкано пришлось согласиться на мир на очень невыгодных для индейцев условиях.

Это предопределило ход индейской истории на два с половиной столетия вперед. Экспансия белых станет отныне постоянной, а гонимые индейцы будут наносить ответные удары единственным возможным для них способом, обусловленным тем, что вооружены они были намного примитивнее европейцев, — совершать неожиданные нападения. Такие нападения, неизменно называемые “резней” в наших исторических книгах, отбивали с большими потерями. Затем следовала безжалостная контратака, в результате которой индейцы несли намного большие потери. Индейцы убивали женщин и детей, что скрупулезно отмечалось историками. Белые тоже убивали женщин и детей, но об этом упоминалось редко.

В результате всего этого силы индейцев истощались, и их отбрасывали все дальше и дальше после каждого конфликта. В конце концов вся земля стала принадлежать европейцам и их потомкам.

Нападение индейцев в 1622 г. сыграло на руку Якову I. Ему не нравилось то, что Виргинией руководили частные лица, его представления о королевской власти были возвышенными, и, в связи с этим, он считал своим долгом постоянно разбирать накапливавшиеся и возраставшие жалобы своих подданных, высказывавшиеся через

парламент. Кроме того, Испания постоянно протестовала против самого существования Виргинии, и Яков, стремившийся к миру, опасаясь, что ему придется отозвать поселенцев, желал держать их под собственным контролем.

Поэтому он отобрал Виргинию у акционеров компании. 1 июня 1624 г. она перестала быть “частной”, то есть находящейся под руководством акционеров, а стала “королевской”, перейдя под прямой контроль короля, перед которым отныне нес ответственность губернатор. Но Яков I при этом не пытался положить конец институту Палаты горожан, так что это изменение статуса колонии не оказало существенного влияния на ее внутреннее развитие. Практически у горожан при короле было больше власти чем при компании.

Колония между тем продолжала расширяться. Людские потери в результате нападения Опеханкано в 1622 г. были быстро восполнены благодаря постоянному притоку переселенцев, и к 1630 г. в Виргинии их жило уже три тысячи. Плантации и города продолжали распространяться вдоль берегов реки Джемс, а потом и вдоль реки Йорк, протекающей на десять миль севернее Джемса и параллельно ему впадающей в Чесапикский залив. Весь полуостров между нижними течениями Джемса и Йорка был укреплен для защиты от индейцев, и заселенный регион поделен на отдельные колонии.

Опеханкано, все еще правивший индейцами и на самом деле не смирившийся, предпринял еще одну попытку остановить экспансию. 18 апреля 1644 г. этот выдающийся индеец, которому теперь было почти сто лет, предпринял новую неожиданную атаку, в результате чего, по приблизительным оценкам, погибло около пятисот

поселенцев. Убитых было больше, чем во время первого нападения четверть века назад, но и население колонии сильно выросло, так что оставшихся в живых оказалось достаточно, чтобы предпринять контратаку, более кровавую чем прежде.

Опеханкано был взят в плен и убит, а силы индейцев в Восточной Виргинии полностью сломлены; английские поселенцы распространились к северу, до реки Потомак, приблизительно на шестьдесят миль севернее Джемстауна.

Потомак служил северной границей Виргинии, а чтобы выяснить, почему так произошло, нам следует вернуться в Англию.

Мэриленд

Официальной английской религией, установленной Генрихом VIII и укрепленной его дочерью, Елизаветой I, было англиканство, мягкая форма протестантизма, не очень сильно отличавшаяся от католицизма. Основное отличие заключалось в отрицании главенства Папы, а главой церкви признавался английский король. Однако у многих англичан это вызывало неприятие, и они оставались католиками.

В Англии не пытались силой искоренить католицизм. Тем не менее антикатолические настроения были достаточно сильны в правительстве, так как, держа сторону Папы против короля (королевы), они постоянно навлекали на себя

подозрения в государственной измене. Поэтому их официально лишили многих прав.

В целом с начала XVI в. протестантство распространялось среди английского населения все шире, и вместе с этим росло число недовольных англиканской церковью, которая представлялась слишком близкой к католической.

У Якова I вызывали озабоченность крайние протестанты, приобретающие все большую силу в парламенте, в который не могли избираться католики. Ему казалось, что именно крайние протестанты ставили под сомнение королевские прерогативы, которых он так твердо держался. Из-за своей неприязни к протестантам и стремления сохранить дружбу с Испанией Яков I стал более дружественно относиться к католикам.

Некоторые его советники были настроены еще более дружественно, чем он. Джордж Калверт, например, был важным сановником и пользовался благосклонностью Якова I. В 1625 г. году он объявил, что перешел в католичество. Это означало, что он должен оставить все государственные должности.

Тем не менее это не стоило ему дружбы Якова I. У Калверта были огромные имения в Ирландии, одно из которых называлось Балтимор. Поэтому король даровал ему звание пэра как барону Балтимору.

Яков I умер в том же году, но это не поколебало позиции Балтимора. Якову наследовал его сын, Карл I, относившийся к католикам еще лучше, чем его отец. Карл был женат на Генриетте Марии, дочери французского короля Генриха IV (и сестре правившего в то время во Франции Людовика XIII). Она сама была католичкой и при каждой возможности старалась внушить мужу симпатию к своим единоверцам.

Лорд Балтимор был членом “Виргинской компании”, и теперь ему пришло в голову, что в Америке можно основать колонию, где бы жили, свободно исповедуя свою веру, католики (вывернутая наизнанку идея Колиньи более чем полувековой давности).

Он решил было основать колонию на Ньюфаундленде, до сих пор не заселенном. Он даже разместил там поселенцев в 1621 г., но эта попытка потерпела неудачу, поскольку климат на острове был чрезвычайно суров. Балтимор сам побывал на Ньюфаундленде в 1627 г. и, перезимовав там, смог лично в этом убедиться. В 1628 г. он отправился в Виргинию, обнаружил, что ее климат гораздо более благоприятен, и в 1629 г. вернулся в Англию полный решимости основать на юге католическую колонию.

Он просил Карла I выделить ему территорию в Виргинском регионе. Он не скрывал своего намерения поселить там католиков, но разрешения нужно было просить у протестантского правительства, и Калверт дал понять, что протестанты туда тоже приглашались и что они не будут терпеть каких-либо политических гонений. Таким образом, с самого начала колония мыслилась своего рода оплотом веротерпимости.

Карл I охотно дал свое согласие, но 20 июня 1632 года, как раз перед тем, как все формальности были улажены, лорд Балтимор умер. Его сын Сесил Калверт, второй барон Балтимор, продолжил дело отца. Ему было даровано право на колонизацию части Виргинии, лежавшей к северу от реки Потомак и все еще не заселенной.

В ноябре 1633 г. под предводительством Леонарда Калверта, младшего брата Сесила, двести двадцать поселенцев (и протестантов, и католиков) на двух кораблях покинули Англию. Через

три месяца они высадились на берег строго к северу от устья Потомака. Новую колонию, которой они собирались управлять отдельно от Виргинии, они назвали “Мэриленд” (“земля Марии”), в честь Девы Марии и королевы Генриетты Марии. Поселение, основанное колонистами 27 марта 1634 г. прямо на месте их высадки, было названо Сент-Мэрис (“город Святой Марии”). До конца века оно играло роль столицы колонии.

Мэриленду соседство с Виргинией было, с одной стороны, выгодно, а с другой — нет. Поселению в Джемстауне было уже больше двадцати пяти лет, и Мэриленд мог извлечь урок из трудностей, с которыми пришлось столкнуться виргинцам. Поселенцам Мэриленда не пришлось страдать от голода, стихийных бедствий и болезней. К их выгоде послужила и победа Виргинии над индейцами.

С другой стороны, поселенцам Виргинии абсолютно не нравилось появление на севере колонии, считавшей себя независимой, да к тому же основанной под покровительством католиков. Некий виргинец по имени Уильям Клэйборн основал в 1631 г. на острове Кент в северной части Чесапикского залива торговый пост и вел выгодную торговлю с индейцами. Теперь же его остров вдруг оказался на территории Мэриленда, и он отказывался признавать это. Он подкрепил свой отказ силой, и его корабли сражались с кораблями мэрилендцев. Он к тому же съездил в Англию, чтобы добиться отмены их права на землю и почти преуспел в этом.

Жители Мэриленда не нарушали границ колонии, но их католическое вероисповедание делало их уязвимыми, особенно с тех пор, как радикалы-протестанты стали приобретать все большую силу в Англии. Католики — основатели

колонии не в силах были остановить иммиграцию протестантов в Мэриленд, и через десять лет со дня основания колонии католики там уже были в меньшинстве.

Протестанты между тем почувствовали свою силу. Они разграбили в 1646 г. город Сент-Мэрис, и Леонарду Калверту пришлось бежать в Виргинию на какое-то время. Там он получил помощь от губернатора Виргинии (как от коллеги, а не как от единоверца, ведь виргинский губернатор был протестантом, но при этом вовсе не желал падения авторитета власти) и вскоре вернулся в Мэриленд.

Было ясно, что для того, чтобы выжить, Мэриленду необходимо избежать религиозного конфликта. Колонии следовало специально терпеть протестантов в надежде, что пример подобной терпимости в конечном итоге послужит на пользу им самим.

Двадцать первого апреля 1649 г. в Мэриленде был издан закон, известный под названием “Акта веротерпимости”, по которому люди, признававшие Троицу, получали свободу вероисповедания. Это было еще далеко от абсолютной терпимости, поскольку закон давал свободу только христианам, но не относился, например, к евреям.

И едва ли важно, стояли ли за этим актом эгоистичные мотивы. Факт тот, что католики Мэриленда подали первый публичный пример широкой религиозной терпимости в английских колониях в Америке, и это стало прецедентом свободы вероисповедания в США.

Восхищаясь политикой терпимости в Мэриленде, нам тем не менее не стоит забывать, что само появление колонии было результатом религиозной терпимости, существовавшей в самой

ВОЗВЫШЕНИЕ АНГЛИИ

Англии, ведь католическое поселение в Америке было не только разрешено, но и поощрялось протестантской Англией. Это составляло яркий контраст с Испанией, никогда не допускавшей ни одного вероисповедания, кроме католического, в подвластных ей частях Американского континента.

СЕВЕР ВИРГИНИИ

Новая Англия

В то время как Виргиния и Мэриленд отчаянно пытались выжить, ряд событий в более северных областях дал толчок появлению новых сильных колоний на карте Америки. Они расширялись, как Мэриленд, но по совершенно иным причинам, а именно из-за религиозных противоречий в Англии.

В Англии были группы протестантов, недовольных англиканской церковью и считавших ее слишком близкой к католической. Они все больше и больше говорили о необходимости освободить церковь от католических обрядов, и поэтому еще во времена Елизаветы I их противники с презрением стали называть их “пуритане”¹. Этот термин (как часто бывает в таких случаях) был принят с гордостью теми, кого он изначально должен был оскорбить.

Английские монархи всегда были против пуритан, поскольку всегда ставили собственную совесть выше роли короля. Короли предпочитали церковь, которая была бы им полностью под-

1. От латинского слова “purus” — чистый. — *Прим. перев.*

властна, и Яков I не делал секрета из своего намерения расправиться с пуританами. Они должны были либо прекратить исповедовать неугодную ему веру, либо подвергнуться изгнанию.

Некоторые пуритане приходили в отчаяние из-за постоянных притеснений, чинимых им англиканской церковью. Они полагали, что единственный выход из этой ситуации — отделиться от церкви совсем и основать свою собственную. За это их прозвали “сепаратистами”. Одна такая группа сепаратистов жила в Скруби, в Ноттингемпшире.

Измученные местными властями и священниками, скрубские сепаратисты приняли вынужденное решение покинуть Англию; пунктом их назначения стала Голландия.

К этому времени Голландия наконец получила независимость от Испании. Находя, что коммерция и промышленность являются ключами к преуспеванию и силе, в сравнении с чем религиозные взгляды значат не так уж много, они исповедовали религиозную терпимость скорее из безразличия, чем по убеждению. Даже евреям было разрешено жить, свободно исповедуя свою веру, вещь, совершенно неслыханная в христианской Европе в течение многих веков.

Сепаратисты, без сомнения, также могли бы там жить по-своему, поэтому в 1607 и 1608 гг. скрубские сепаратисты отправились в Голландию. Они поселились в Лейдене и неплохо жили какое-то время.

Но все же это длилось недолго. Во-первых, из-за того, что они были чужаками в Голландии, они не чувствовали себя там дома. Их собственные дети тоже внушали им тревогу, так как они говорили по-голландски и вообще больше походили на голландцев, нежели на англичан. А глав-

ное: что, если война с Испанией, приостановленная перемирием, возобновится? Это грозило бы жуткими гонениями, и сепаратисты не чувствовали себя защищенными.

По мере того как эти сомнения и тревоги нарастали, все более очевидными казались, преимуществу поселения Джемстаун в Виргинии. Сепаратисты стали серьезно задумываться, а не лучше ли им отправиться в Америку и жить на своей земле (индейцы, естественно, в расчет не принимались), где они смогут хранить как пуританские, так и английские традиции. Большинство сепаратистов содрогалось при одной лишь мысли о длительном путешествии, неизвестности и дикости, но некоторые из них все же обратились к королю Якову с просьбой разрешить им отправиться в Виргинию.

В конце концов разрешение было получено, и сепаратисты, решившие уехать, начали долгое и тяжелое дело — сбор средств и поиск кораблей и продовольствия. Им удалось раздобыть два корабля, но один из них оказался непригодным для их путешествия, однако они все-таки отплыли из Плимута 16 сентября 1620 г., на единственном судне, носившем название “Мейфлауэр”¹. На борту было тридцать пять сепаратистов из Лейдена и еще шестьдесят шесть человек, большинство из которых сепаратистами не были, из Лондона и его ближайших окрестностей. В принципе, они все направлялись в Виргинию, но предводители не хотели оказаться в местах, уже занятых посе-

1. Корабль “Мейфлауэр”, длина которого равнялась ста футам, а водоизмещение ста восьмидесяти тоннам, известен этим единственным путешествием, но оно прославил его в веках, сделав своего рода символом “отцов пилигримов”, как впоследствии стали называть сепаратистов.

ленцами непуританами. Намеренно (и незаконно) они отправились дальше на север. Побережье Северной Виргинии давно было исследовано такими путешественниками, как Кабот и Веррацано, но для людей с “Мейфлауэр” это роли не играло. Два предыдущих десятилетия северный берег исследовался непрерывно.

Например, в 1602 г., это побережье исследовал английский мореплаватель Бартоломью Госнолд (ставший потом одним из командующих флота, на котором в Джемстаун прибыли первые колонисты). 15 мая 1602 г. он наткнулся на узкий скалистый полуостров, воды близ которого изобиловали треской. Он назвал этот полуостров Кейп-Код. После этого Госнолд направился к берегам острова, находившегося южнее, его он назвал Мартас-Виньярд.

Двумя годами позже другой мореплаватель, Джордж Веймут, исследовал эту же часть побережья и вернулся весьма воодушевленный.

Затем в 1614 г., Джон Смит из Джемстауна организовал экспедицию в эти места. Он внимательно изучил и нанес на карту береговую линию и был настолько удивлен сходством климата и ландшафта этого региона со своей родиной, что назвал его “Новая Англия”, название, сохранившееся до наших дней.

Возможно, в первую очередь к такому шагу сепаратистов подтолкнул голландский исследователь Адриан Блок, который в 1614 г. вернулся в Амстердам с восторженными отзывами о южной части побережья Новой Англии. Остров сорока милями западнее Мартас-Виньярда до сих пор называется “островом Блока” в его честь.

Девятого ноября 1620 г., когда “Мейфлауэр” наконец достиг Америки, пассажиры обнаружили, что находятся на оконечности Кейп-Кода, се-

вернее, нежели они намеревались оказаться. Кроме того, они прибыли туда в неподходящее время года, и Кейп-Код выглядел весьма уныло, но путешествие было долгим и тягостным, так что ни у кого не возникло желания плыть дальше.

Они обогнули полуостров, внимательно изучая береговую линию с тем, чтобы найти место попривлекательнее. В конце концов 16 декабря они обнаружили узкую бухту, и “Мейфлауэр” бросил там якорь. Джон Смит назвал этот участок берега “Плимутом” и пассажиры “Мейфлауэр” приняли это название — в честь английского порта, из которого они отплыли.

Путешественники попали в своеобразное положение, поскольку оказались за пределами территории, контролируемой “Виргинской компанией”, под эгидой которой они сюда прибыли. “Виргинская компания” не могла законно назначить им губернатора, пока они находились в этой части побережья, и переселенцы должны были управлять сами.

С этой целью, а также чтобы избежать конфликтов с несепаратистами, сепаратисты, находящиеся в числе поселенцев, подготовили соглашение, в котором обещали подчиняться законам, выработанным жителями нового поселения. Это соглашение, подписанное 21 декабря, представляло собой прообраз знаменитых городских собраний Новой Англии и стало первым шагом к самоуправлению в английских колониях.

Как только сепаратисты высадились на землю, один из них, Джон Карвер, был избран на пост губернатора.

Время года было суровым, и поселенцы вынуждены были встречать зиму абсолютно неподготовленными. К весне половина пассажиров “Мейфлауэр” умерла от голода и болезней. Среди

них был и губернатор Карвер. С тяжелым сердцем оставшиеся в живых выбрали нового губернатора, Уильяма Брэдфорда. (Он оставался на этом посту в течение следующих тридцати пяти лет.)

Небольшая группа поселенцев, конечно не выжила бы в схватке с индейцами, но в Плимуте, как и везде, индейцы были сначала очень дружелюбными. На самом деле в данном случае у них просто не было выбора. В 1617 г. эпидемия чумы уничтожила огромное количество индейцев, проживавших на этой территории, а оставшиеся в живых не хотели осложнений.

Пришла весна 1621 г., и поселенцы смогли посадить первые сельскохозяйственные культуры на пустующих индейских полях. Один индеец, по имени Скуанто, который выучил английский во время своего пребывания в Лондоне (куда его забрали английские моряки, просто похитившие его), помогал поселенцам, обучая их индейским способам ведения сельского хозяйства. Другой дружелюбно настроенный индеец, Самосет, организовал встречу с Массасоитом (вождем местных племен), и мирные отношения между индейцами и поселенцами были установлены.

К зиме 1621 г. поселенцы собрали хороший урожай, который обещал им спокойную зиму, и объявили трехдневное празднество, дабы отблагодарить Бога¹. Массасоит и еще девяносто индейцев также приняли участие в этом празднестве.

Стало понятно, что теперь Плимут выживет. Он оставался маленькой колонией, к 1624 г. число поселенцев выросло лишь до ста восьмидесяти человек, но эта колония была достаточно

1. Считается, что именно к этому празднеству восходит День благодарения, отмечаемый в США в четвертый четверг ноября.

сильной. В 1626 г. там были собраны тысяча восемьсот фунтов, необходимые для того, чтобы заплатить купцам, вложившим с самого начала деньги в это смелое предприятие, а плимутские жители основывали и другие мелкие поселения вдоль побережья.

Одновременно у этих берегов стали появляться и другие переселенцы из Англии. Вторым важным городом, появившимся на карте, был Салем, основанный в 1626 г., сорока милями севернее Плимута.

Однако по-настоящему Новая Англия утвердилась на карте благодаря активным действиям Джона Уинтропа, влиятельного пуританина, образованного и богатого человека. В 1629 году он собрал группу пуритан и начал планировать хорошо организованную экспедицию в Новую Англию, такую, за которой стояли бы королевские интересы.

Карл I, который в то время правил Англией, был не прочь избавиться от как можно большего количества пуритан, а потому дал разрешение учредить “Мореплавательную компанию Массачусетса”. Карл не оговорил, что акционеры компании должны проводить свои ежегодные собрания в Лондоне, там, где их действия можно легко контролировать, и поселенцы вскоре перенесли правление компании в Новую Англию. Это был еще один шаг, пусть и неосознанный, к самоуправлению в колониях.

В 1630 г., семнадцать кораблей с тысячью человек и Уинтропом в роли губернатора будущей колонии на борту отправились в Новую Англию. Они высадились в заливе Массачусетс¹, по-

1. Свое название залив Массачусетс, расположенный к северу от Плимута, получил во время экспедиции Джона

этому колония тоже получила название Массачусетс.

Город, заложенный в 1630 г. на мысе, врезающемся в бухту, был назван Бостоном в память английского городка, откуда прибыла эта группа переселенцев. Реку, в устье которой был основан Бостон, стали называть рекой Чарльз — в честь короля.

Другие города основывались вокруг Бостона, и с самого начала область залива Массачусетс стала процветать, а Уинтроп оставался губернатором двадцать лет.

В течение следующих двенадцати лет переезд пуритан (и не только пуритан) в Массачусетс приобрел массовый характер, так как правительство Карла I оставалось нетерпимым к их вероисповеданию. В общей сложности туда прибыли двадцать тысяч поселенцев на двухстах кораблях, и в течение некоторого времени Новая Англия была населена намного более густо, чем Виргиния. К 1640 году население Новой Англии составляло двадцать две с половиной тысячи человек, в то время как в Виргинии и Мэриленде проживало всего пять тысяч.

Новая колония в Массачусетсе превзошла, в частности, и более раннее поселение Плимут, где к моменту основания Бостона жило всего триста человек. Несмотря на это, Плимут упорно отстаивал свою независимость и тогда, и на протяжении еще шестидесяти лет.

Новые поселенцы были не простыми ремесленниками, вроде тех, что прибыли на “Мейфла-

Смита (1614 г.). По-индейски это означает “около большого холма” — в этой местности находятся большие холмы, на которых индейские племена собирались на советы.

уэр”. Многие из них окончили университет, и не желали, чтобы их дети выросли, не получив образования.

Двадцать восьмого октября 1636 года севернее реки Чарльз, там, где теперь город Кембридж, была основана школа. На нее было собрано четыреста фунтов пожертвований. Тридцатилетний священник, умиравший от туберкулеза, завещал новой школе около семисот фунтов и свою библиотеку из четырехсот книг — огромный дар по тем временам. Имя его было Джон Гарвард, и 13 марта 1639 г., через полгода после его смерти, школа стала называться в его честь Гарвардским колледжем. Это было первое высшее учебное заведение на территории английских колоний.

Другой важной ступенью на пути культурного развития стало открытие в Кембридже в 1639 г. типографий. Это было новшеством для всех английских колоний, а первой книгой, увидевшей в них свет, стала Псалтирь.

Другие части Новой Англии также колонизировались. Англичанин по имени Фердинанд Горджес, сражавшийся против “Непобедимой армады”, предпринимал активные попытки колонизировать северную часть Новой Англии. Еще в 1607 г., он хотел основать поселение под эгидой “Плимутской компании”, ста тридцатью пятью милями севернее места, где впоследствии возник Бостон. Это поселение не пережило зиму, и сто двадцать оставшихся в живых поселенца вернулись в Англию в 1608 г. Это был тяжелый удар по “Плимутской компании”, дела которой шли намного хуже, чем у “Лондонской”, успешно осваивавшей Джемстаун. Но несмотря на все неудачи “Плимутской компании”, Новая Англия была заселена и без нее.

Десятого августа 1622 г. Горджес и Джон Мейсон, который был губернатором все еще незаселенного Ньюфаундленда и который первым нанес на карту его берега, получили королевское разрешение на колонизацию северной части новоанглийского побережья. Северная часть была названа Мэн, потому что так обычно называли берег материка¹. Горджес и Мейсон разделили свои владения в 1629 г., и Мейсон назвал свою южную часть берега Нью-Гэмпшир в честь английского графства Гэмпшир, где он провел большую часть своей жизни (хотя родился он не там).

К середине 1630 г. поселения на побережье Нью-Гэмпшира и Мэна неуклонно разрастались, и это вызывало недовольство пуритан из Массачусетс. Ведь Горджес и Мейсон не были пуританами и, кроме того, не ставили под сомнение прерогативу короля управлять колониями. Такое соседство представляло опасность для самоуправления, которое так ценил Массачусетс.

Массачусетс между тем делал все возможное, чтобы побережье Новой Англии до самых северных областей перешло под его юрисдикцию. Некоторые города Мэна признали власть Массачусетса, и к 1677 г. Массачусетс выкупил все земли, принадлежащие семье Горджеса. Мэн оставался частью Массачусетса еще полтора века.

Массачусетс также пытался завладеть Нью-Гэмпширом, но тот долгое время сохранял свою независимость и считал себя отдельной колонией.

Это было незадолго до того, как поселенцы Массачусетса сами стали разъезжаться в поисках

1. От английского main — “главный”, т. е. земля, главная по отношению к островам. — *Прим. перев.*

новых земель. К 1632 г. они исследовали долину реки Коннектикут¹ (от индейского слова, обозначающего “за длинной, разливающейся рекой”). В октябре 1635 года переселенцы из городов Массачусетса прошли восемьдесят миль на запад и основали Виндзор, Хартфорд и Уэзерсфилд, ставшие ядром будущей колонии Коннектикут и давшие толчок первой большой волне миграции на запад — процессу, который продолжается и по сей день.

В 1638 г. новая группа пуритан прибыла из Англии; задержавшись немного в Бостоне, она двинулась дальше, чтобы основать поселение на западном побережье реки Коннектикут 15 апреля того же года. Поселение назвали Нью-Хейвен (новый рай).

Вновь возникшие поселения основывались на принципах религиозной свободы, ведь, приехав в Массачусетс, чтобы свободно исповедовать свою веру, пуритане не стремились лишать приверженцев другой веры этой привилегии.

Это не сулило ничего хорошего Роджеру Уильямсу, пуританину, который прибыл в Бостон в 1631 г. Он разошелся с тамошними лидерами, так как был настроен более радикально, чем они, и, не желая иметь ничего общего с англиканской церковью, стал сепаратистом. Действительно, логика подсказывала Роджеру Уильямсу, что так сложно отстаивать истинную веру и обращать в нее других, нет смысла добиваться официального признания своей веры.

Он тем не менее начал бороться за абсолютную свободу вероисповедания, как единственно возможный способ сосуществования людей.

1. Лишь две английские колонии — Массачусетс и Коннектикут получили индейские названия.

Этого самого по себе было достаточно, но еще опасней были взгляды Уильямса на права владения землей. Уильямс утверждал, что Америка не является собственностью короля Англии и он не может даровать ее земли переселенцам. Единственной возможностью для европейца владеть землей в Америке была, по мнению Уильямса, покупка этой земли у индейцев.

Для влиятельных людей Массачусетса это было слишком. 9 октября 1635 г. решено было изгнать Уильямса. Ему разрешили провести в Массачусетсе зиму, после чего он отправился на юг и в конце концов достиг Наррагансетского залива сорока милями южнее Бостона, купил землю у индейцев, и в июне 1636 г. основал колонию Провиденс (Провидение).

Колония разрасталась, включая в себя берега залива Наррагансета и близлежащие острова. Самый большой из них был открыт Веррацано сто двадцать пять лет назад. Он напомнил ему остров Родос в Средиземноморье и поэтому был назван Род-Айленд (остров Родос). Колонию Уильямса стали называть “Род-Айленд и Провиденс”¹.

В соответствии с принципами Уильямса, в Род-Айленде исповедовалась полная религиозная терпимость (даже по отношению к евреям), хотя, в отличие от Мэриленда, здесь веротерпимость не была узаконена правительственным актом, так как у Уильямса не было никакой грамоты на управление землей. Тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы Род-Айленд был предан анафеме другими колониями Новой Ан-

1. Это по сей день является официальным названием штата, хотя обычно его называют просто Род-Айленд, так что самый маленький штат США имеет самое длинное название.

глии, которые не хотели иметь ничего общего с этим рассадником радикализма.

Другим религиозным бунтовщиком стала Энн Хатчинсон, которая прибыла в Бостон в 1634 г., и стала первой выдающейся женщиной в истории Америки. Она была носителем идей своего рода женского либерализма, так как исповедовала веру, отрицающую власть церкви. Она собрала вокруг себя женскую общину и упорно проповедовала религиозную демократию, когда любой мужчина и любая женщина могут молиться Богу так, как сами желают. В конце концов 8 ноября 1637 г. она также была изгнана. Она нашла приют в Род-Айленде на какое-то время, а затем переехала на территорию современного округа Вестчестер в Нью-Йорке. В 1643 г. она погибла во время нападения индейцев.

Стычки с индейцами, разумеется, были неизбежны, ведь постоянно прибывающие поселенцы занимали все больше и больше земель, относясь с полным пренебрежением к их хозяевам. Роджер Уильямс был из числа немногих идеалистов, которые обращались с индейцами честно, будто они имели все те права, что и европейцы. Индейцы платили Уильямсу таким же уважением.

Но далеко не все были подобны Роджеру Уильямсу. В 1637 г. некий высокомерный белый торговец вызвал ненависть племени пекотов, жившего в Коннектикуте, и в результате один из представителей этого племени убил его. Это началось войну, войну, развивавшуюся по обычному сценарию.

Группа индейцев напала на молодой город Уэзерсфилд и сожгла его, убив нескольких поселенцев, и это было только начало. Затем последовало стремительное контрнаступление. 26 мая

1637 г. группа вооруженных поселенцев загнала шестьсот пекотских мужчин, женщин и детей в укрепленную деревню на берегу Мистик-ривер в юго-восточном Коннектикуте и подожгла. Сила индейцев, по крайней мере в Коннектикуте, была сломлена.

Пекотская война, несмотря на то, что она кончилась победой переселенцев, сделала жизнь колонистов небезопасной. В 1643 г. Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Нью-Хейвэн объединились в “Новоанглийскую конфедерацию”, представлявшую собой союз для борьбы против индейцев и для урегулирования пограничных споров между собой. (Радикально настроенный Род-Айленд в расчет не принимался.)

Этот союз, который просуществовал целый век, стал первой попыткой разрозненных колоний объединиться для решения общих проблем.

Однако в 1640-х гг. наплыв в американские колонии Англии стал уменьшаться. Главной причиной тут были, по-видимому, трудности, которые переживала тогда сама Англия.

Пуритане, постепенно набиравшие силу на промышленном и многонаселенном Юго-Востоке Англии, приобретали влияние и в парламенте, где вели себя чрезвычайно враждебно по отношению к Карлу I. Карл I ответил враждебностью на враждебность, и с 1629 по 1640 г. он вообще отказывался созывать парламент. Однако вскоре Карл понял, что без парламента ему трудно собирать налоги.

Он бросался во всякого рода сомнительные кампании, которые приводили только к падению его популярности у народа. Затем в 1639 г. против короля восстали шотландцы. Карл так нуждался в деньгах, что вынужден был вновь созвать парламент, а парламент попытался использовать

свои финансовые полномочия, чтобы заставить Карла пойти на уступки, и вскоре конфликт окончательно вышел из-под контроля.

К 1642 г. в стране уже шла настоящая гражданская война, причем король и парламент сражались друг против друга во главе вооруженных армий. Сквайр-пуританин Оливер Кромвель, поддерживавший парламент, доказал, что является на редкость одаренным генералом. К 1645 г. стало ясно, что король потерпел поражение, и 30 января 1649 г. он был обезглавлен. Англия осталась без короля на долгих одиннадцать лет, к неопишному ужасу всей остальной Европы.

Английская гражданская война сыграла очень важную роль в развитии колоний. В то время как Англия была поглощена своими междоусобицами, колонии оказались предоставлены сами себе. Даже Виргиния, королевской колонии, было разрешено на какое-то время самой выбирать губернатора. Эта привычка к самоуправлению не могла быть затем просто уничтожена, а, напротив, стала еще одним шагом к свободе.

Пуритане Новой Англии, конечно, были всей душой с пуританским парламентом, Виргиния же, напротив, сочувствовала королю, и после 1649 г. многие из тех, кто поддерживал Карла, эмигрировали в эту колонию.

Вражда между двумя регионами англо-американского побережья, казалось, была отражением английской гражданской войны. Новоанглийская конфедерация на какое-то время разорвала все торговые связи с Виргинией, а находись эти два региона ближе друг к другу, между ними могла бы даже вспыхнуть война. События 1640-х г. показали огромные различия между Севером и Югом, которым суждено было в конце концов привес-

ти к кризису. Север выступал против Юга, парламент против короля, пуритане против англикан, простолюдины против аристократии.

Но пока, — по крайней мере, в 1640 г., — обеим сторонам оставалось лишь испытывать взаимную ненависть, ведь их разделяла обширная часть побережья, принадлежавшая не англичанам, а голландцам.

Новые Нидерланды

В процессе великой гражданской войны против Испании Голландия обзавелась мощным флотом и развернула торговые и коммерческие предприятия по всему миру. Голландия была для своих размеров богатейшей державой в мире, и было очевидно, что она обладает огромной силой.

По мере того как увеличивалась мощь голландцев, они вступали в борьбу с Испанией и на море. Португальские владения в Юго-Восточной Азии были особенно уязвимы, ведь с тех пор, как Португалия подпала под власть Испании, ее империя распалась.

В 1602 г. группа купцов основала “Ост-Индскую компанию”, чтобы развивать торговлю со странами Востока и завладеть частью португальской территории. Постепенно они обосновались на самых больших островах Юго-Восточной Азии.

Эти острова впоследствии стали называться Голландской Ост-Индией (а после Второй мировой войны они добились независимости и теперь называются Индонезией). Уже к 1619 г. голландцы основали на острове Ява город, названный Батавия (латинское название региона Европы, где располагаются Нидерланды). Батавия теперь переименована в Джакарту и является столицей Индонезии. Голландцы также отобрали у португальцев остров Цейлон и закрепились в Южной Африке, ставшей вотчиной португальцев еще за сто пятьдесят лет до этого, во времена Диаша.

Все это весьма способствовало процветанию голландских купцов.

В 1609 г. обессиленная Испания все-таки согласилась на временное перемирие с Нидерландами (она не признавала независимости этой территории еще в течение сорока лет), и мощь голландцев еще больше возросла. И поскольку дела на Востоке шли у них очень хорошо, их амбиции обратились на Запад.

Как все-таки обстоит дело с северо-западным проходом между Атлантическим и Тихим океанами, который искали так долго и тщетно? Фробишер и Девис потерпели неудачу четверть века назад, но был еще один английский мореплаватель, в первом десятилетии XVII в. плававший по арктическим морям в поисках новых путей. Этим мореплавателем был Генри Гудзон, который, находясь на службе у созданной английскими купцами "Московской компании", в 1607 г. обследовал водные пространства Арктики. Гудзон прошел до Шпицбергена и дальше и открыл остров, который носит ныне название Ян-Майен, на полпути между Шпицбергом и Исландией.

КАРТА II

Европейские колонии около 1650 г.

В 1608 г. Гудзон был нанят голландцами для дальнейших морских экспедиций. 6 апреля 1609 г. он вышел в плавание на корабле “Хаф Мун”. Сначала он снова направился на северо-восток, прошел Шпицберген, но недовольство команды вынудило его повернуть к западу.

Гудзон совершил свое путешествие через Атлантику к Северной Америке в период, когда английские поселения на побережье еще только-только возникали, а судьба Джемстауна висела на волоске.

Гудзон плывал вверх и вниз вдоль американского побережья, исследуя залив Делавэр, это было за год до того, как его впервые увидели англичане. Затем 3 сентября 1609 г. его корабль вошел в бухту Нью-Йорка. Другие путешественники уже побывали там до него, в частности Веррацано; но Гудзон, вопреки всему, продолжал надеяться, что это было начало северо-западного прохода. Он был первым, кто вошел в широкую реку, впадающую в бухту, и 12 сентября двинулся вверх по течению.

Он прошел сто пятьдесят миль по реке, до тех пор, пока постепенно уменьшающаяся глубина не убедила его в том, что это была действительно река, а не пролив, и, разочарованный, повернул обратно.

В дальнейшем голландцы назвали эту реку Северной, а ту, что впадала в залив Делавэр южнее, Южной. Эта последняя позднее получила название реки Делавэр, а первая — по справедливости — Гудзон.

Возвращаясь в Голландию с отчетом, Гудзон был задержан в Англии, и ему не разрешили больше работать на голландцев. В 1610 г. он предпринял еще одно плавание в северные воды, на этот раз оплаченное Англией. В июне этого года он

проплыл южнее острова Баффинова Земля, через узкий морской пролив между ним и материком, этот пролив теперь известен под названием Гудзонова. 3 августа он вошел в огромный залив, глубоко врезающийся в Североамериканский континент, который в наши дни так и называется — Гудзонов залив.

Ему представлялось вполне вероятным, что он наконец обогнул континент и теперь перед ним открывается прямой путь в Индию. В заливе он провел три месяца, исследуя его восточный берег, и в ноябре достиг самой южной части, где от обширного Гудзонова залива отходит еще один — узкая вытянутая бухта, получившая название залив Джемс в честь английского короля Якова I.

Там из-за наступившей зимы Гудзону пришлось задержаться на шесть тоскливых месяцев. Когда начался ледоход, в июне 1611 г. он хотел было продолжить изучение залива — теперь его западного берега, но его команда восстала. Гудзон с сыном и семью преданными членами команды был брошен на произвол судьбы, и, по-видимому, все они умерли от холода и голода, а тем из мятежников, кто пережил нападение эскимосов, все же удалось найти дорогу назад в Англию.

Голландцы продолжали свои путешествия на Запад и без Гудзона. Самых впечатляющих успехов они добились в Южной Америке, где, по истечении срока перемирия с Испанией, захватывали земли, ранее принадлежавшие Португалии. В 1623 г. они захватили город Пернамбуку в самой восточной оконечности Бразилии и вскоре распространили свои владения на значительную часть Северной Бразилии, так что какое-то время казалось, что в Южной Америке

вот-вот возникнет мощный голландский доминион. Однако в 1640 г., после шестидесяти лет подчинения Испании, Португалия вновь обрела независимость, и ситуация изменилась. Начавшиеся с 1645 г. восстания португальских колонистов завершились изгнанием голландцев из Бразилии.

Более успешными для голландцев оказались завоевания небольших островов Карибского моря. Так, острова Сен-Мартен и Саба, к востоку от Пуэрто-Рико, Курасао у северной оконечности Южноамериканского континента остаются голландскими до сегодняшнего дня¹.

Голландцы не забывали и о кусочке североамериканского побережья между Северной и Южной реками. В 1614 г. Адриан Блок направился к западу от реки Гудзон. Он проплыл вокруг Манхэттена и Лонг-Айленда, доказав, что оба они являются островами, обследовал побережье Коннектикута, открыв реку Коннектикут и войдя в нее. В этом же году Корнелис Мей исследовал берега южнее реки Гудзон, и мыс Кейп-Мей, южная оконечность современного Нью-Джерси, назван в честь него.

Также в 1614 г. голландцы основали форт, высоко по течению Гудзона, в крайней точке, которой достиг в свое время сам Гудзон, и использовали этот форт для торговли мехами с индейцами. Сначала они называли его Форт-Нассау, в честь своего правителя Морица Оранского,

1. Франция и Англия также захватывали острова в этом регионе. Так, у Франции были опорные пункты в западной части Эспаньолы, старейшей испанской колонии, в то время как Англия завладела Бермудами, Багамами, Барбадосом и Ямайкой, которые в дальнейшем представляли для нее большую ценность, чем колонии на материке. Население там в 1630 г. было больше, чем в Виргинии.

графа Нассау, а затем Форт-Орандж, в честь правящей династии Нидерландов. В 1624 г. было основано небольшое поселение на острове в устье реки Гудзон, оно получило название Манхэттен — от индейского племени, жившего на этой территории.

К тому моменту голландские купцы уже учредили “Вест-Индскую компанию” (3 июня 1621 г.), чтобы деятельность по основанию колоний на Западе стала более эффективной, а тот регион, что впоследствии стал называться Новыми Нидерландами, превратился в источник дохода. Для этих целей и нужен был мощный опорный пункт в устье Гудзона.

Компания назначила Петра Минёйта генерал-губернатором Новых Нидерландов и отправила в Америку для сооружения этого опорного пункта. 6 мая 1626 г. он высадился на Манхэттене и совершил сделку, которая окажется одной из самых поразительных в истории. Он купил остров Манхэттен у индейцев за сумму, не превышающую шестидесяти гульденов, что в переводе на американские деньги составляет 24 доллара.

Поселение на южной оконечности острова, состоявшее к тому времени уже из трехсот человек, было названо Новым Амстердамом в честь самого большого города Голландии.

К этому времени английская колония в Виргинии разрослась, и англичане начали селиться на берегах Новой Англии. Голландцы чувствовали, что их колонию окружили с севера и с юга, и жаждали укрепить и расширить ее за счет переселенцев. А за недостатком голландцев, стремящихся отправиться за море, Нидерланды поощряли эмиграцию из других стран Европы. Иезуитский священник, посетивший Новый Амстердам в 1643 г., рассказывал, что насчитал на его улицах

восемнадцать языков. Так что многонациональность этого города была предопределена еще в те времена.

Голландцы принимали все меры для привлечения иммигрантов. 7 июня 1629 г. они учредили систему патронажа. Люди, которые привозили с собой более пятидесяти переселенцев, получали в награду большие участки земли вдоль берегов Гудзона, шестнадцать миль по одному берегу или по восемь на двух берегах. Этим людям называли “патронами”, и им давались почти не ограниченные права владения землей. Эта полуфеодальная система способствовала стремительному проникновению европейцев на прилегающие к Гудзону земли, но и сохраняла в Новых Нидерландах замкнутую олигархическую прослойку.

Основателем этой системы был Килиен Ван Ренселер, торговец бриллиантами из Амстердама, и один из акционеров голландской “Вест-Индской компании”. И хотя сам он не приехал в Новые Нидерланды, туда в 1630 г. прибыли его сыновья. У них были огромные владения в верховьях Гудзона, поэтому даже теперь округ на восточном берегу реки, напротив Олбани, называется Ренселер.

Колония расширялась. Голландский иммигрант Йонас Бронк поселился в северной части Манхэттена, и мы по-прежнему называем это место Бронксом. Какой-то голландский “йонкер” (более известен немецкий вариант “юнкер”) поселился еще севернее, в месте, называемом Йонкерс.

Далее был заселен Стейтен-Айленд (название этого острова восходит к Генеральным штатам, законодательному органу Нидерландов).

Название Лонг-Айленд — очевидно (“длинный остров”), а такие районы, как Бруклин и Гарлем, были названы в честь голландских городов. Голландцы расселялись также вдоль побережья Коннектикута и Нью-Джерси. В 1633 г. они основали форт Доброй Надежды на месте современного Хартфорда, до того как туда прибыли поселенцы из Новой Англии. В дальнейшем, когда англичане утвердились вдоль берегов реки Коннектикут и в Нью-Хейвене, голландцы яростно сопротивлялись, считая это вторжением на их территорию.

В течение всего этого времени голландцы вынуждены были иметь дело и с индейцами. Петер Минейт и Ренселеры обходились с индейцами честно, так же как и Воутер Ван Твиллер, племянник Ван Ренселера, ставший губернатором Новых Нидерландов в 1633 г. При них с индейцами проблем не возникало.

Но затем в 1637 г. губернатором стал Вилем Кифт, твердо убежденный, что иметь дело с индейцами, посто бессмысленно и что убийство нескольких индейцев возымеет положительное действие на остальных. Поэтому он убил нескольких и сразу получил в ответ индейскую войну.

Кифт вынужден был построить заграждения из частокола вокруг южной оконечности Манхэттена (отсюда название Уолл-стрит), чтобы защитить Новый Амстердам. В 1644 г. произошло несколько сражений в Вестчестере, в одном из которых и была убита Энн Хатчинсон, и от жестокого поражения голландцев спасло лишь чудо.

Разумеется, колонисты попытались избавиться от некомпетентного Кифта, и в 1643 г. Новые Нидерланды получили нового губернато-

ра, Петера Стуйвесанта. Без сомнения, он был самым одаренным человеком за всю историю голландской Америки. Он был ранен в 1644 году, во время битвы в Карибском заливе, в результате чего ему ампутировали ногу, и он ходил с деревянным протезом, который украшал серебряной тесьмой.

Стуйвесант отнюдь не был мягким человеком и правил жестко, но действенно. Хозяйство ему досталось непростое. С востока на его территорию постоянно вторгались английские поселенцы из Новой Англии, а на юге неожиданно активизировались немногочисленные колонисты из Швеции, страны, о которой меньше всего упоминают, говоря о заселении американского побережья.

Новая Швеция

Швеция почти не фигурировала в истории Европы вплоть до эпохи открытия Америки. На протяжении всего средневековья она находилась под властью Дании, но в 1523 г. добилась независимости под предводительством Густава Вазы, который стал шведским королем Густавом I. Затем она расширила свои владения на весь Балтийский регион и достигла наивысшей точки своего могущества в эпоху воинственного Густава II Адольфа.

В 1630 г. Густав Адольф вступил в разорительную Тридцатилетнюю войну, которая сотря-

сала Германию, и в течение следующих двух лет одержал ряд блистательных побед, вознесших Швецию до статуса великой державы, роль которой она играла в течение столетия. Неудивительно, что Густав Адольф, желая поставить Швецию наравне со старейшими и могущественнейшими державами Европы, строил планы колонизации восточного побережья Америки. Особенно его вдохновляло то обстоятельство, что Голландия уже лишилась владений голландской “Вест-Индской компании” (как она полагала — несправедливо).

Густав Адольф погиб в сражении в 1632 г., но Швеция продолжала действовать. “Новая Шведская компания” была основана в 1637 г., чтобы добиться для Швеции того же, что голландская “Вест-Индская компания” сделала для Нидерландов. Петер Минёйт, тот самый, который купил Манхэттен, был инициатором этой идеи. И в 1638 г., когда первая группа шведских переселенцев отправилась в Америку, во главе их стоял Минёйт.

Экспедиция задержалась в Джемстауне на десять дней, а затем поплыла на север, в бухту Делавэр, и 29 марта 1638 г. было основано поселение недалеко от того места, где сейчас находится город Уилмингтон. Назвали его Форт-Кристина, в честь дочери Густава Адольфа Кристины Августы, которая стала королевой после смерти своего отца.

Шведские поселенцы продвинулись вверх по Делавэру, в район нынешней Филадельфии, где и основали свою столицу. Однако далее вверх по течению жили враждебно настроенные голландцы, которые считали Делавэр своей территорией. Так называемая Новая Швеция сохраняла мир с индейцами, и во главе с Йоханом Бьерн-

соном Принтцем, огромным толстяком, ранее воевавшим под началом Густава Адольфа, колония процветала, но никогда не достигала больших размеров. Сотни две шведов и финнов составляли ее ядро. И ее население никогда не превышало этого числа.

Шведы принесли в Америку изобретение, которое вскоре стала неотъемлемой частью американских легенд о первых поселенцах. Это бревенчатый домик, типичный для севера Скандинавии, который простотой конструкции и способностью сохранять тепло во время суровой зимы превосходил все другие типы построек. В частности, английские каркасные дома, строившиеся поселенцами в Новой Англии. Такие бревенчатые домики постепенно завоевали все пространство вдоль североамериканской границы.

Новая Франция

В стремлении колонизировать Америку не отставала от других и Франция. Как только Генрих IV стал королем, а религиозные гражданские войны закончились, Франция вернулась в Америку, в те места, где остановился Картье, исследовавший реку Святого Лаврентия.

Французы поддерживали контакты с этим регионом из-за торговли мехами. Бобровый мех, которым была богата Канада, стал очень популярным в шляпном деле, и меховая торговля, требовавшая, правда, какой-то территориальной

базы, стала более доходной, нежели прибрежное рыболовство. Генриха IV между тем уговорили попробовать закрепить французскую власть на этой земле. Для этой цели он снарядил экспедицию во главе с Самюэлем де Шамплейном, королевским географом, с приказанием исследовать эту местность. Шамплейн не был новичком в своем деле. Он сражался на стороне Генриха IV, когда тот боролся за власть, а затем на службе у Испании накопил огромный и ценный опыт хождения по морям и жизни в колониях (в Новой Испании).

Он уже совершил два путешествия в Америку, в 1603 г. проплыл по реке Святого Лаврентия. Затем в 1604 г. исследовал побережье Новой Англии, еще до того, как оно получило это название. На полуострове, расположенном дальше к северу, который французы называли Акади (Акадия) от индейского слова, обозначающего "богатый", он участвовал в основании поселения Порт-Ройал.

В 1608 г. на деньги Франции он совершил свое третье путешествие в Канаду. Он снова проплыл вверх по реке Святого Лаврентия и 3 июля 1608 г. основал поселение в четырехстах милях вверх по течению, в месте, где река сужалась и обрывистый берег помогал обороняться в случае необходимости. Это был город Квебек, основанный на год позже Джемстауна.

Вначале Квебек пережил немало трудностей. Суровые северные холода сковали его, и из двадцати восьми поселенцев в живых к приходу весны осталось всего восемь. Тем не менее Квебек выжил и стал центром так называемой Новой Франции.

Французы в своей торговле пушниной зависели от местных индейцев, принадлежавших к племенам гуронов и алгонкинов. Эти племена находились в состоянии войны с ирокезами,

конфедерацией индейских племен, которая владела землей современного штата Нью-Йорк. Ирокезы основали свою конфедерацию приблизительно в 1570 г., одним из ее предводителей был полупоупендарный индеец-могавк Гайавата. Это объединение до известной степени примирило пять сражавшихся ранее племен. В результате Ирокезская лига стала самым сильным объединением индейцев на всей территории побережья, колонизированного европейцами.

Ирокезы оказались, возможно, самыми знаменитыми индейскими воинами в Америке. Количество воинов в этом племени никогда не превышало двух тысяч трехсот человек, но все они были самоотверженно смелы и поразительно стойки к мучениям и пыткам. Им удалось поднять тактику совместных неожиданных атак на противника на уровень искусства. Они завоевывали соседние индейские племена и господствовали на всей территории Северо-Восточных Соединенных Штатов.

Шамплейн ничего об этом не знал. Он был просто заинтересован в освоении более южных областей и желал помочь индейцам, от которых зависел успех торговли мехами. Двигаясь на юг от реки Святого Лаврентия, в июле 1609 г. он обнаружил огромное озеро, которое теперь называется его именем. На южном берегу этого озера 30 июля индейцы алгонкины, которых поддерживал Шамплейн, победили отряд ирокезов.

В бою индейцы использовали томагавки и стрелы. Успех начал склоняться на сторону ирокезов, поэтому Шамплейн и его люди вмешались и с помощью своих мушкетов одержали над ними верх. Потрясенные новым оружием, которое грохотало и таинственным образом убивало, ирокезы разбежались.

То вмешательство было, возможно, самым важным событием в жизни Шамплейна. Ирокезы, униженные собственным бегством, никогда ему этого не забыли и никогда не простили. С этого дня племена Ирокезской лиги в целом были неизменно враждебны к французам и стали союзниками сначала голландцев, а затем англичан.

От голландцев эти племена получили огнестрельное оружие и к 1640 г. стали первыми из всех индейцев, использовавшими его в военном деле. Несколько раз мстительные ирокезы ставили Новую Францию на грань вымирания. Не исключено, что без ирокезов ни голландцы, ни англичане не смогли бы выстоять против французов в этом жестоком споре. Если бы французам удалось вбить клин между Новой Англией и Виргинией — двумя английскими ареалами, последующая история Северной Америки могла бы пойти по совершенно иному пути.

Съездив во Францию за новыми поселенцами, Шамплейн в 1610 г. вернулся в Америку в четвертый раз и в 1611 г. основал поселение ста пятьюдесятью милями выше Квебека по течению. Он назвал это место Плас-Рояль, и оно стало ядром будущего Монреаля. В 1613 г. он двинулся к западу и к 1615 г. достиг залива Джорджиан-Бей в северной части озера Гурон. Он стал первым европейцем, достигшим Великих озер.

А между тем во Франции в 1610 г. Генрих IV был вероломно убит, за чем последовали четырнадцать лет относительного ослабления государства под властью его юного сына Людовика XIII. Поэтому хотя Шамплейн и укрепил в 1620 г. Квебек, он оставался совсем небольшим поселением и в 1629 году не смог отбить предпринятую англичанами атаку с моря. Шамплейн, к тому вре-

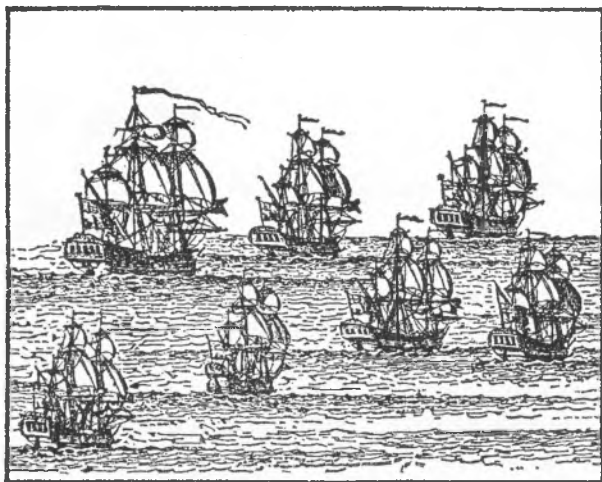
мени уже губернатор Новой Франции, был вынужден капитулировать и три года провел в плену. Англичане захватили также французские поселения в Акадии. Однако Квебек и Акадия были возвращены французам в 1632 г.

В 1624 г. Людовик XIII назначил первым министром кардинала Ришелье. Под его жестким управлением Франция быстро ожила. В 1627 г. он основал компанию по возрождению колонизации Канады. Он добился у Англии возвращения французских земель, и с тех пор Новая Франция становилась год от году сильнее. Река, соединяющая озеро Шамплейна с рекой Святого Лаврентия, была названа рекой Ришелье в его честь.

Число французских поселенцев оставалось небольшим для достаточно большой территории, контролируемой Францией. Причин на это было немало: во-первых, суровый климат, во-вторых, заинтересованность французского государства в торговле мехами, а отнюдь не в создании новой родины для переселенцев. Страхуя прибыльную торговлю, французское правительство, абсолютистски самодержавное во Франции, распространило деспотический контроль и на переселенцев, чем сделало Канаду не самым привлекательным местом для тех, кто желал скрыться от тягот жизни во Франции.

Более всего в приюте за морем были заинтересованы гугеноты, французские протестанты, подвергавшиеся во Франции притеснениям как религиозное меньшинство. Французское правительство между тем настаивало на сохранении католической веры в Новой Франции и не позволяло гугенотам селиться на французских землях в Америке. Гугеноты тем не менее эмигрировали в английские колонии, где их охотно принимали и где они способствовали

формированию антифранцузской оппозиции. А тем временем в самой Европе Франция готовилась нанести последний сокрушительный удар Испании.

АНГЛИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

Конец Новых Нидерландов

К 1605 г. вдоль восточного побережья Северной Америки расположились колонии пяти наций, причем принадлежность к той или иной из них отражалась в названиях. Вдоль реки Святого Лаврентия располагалась Новая Франция; центром Новой Англии был Массачусетс; Новые Нидерланды тянулись вдоль реки Гудзон; Новая Швеция — вдоль реки Делауэр; Мэриленд и Виргиния (английские) — вдоль рек Потомак и Джемс; и Новая Испания занимала Флориду и более южные территории.

Это, конечно, не было дружественным соглашением. Испания претендовала на все земли, возникали неожиданные стычки между голландцами и англичанами в Коннектикуте, между французами и англичанами в Канаде и т. д. Однако до поры до времени свободного пространства было достаточно, и это удерживало поселенцев от серьезных военных действий.

Пространство тем не менее сокращалось. Уже к середине XVII в. желание какой-либо из групп поселенцев расширить свои владения стало вызывать противодействие, в течение следу-

ющих ста лет между нациями шло все усиливавшееся соревнование с целью определить, какая из них унаследует Североамериканский континент¹.

Новые Нидерланды первыми почувствовали сложности. Под руководством сурового Петера Стуйвесанта они процветали, при этом национальный состав их становился все более и более пестрым. В 1654 г. прибыла первая группа евреев: двадцать три человека — мужчины, женщины и дети из Бразилии, бежавшие в связи с изгнанием оттуда веротерпимых голландцев и восстановлением власти бескомпромиссных католиков-португальцев. Затем в 1655 г. прибыли темнокожие рабы, и институт рабства был впервые закреплен в северной части страны, ставшей впоследствии Соединенными Штатами Америки.

В то же время расширялась и Новая Англия, быть может, даже более энергично. В Коннектикуте с каждым годом усиливалось английское влияние, и хотя голландцы были там первыми поселенцами, им приходилось смириться с реальностью. 29 сентября 1650 г. Стуйвесант подписал договор в Хартфорде, установивший теперешнюю западную границу Коннектикута и отдавший ему восточную половину Лонг-Айленда. Хартфордский договор был унижителен для Стуйвесанта, и он стремился любой ценой взять реванш.

Поэтому он с неприязнью смотрел на шведские поселения на реке Делавэр. Чем больше шве-

1. Возможно, определяющим фактором в этом споре стало в конечном итоге то, что население английских колоний составляло примерно пятьдесят две тысячи человек, превосходя население французских, голландских и шведских колоний, вместе взятых, по меньшей мере в пять раз. Соотношение не изменилось бы, даже если прибавить к ним население испанских колоний во Флориде.

ды процветали под руководством Принтца, тем сильнее это злило Стуйвесанта. В 1651 г. он отправил двести человек в залив Делавэр и основал Форт-Казимир примерно в шести милях к югу от Форт-Кристины. С этого момента шведы поняли, что живут под дамокловым мечом и что этот меч опустится, как только того пожелает Стуйвесант.

Принтц тщетно пытался убедить новых поселенцев переехать в Америку, но в итоге прекратил эту совершенно безнадежную борьбу и в 1653 г. покинул колонию. В следующем году шведы в отчаянии атаковали Форт-Казимир и взяли его. Стуйвесант, придя в ярость, отправил семь кораблей с шестьюстами людьми на борту (в два раза больше, чем все население Новой Швеции) вверх по реке Делавэр, опустив тем самым меч на шею шведских колонистов. Новая Швеция была вынуждена сдаться, и ее существование прекратилось 26 сентября 1655 г. Новые Нидерланды теперь простирались от Гудзона до Делавэра и были на пике своей силы.

Однако приближался и их конец, а причиной тому послужили события, происходившие в Европе.

После казни Карла I Великобритания мало-помалу подчинилась суровому, но умелому правлению Оливера Кромвеля. Одной из целей Кромвеля было возвращение нации того могущества на море, которым она обладала при Елизавете I. Препятствием к этому оказались голландцы, контролировавшие теперь почти всю морскую торговлю в мире. 9 октября 1651 г. Кромвель провел через парламент "Навигационный акт". По этому новому закону все товары, попадавшие в Англию по морю, должны были ввозиться на английских кораблях (с английскими владельцами, капитанами и экипажем) или на кораблях стра-

ны — производителя этих товаров. Таким образом вытеснялись голландские посредники, покупавшие товары в одной стране и доставлявшие их в другую, взимая соответствующую мзду за услуги.

Естественно, то, что касалось самой Англии, касалось и ее колоний, а это значило, что поселенцы в Америке обязаны были использовать английские корабли, хотя более многочисленные голландские корабли с более профессиональными капитанами обошлись бы дешевле. Что задумывалось во благо Англии, наносило вред экономике колоний, но это нимало не беспокоило английское правительство. В то время считалось само собой разумеющимся, что колонии создавались и поддерживались исключительно в интересах метрополии.

Колонистам не оставалось ничего иного, кроме как игнорировать “Навигационный акт”, и они продолжали торговать, как им было выгодно, и использовать для этого те корабли, которые они сами выбирали. Так началась долгая история контрабандной торговли в английских колониях, стремившихся избежать ограничений, наложенных на них родиной.

Англичане, в свою очередь, обнаружили, что у них практически нет средств для борьбы с контрабандой. Они были слишком далеко. В те дни три тысячи морских миль были серьезным препятствием. Путешествие туда и обратно занимало три месяца.

Причиной провала “Навигационного акта” в колониях Англия сочла большое количество содержащихся в нем лазеек. Поэтому акт продолжали ужесточать даже после Кромвелля. В 1660 г. было отдано распоряжение, чтобы все корабли, торговавшие с Англией, строились либо в Анг-

лии, либо в колониях. В 1663 г. было приказано, чтобы любые корабли других стран, везущие товары из этой страны в колонии, останавливались сначала в Англии, что давало ей посреднические выгоды за счет более высоких цен в колониях. Более того, количество товаров, включенных в “Навигационный акт” постоянно увеличивалось, и колониям приходилось продавать такой товар, как сахар, табак, рис, черная патока, мех и т. д., только Англии (а поэтому по тем ценам, которые английские купцы соглашались платить).

При этом каждое новое ограничение подстегивало контрабандную деятельность колонистов. Англия так и не поняла, что эксплуатация колоний, отстоящих от нее на три тысячи миль, не была эффективной и намного выгодней было разрешить им развиваться свободно. То, что Англия не усвоила этого урока, обошлось ей в итоге весьма дорого.

Но если колонистам оставалось лишь нарушать закон, голландцы, также страдавшие от него, имели возможность начать активные действия. В 1652 г. между Англией и Нидерландами завязалась морская война. Она бушевала два года, в течение которых произошло в общей сложности двенадцать морских сражений. Война, не имевшая, правда, решающего значения, закончилась в 1654 г. полным поражением голландцев.

Важным итогом этой войны оказалось то, что она положила конец дружбе между двумя странами, дружбе, длившейся в течение всей голландской революции, когда обе страны противостояли могучей католической Испании. Вражда, пришедшая на смену былой дружбе, конечно, достигла и Америки и еще ухудшила отношения между Новыми Нидерландами и английскими колониями к югу и к северу от них.

В 1658 г. умер Кромвель, и с его смертью возникли перспективы возрождения монархии. В 1660 г. в Великобританию был призван и начал править сосланный сын Карла I Карл II.

С Карлом II вернулись многие изгнанные роялисты, чья собственность была конфискована в годы правления Кромвеля. Естественно, они хотели ее вернуть и получить дополнительное вознаграждение за свою лояльность.

Пойти на это Карл II не мог. Он был вполне разумным человеком и понимал, что попытка отнять землю у людей, которые владели ею десятилетие и больше, просто-напросто приведет к новой гражданской войне и новому изгнанию короля. Поэтому он выделил своим верным сторонникам земли в Америке — это он мог сделать с легкостью.

Карл II не испытывал никаких теплых чувств по отношению к голландцам, которые плохо обходились с ним во время его изгнания, а новая война с ними назревала так и так. В результате одним из его первых действий была передача Новых Нидерландов (которые ему, конечно, не принадлежали) человеку, по его мнению, того заслуживавшему. Этим человеком был его брат Яков, герцог Йоркский и Олбани.

Это представлялось хорошим политическим ходом. Если бы англичанам удалось овладеть Новыми Нидерландами, все побережье от Массачусетса до Виргинии полностью перешло бы к ним в руки. Более того, англичане сами смогли бы воспользоваться выгодами, которые голландцы получали от торговли мехом, и, возможно, если бы голландцы исчезли с американской сцены, “Навигационный акт” работал бы эффективнее.

И вот герцог Йоркский снарядил флот из четырех кораблей. Под предводительством одно-

го из его соратников, Ричарда Николса, они переплыли Атлантику, 29 августа 1664 г. вошли в порт Нового Амстердама и потребовали, чтобы он сдался.

Старого Петера Стуйвесанта застали врасплох. Его заставили поверить, что корабли направляются в Новую Англию, где колонисты-пуритане выказывали упорное нежелание признать власть Карла II.

Столкнувшись с англичанами без всякой подготовки, Стуйвесант, которому уже было за семьдесят, отчаянно пытался мобилизовать силы для сопротивления. Но тщетно. Всего в Новом Амстердаме жила тысяча шестьсот человек, и, возможно, около восьми тысяч во всех Новых Нидерландах. В битве они наверняка были бы побеждены гораздо более многочисленным населением Новой Англии. Кроме того, многие, если не большинство, жители Нового Амстердама не были голландцами и не испытывали особенного патриотического пыла. Они просто отказались сопротивляться.

Новый Амстердам сдался без единого выстрела 7 сентября 1664 г. 20 сентября сдался Форт-Орандж в верховьях Гудзона, а 10 октября после символического сопротивления сдались голландцы, жившие вдоль берегов реки Делавэр.

Все Новые Нидерланды стали английской колонией, и та их часть, которая тянулась вдоль реки Гудзон, была переименована в Нью-Йорк в честь Якова Йоркского. Новый Амстердам стал городом Нью-Йорком, а Форт-Орандж получил название Олбани, в честь другого титула Якова.

Настоящая война с Нидерландами началась на следующий год. По условиям мирного договора, подписанного в Бреде в Нидерландах

21 июля 1667 г., Нидерланды официально отказались от претензий на территорию нынешнего Нью-Йорка. Англия же, в свою очередь, признала права голландцев на современную голландскую Гвиану на Карибском побережье Южной Америки. Это была сделка, в высшей степени невыгодная для Нидерландов, как мы видим теперь, но в то время все выглядело несколько иначе.

Англичане с присущей им прагматичностью не пытались выселять голландцев или изменять их образ жизни. Они разрешили им свободно исповедовать свою веру и говорить на своем языке. Они также сохранили систему, при которой владельцы поместий имели некоторые феодальные привилегии. Они просто вводили английские традиции и поощряли приток английских поселенцев.

На Петера Стуйвесанта, когда он вернулся в Нидерланды, была возложена вся ответственность за потерю колонии. Оскорбленный, он отправился обратно в Нью-Йорк и последние годы своей жизни мирно провел под английским флагом. Он жил на своей ферме Бувери, от которой произошло и название нью-йоркского района.

Стуйвесант умер в 1672 г. и не дожил до возвращения голландцев в Нью-Йорк, когда разразилась новая война с Англией. 30 июля 1673 г. голландский флот неожиданно взял Нью-Йорк, но спустя год с небольшим война завершилась, и 10 ноября 1674 г. голландцы вернули город Англии.

Но не все Новые Нидерланды стали Нью-Йорком. Южную часть голландских владений между рекой Делавэр и морем герцог Йоркский пожаловал двум своим друзьям 24 июня 1664 г., еще до того, как Новые Нидерланды были взяты.

Одним из них был Джордж Картарет. Он родился на острове Джерси в проливе Ла-Манш и, после того как был обезглавлен Карл I, в течение двух лет не сдавал Джерси Кромвелю, но в конце концов вынужден был искать прибежища во Франции. Пока Джерси еще был в его руках, его посетил сын Карла I, будущий Карл II, обещавший ему в награду земли в Америке. Эти земли потом были названы Нью-Джерси. Теперь, пятнадцать лет спустя, обещание было выполнено. Часть этих земель была пожалована Джону, лорду Беркли, в свое время также сражавшемуся на стороне Карла I.

Дары Карла II

Таким образом, уже в начале правления Карла II восточное побережье Северной Америки стало полностью английским от Мэна до Виргинии.

К югу от Виргинии все еще простиралась незаселенная территория приблизительно на пятьсот миль. Колонисты избегали ее, пока Испания была в расцвете своего могущества, но теперь она заметно ослабела. 24 марта 1663 г., когда Новые Нидерланды еще только предстояло завоевывать, Карл II пожаловал эту территорию восьми своим верным придворным (включая Картарета и Беркли, которые должны были получить Нью-Джерси только на будущий год).

Регион был назван Каролиной в честь короля (от латинского “Carolus” — Карл). Любопыт-

но, что за сто лет до этого здесь было основано первое поселение французских гугенотов, которые назвали его почти так же — “Carolana”, в честь своего короля Карла IX.

В 1670 г. группа поселенцев, снаряженная восемью новоявленными владельцами этих земель, прибыла в Каролину и устроила свои фермы вдоль глубокого залива, названного Албермерл в честь генерала Монка, одного из восьмерки. Он играл ключевую роль в реставрации Карла II, в награду за что получил титул герцога Албермерлского.

Эта местность была всего на восемьдесят миль южнее Джемстауна, виргинцы селились там уже пятнадцать лет. Поэтому между Виргинией и Каролиной возникли большие разногласия, длившиеся несколько десятилетий и подобные тем, что до этого имели место между Виргинией и Мэрилендом. (В обоих случаях Виргиния проигрывала, и ее границы в конце концов были установлены по реке Потомак на севере и по 31° северной широты на юге).

Примерно в это же время другая группа поселенцев высадилась в южной части колонии Каролина. Они высадились настолько близко к испанскому доминиону, насколько осмелились: примерно в трехстах тридцати милях юго-западнее залива Албермерл и всего в двухстах пятидесяти милях к северу от Сент-Огастина. Там в апреле 1670 г. они основали Чарльз-Таун (позднее Чарлстон), также получивший свое название в честь Карла II. Лишь в 1683 г. колонисты осмелились поселиться в Порт-Ройале, на сорок миль южнее, где некогда тщетно пытались утвердиться гугеноты, но даже сейчас сильно ослабевшая Испания сумела выгнать их оттуда. Это произошло 17 августа 1686 г.

В течение четверти века поселения в Каролине укреплялись и развивались. Они располагались на севере и на юге, в центральной части Каролины поселений почти не было. На юге находились небольшие хозяйства, выращивавшие табак, на севере — рисовые плантации, а учитывая огромное пустое пространство посередине, довольно быстро стало очевидным, что единое управление всей территорией невозможно. Губернатор оставался в Чарлстоне, а для области, прилегающей к Албермерлу, был учрежден пост его заместителя.

Поводом для основания другой колонии под покровительством Карла II послужило, как и в случае с Мэрилендом и Новой Англией, желание избежать религиозных гонений. Речь идет о секте, возникшей еще во времена Кромвеля.

В те дни пуританский проповедник по имени Джордж Фокс собрал вокруг себя последователей, веривших в столь тесную связь Бога и человека, что она делала лишними таких посредников, как церковь или священники.

Фокс и его ученики были пацифистами и не признавали никакой власти, кроме Божьей. Они не снимали шляп в знак уважения к какому бы то ни было земному властителю и обращались к собеседнику только на “ты”, поскольку использование множественного “вы” тоже было знаком уважения. Всех мужчин они называли только “друг”, а самих себя “обществом друзей”. Но так как Фокс призывал всех “дрожать (quake) пред силой Божьей”, его учеников стали в насмешку звать “квакерами”. Это название привилось и стало общепринятым.

Сегодня квакеры кажутся нам абсолютно безобидной группой, но людям XVII в. они представлялись опасными радикалами, а поскольку

они отвергали церковные обряды и сам институт церкви, даже атеистами. Они повсеместно жестоко преследовались, и триста квакеров были заключены в тюрьму вскоре после восшествия Карла II на престол.

Почти сразу после появления квакерства его последователи стали покидать Англию и уезжать в американские колонии, отчасти в надежде избежать гонений, а отчасти — чтобы обратить других в свою веру. Там они тоже столкнулись с преследованиями, и между 1659 и 1661 гг. четыре квакера были повешены в Бостоне теми, кто полагал, что только им ведома истинная воля Божья.

Тем не менее квакерство распространилось в колониях, и квакеры даже нашли убежище в Нью-Джерси. Беркли и Картарет поделили колонию, причем первый получил западную половину, а второй — восточную. 18 марта 1674 г. Беркли продал свою часть двум квакерам за тысячу фунтов, и в 1675 г., там была основана их первая колония. 1 августа 1676 г. колония была разделена официально: владения квакеров назвали Западным Джерси, а восточную часть, все еще принадлежавшую Картарету, — Восточным Джерси. Обе части управлялись отдельно.

Тем временем квакерство одержало важную победу в 1666 г., когда квакером стал Уильям Пенн. Он был сыном сэра Уильяма Пенна, британского адмирала и богатого человека, боровшегося против Карла I и при Кромвеле воевавшего с голландцами.

Но в 1650-х гг. старший Пенн начал симпатизировать роялистам и стал одним из главных вдохновителей движения за восстановление Карла II на троне. Еще важнее то, что он ссудил Карлу шестнадцать тысяч фунтов. Карл II не забыл этого и распространял свою благодарность с отца

на сына даже после того, как последний совершил глупость, став квакером.

Младший Пенн глубоко сочувствовал стремлению квакеров превратить Нью-Джерси в убежище для единоверцев. После смерти Картарета в 1680 г., Пенн 1 февраля 1681 г. договорился с его наследниками о покупке прав на Восточный Джерси. Но проблема заключалась в том, что Нью-Джерси находился слишком близко к Нью-Йорку, старавшемуся захватить его, как это сделали в свое время Новые Нидерланды. Это сулило сложности в дальнейшем, и Пенн считал, что лучше всего будет, если он найдет девственную территорию, на которой будут жить и управлять которой будут только квакеры.

Он уже обращался к Карлу в 1680 г., чтобы тот разрешил ему колонизировать незаселенную территорию к западу от реки Делавэр. Карл желал сделать дар, который возместил бы его долг семье Пеннов, и 14 марта 1681 г. такое разрешение было дано.

Пенн предложил назвать новую колонию “Сильвания” от латинского слова, обозначающего лесистую местность. Карл II, человек с тонким чувством юмора¹, изменил название на “Пенсильванию”. Пенн, как истинный квакер, боялся показаться тщеславным, называя колонию в свою честь, и отказался. Карл, улыбаясь, настаивал, уверяя, что называет ее в честь своего друга, сэра Уильяма Пенна, который квакером не был. Пенн-младший не посмел отказаться.

1. Рассказывали, что Пенн, получив аудиенцию у короля, пришел на нее в шляпе на квакерский манер. Тогда шляпу снял Карл II. “Зачем ты снял свою шляпу, друг Карл?” — спросил его Пенн. На что Карл ответил: “В этой стране есть обычай — в присутствии короля лишь один человек остается с покрытой головой”.

Пенн подошел к основанию колонии весьма необычным образом. Он опубликовал проект устава новой колонии, где не было места обману. Он скрупулезно описал размеры будущей колонии и перспективы ее развития. Он лично отправился в колонию в 1682 г. и, как некогда Роджер Уильямс, купил землю у индейцев — при этом обошелся с ними, проявив скрупулезную честность. И опять-таки, как у Роджера Уильямса, у него никогда не было сложностей с индейцами, отвечавшими на честность честностью.

Он, собственно говоря, заключил с индейцами договор, который, как и положено квакеру, подкреплял не клятвами, но просто словом. Позднее французский писатель Вольтер отмечал, что из всех договоров, заключенных между американцами и индейцами, договор Пенна был единственным, заключенным без религиозных клятв, и единственным, который не был быстро нарушен англичанами.

К дару, полученному Пенном от Карла II, добавились низовья реки Делавэр, принадлежавшие когда-то Новой Швеции и бывшие некогда частью Новых Нидерландов. Их Пенн 24 августа 1682 г. купил у герцога Йоркского, которому они принадлежали со времени падения Новых Нидерландов.

В низовьях Делавэра, недалеко от того места, где была столица Новой Швеции, Пенн велел заложить новый город в 1681 г., еще до того, как прибыл сам. Он заложил его в форме прямоугольника, при этом все улицы были прямыми и пересекались под прямым углом. Он назвал город “Филадельфией”, во-первых, потому, что название это по-гречески значит “братская любовь”, и, во-вторых, потому, что в Апокалипсисе

(3:8) об ангеле филиладельфийской церкви (Филадельфия — город в Малой Азии) говорится: “Ты не много имеешь силы и сохранил слово Мое, и не отрекся от имени Моего”. Пенн был также первым, кто дал реке на восточной границе колонии название Делавер.

Пенн не пытался установить авторитарное правление, как другие главы колоний, но разрешил с самого начала выборной ассамблее принимать участие в установлении законов. Кроме того, он разработал уголовное законодательство и вел политику религиозной терпимости.

В результате иммигранты стали отовсюду стекаться в колонию. В частности, это были члены немецких сект, близких квакерству, прибывавшие в большом количестве и основавшие город Джермантаун севернее Филадельфии. Это было первое значительное пополнение колонии неанглоязычным населением. (Мы не говорим тут о голландцах и шведах, которые жили в этих краях до прихода англичан.)

Сама Филадельфия процветала, население ее увеличивалось, духовная жизнь развивалась. Книгопечатание в английских колониях за пределами Новой Англии началось именно в Филадельфии около 1690 г.

Сложности в Новой Англии

Падение пуританского правительства в Англии и реставрация английской монархии гро-

зила неприятностями пуританам в Новой Англии.

Карл II не был человеком фанатичным, так что попытки искоренить религию Новой Англии не нашли бы у него одобрения, даже если бы он имел глупость думать, что это возможно. Тем не менее ему представлялось разумным сделать все возможное, чтобы не дать пуританам набрать силу. Одним из способов было разделить регион на отдельные колонии. Взаимная вражда могла ослабить их и сделать игрушками в руках роялистов.

Из этих соображений Карл 23 апреля 1662 г. даровал отдельный устав Коннектикуту, 8 июня 1663 г. — Род-Айленду. Затем, когда Новые Нидерланды стали частью Нью-Йорка, поселение в Нью-Хейвене, до того настаивавшее на самоуправлении, стало опасаться притязаний Нью-Йорка, еще в большой степени голландского по характеру. 5 июня 1665 г. Нью-Хейвен согласился объединиться с Коннектикутом.

Таким образом, Коннектикут и Род-Айленд обрели границы, которые и сохранились в дальнейшем.

Если Массачусетс и расценил потерю самой южной части Новой Англии (на которую он в некоторой степени претендовал) как трагедию, то намного хуже было бы попасть в руки индейцев.

Естественно, что становившиеся все более многочисленными колонисты рассеивались, занимая все большую и большую территорию. Если они при этом вообще имели дело с индейцами, то только для того, чтобы купить землю за пустячные суммы. Индейцам продажа прав на использование земли представлялась своего рода арендой, не ущемляющей их собственных прав. Они пришли в ужас и глубоко затаили оби-

ду, когда поняли, что после сделки лишились своей земли навсегда.

Некоторые колонисты также занимались обращением индейцев в христианство. Их главой был Джон Элиот, который прибыл в Массачусетс в 1637 г. и провел там много лет в качестве миссионера, обращая индейцев, живших на территории современного города Ньютона. Он даже перевел Библию на язык индейцев в 1663 г. — это была первая Библия, напечатанная в Северной Америке.

Деятельность Элиота и других миссионеров была достаточно успешной. На юге Новой Англии было обращено четыре тысячи индейцев. Но все равно большинство индейцев оставалось необращенным и все больше тревожило колонистов набегами, участвовавшими с тех пор, как пуритане (с обычным равнодушием людей, чрезмерно уверенных в своей правоте) стали применять свои собственные религиозные законы даже к необращенным индейцам, штрафуя их за нарушение дня отдыха (воскресенья), чего те не понимали.

Пока был жив Массасоит, сохранялся мир. Он приветствовал первых путешественников, прибывших в Плимут, и прожил еще сорок лет после этого. Он даже привел в Плимут двух своих сыновей, чтобы они могли получить английские имена. Жители Плимута называли старшего сына Александром, а младшего Филиппом — в честь великих воинов Древней Македонии, а отчасти и в насмешку.

Когда в 1661 г. Массасоит умер, ему наследовал Александр, которого заставили прибыть в Плимут и поклясться в верности на унижительных для него условиях. Он правил недолго, и его место занял его брат Филипп (“король Филипп”,

как его в насмешку называли поселенцы). Филипп, часто получая оскорбления, которые он и его индейцы вынуждены были терпеть, замыслил месть. Медлить было нельзя, ведь в Новой Англии было уже сорок тысяч белых поселенцев в сравнении со всего двадцатью тысячами индейцев, и число поселенцев росло с каждым годом.

Филипп постепенно создал союз индейских племен по всей Новой Англии и 24 июня 1675 г. организовал нападение на Суонси (Род-Айленд), которым ознаменовалось начало самой кровавой и самой жестокой войны с индейцами в колониальной истории.

Она началась, как все войны с индейцами, с неожиданной их атаки, в результате которой поселенцы понесли кровавые потери. Но, как всегда у индейцев были непреодолимые слабости, проявившиеся в “войне короля Филиппа”, как ее называли, сильнее, чем когда-либо раньше. Например, индейцы не воевали зимой и не ставили охрану на ночь. У них это было правилом. Но когда поселенцы начали организовывать неожиданные нападения в начале зимы, стало ясно, что индейцы обречены на поражение.

Кроме того, индейцы никогда не умели сооружать хорошо укрепленные позиции, устанавливать линии снабжения и обеспечивать запасы еды. Они никогда не могли ни держать осаду долгое время, ни противостоять ей, поскольку им необходимо было охотиться, чтобы поддерживать свое существование.

Хотя они научились пользоваться огнестрельным оружием (и индейцы из Новой Англии впервые эффективно им воспользовались в “войне короля Филиппа”), они так и не наладили его производства, и поэтому их вооружение и амуниция зависели от врагов.

Более того, индейцы никогда не объединялись, чтобы встретить белых единым фронтом, кроме отдельных случаев, да и то объединение никогда не бывало полным. Всегда находились отдельные люди и племена, готовые бороться на стороне белых, а вот среди последних желающих примкнуть к индейцам не находилось.

В “войне короля Филиппа”, поселенцы могли рассчитывать, что индейцы, обращенные в христианство, так называемые “молящиеся индейцы”, будут служить шпионами или охранниками.

Первые атаки индейцев в “войне короля Филиппа” стали тяжелым ударом для поселенцев, и к концу 1675 г. большая часть самых западных поселений была разрушена. Новая Англия не могла найти помощь. Англия была далека и безразлична. Единственная близлежащая колония, Нью-Йорк (только что снова возвращенный Англии голландцами, после временного захвата), тоже была уже не столь сильна как раньше. На самом деле, ее губернатор, Эдмунд Андрос, казалось, был даже заинтересован в ухудшении дел в Новой Англии с тем, чтобы отделить часть Коннектикута и присоединить ее к собственной колонии. (Этого сделать не удалось.)

Жителям Новой Англии пришлось сражаться без поддержки. Конфедерация Новой Англии показала свою эффективность теперь, когда разные колонисты объединились в альянс. В декабре 1675 г. им удалось организовать контрнаступление и нанести удар по индейскому укреплению в болотах Род-Айленда.

Тысяча поселенцев под предводительством одного “молящегося индейца” проникла в глубь болот, и там после жестокой битвы 19 декабря индейцы были разгромлены. Около двух третей

из них погибли; восемьдесят поселенцев также были убиты, а выжившие понесли ощутимые потери наступившей зимой.

Победа в Род-Айленде стала поворотным пунктом, и с тех пор превосходство неизменно было на стороне поселенцев, и они неумолимо двигались к окончательной победе. Старый Роджер Уильямс, который был еще жив, пытался добиться мира, справедливого для обеих сторон, но страсти зашли слишком далеко. Это была война не на жизнь, а на смерть.

В конце концов в августе 1676 г. индейцев отгеснили к их последней крепости. Король Филипп был окружен и 12 августа убит другим индейцем. Война кончилась, и сила индейцев в Новой Англии была сломлена навсегда.

Но это дорого обошлось Новой Англии. Каждый шестнадцатый, способный держать оружие, был убит. Из девятиста поселений двенадцать были полностью разрушены, а еще сорок понесли ущерб разной степени тяжести. Прошло около полувека до тех пор, пока поселенцы не вернулись на территории, занимаемые ими до войны.

После войны попытки обратить индейцев в христианство прекратились. На них смотрели как на закоренелых врагов, которых следовало вытеснять и истреблять. (Голова “короля Филиппа”, насаженная на кол, в течение двадцати лет была выставлена в Плимуте на всеобщее обозрение как напоминание о цене противостояния белому человеку.)

Совершенно не стремясь помочь Новой Англии, Англия увидела в ослаблении колонии удачную возможность для ее дальнейшего дробления. 24 июля 1679 г. Нью-Гэмпширу дали устав, и он формально был признан независимой ко-

лонией. Массачусетс, которому только что удалось выкупить права на Мэн у наследников Горджеса, смог удержать эту часть Новой Англии.

Коль скоро каждая часть Новой Англии, становившаяся независимой, стремилась удержать свое самоуправление, а угроза со стороны индейцев фактически исчезла, конфедерации Новой Англии, так хорошо послужившей региону во время “войны короля Филиппа”, было разрешено приостановить свою деятельность. 5 сентября 1684 г. в Хартфорде состоялось ее последнее заседание.

Но даже этого Англии было недостаточно. Пока у Массачусетса был устав, полученный в 1630 г., и дававший ему фактически полное самоуправление, он представлял собой пуританскую угрозу для метрополии. Прежде всего Массачусетс нарушал “Навигационный акт” и постоянно занимался контрабандной торговлей, а так как руководители колоний отказывались принимать какие-либо меры, покончить с этим было невозможно.

Поэтому 23 октября 1664 г. Англия просто аннулировала устав Массачусетса. Колонию сделали королевским владением, где все официальные лица несли ответственность перед королем. Затем 6 февраля 1685 г., умер Карл II, и его брат Яков Йоркский стал королем Яковом II (он сразу же придал статус королевской колонии Нью-Йорку).

Яков II был католиком, первым за сто двадцать пять лет монархом-католиком, правившим в Лондоне со времен Марии I. Более того, он был недалеким и настырным человеком, которому нельзя было доказать, что, настаивая слепо на своих правах, он сам терпит поражение. Естественно, что отношение Якова II к пуританско-

му Массачусетсу было гораздо более жестким, чем у его брата. Теперь, поскольку он сам правил регионом по новой системе, не было нужды делить его на отдельные колонии. Можно найти большие силы для борьбы с индейцами и облегчить управление, если на месте многих колоний создать одну. Поэтому Яков учредил доминион в Новой Англии, в который входили шесть колоний: Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Йорк и Нью-Джерси.

Для управления доминионом от своего имени Яков II назначил Андроса, который управлял Нью-Йорком во время “войны короля Филиппа” и не сделал ни единой попытки помочь Новой Англии. Если колонии были возмущены утратой самоуправления, то этим выбором правителя они были возмущены еще сильнее.

Идея огромной объединенной колонии была хорошей во многих отношениях, и некоторые действия Андроса выглядят разумными с современной точки зрения. Например, он пытался положить конец жестокой религиозной нетерпимости в Массачусетсе, настаивал на узаконивании всех форм протестантской веры и открыл англиканскую церковь в Бостоне 15 марта 1687 г.

Тем не менее Андрос, как и его владыка, был слишком настырен. Все его действия наталкивались на упорное неприятие.

Андрос принудил колонии принять его правление и отказаться от прежних привилегий. 12 января 1687 г. он заставил Род-Айленд согласиться с его требованиями.

Затем, 31 октября 1687 г. он отправился в Хартфорд требовать старый устав Коннектикута, который, в любом случае, уже был аннулирован. Колонисты Коннектикута, не признавая это-

го, отказались подтвердить передачу своих прав письменно.

Ночью произошла громкая и ожесточенная ссора, в ходе которой погасли свечи. Когда они снова загорелись, устав, который требовал Андрос, исчез. По преданию, он был спрятан в дупле огромного дуба (известного впоследствии как “Дуб Хартии”) капитаном Уильямом Водсвортом, чтобы он хранился там до тех пор, когда его можно будет извлечь на свет и положить в основу законодательства Коннектикута.

Несмотря на это, 1 ноября 1687 г. Андрос распустил правительство Коннектикута.

Но в 1688 г. Яков II был свергнут с трона и его преемниками стали его дочь Мария II и ее муж Вильгельм III, который одновременно был королем Нидерландов.

Новость о свержении Якова достигла Новой Англии 4 апреля 1689 г., и там сразу же вспыхнуло восстание. Андроса арестовали 18 апреля и отправили обратно в Англию (позже он служил губернатором в Мэриленде и Виргинии). Колонии, составлявшие недолговечный доминион в Новой Англии, вернулись к своему отдельному существованию через месяц после смещения Андроса.

Массачусетсу был дарован новый устав 7 октября 1691 г., и при этом он поглотил просуществовавшую двадцать семь лет колонию Плимут. Тем не менее не все могло идти по-прежнему. С новым уставом Массачусетс даровал свободу вероисповедания всем протестантским сектам.

Сложности в Виргинии

Правление Кромвеля и реставрация не были спокойными временами и для Виргинии.

В 1642 г. сэр Уильям Беркли (брат того Беркли, которому через двадцать лет Карл II дарует Нью-Джерси) был назначен губернатором Виргинии. Он оказался популярным правителем. Во-первых, он поощрял выращивание не только табака, но и других культур. И в целом Виргиния процветала. Во-вторых, он оказал твердое сопротивление индейцам, разбив восстание Опеханкано в 1644 г.

Гражданская война в Англии, только начинавшаяся, когда он стал губернатором, и его собственные роялистские убеждения импонировали всем колонистам и способствовали его популярности. Он жестко обходился с пуританами и, когда Карл I был обезглавлен, сразу признал королем его сына.

Беженцы, сторонники монархии, стекались в сочувствующую Виргинию, и таким образом население колонии стало резко увеличиваться впервые с тех пор, как она была основана за полстолетия до этого.

Но поскольку режим Кромвеля набирал силу, его влияние вскоре стало ощутимо. Беркли заставили уйти в отставку в 1652 г., и сторонники пуритан взяли власть в колонии; в 1654 г. они овладели и Мэрилендом, изгнали Балтиморов, отменили “Акт о веротерпимости” и объявили католиков вне закона.

Но так не могло продолжаться долго, и со смертью Кромвеля постепенно возвращалось прежнее положение вещей. В 1659 г. в Виргинии провозгласили Карла II королем, опережая реставрацию на целый год, и пригласили Беркли вновь занять пост губернатора. В 1662 г. его власть распространилась и на Мэриленд.

Восстановление монархии включало и выборы в 1661 г. в Палату горожан, столь покорную Беркли, что он мог править, практически не советуясь с ней. И действительно, он был так доволен результатами выборов, что пятнадцать лет не разрешал проводить новые.

Но он старел, а эра Кромвеля настроила его против вмешательства народа в дела правительства до такой степени, что он предпочитал вовсе не принимать в расчет народные настроения. В то время как к 1671 г. население Виргинии достигло сорока пяти тысяч человек (включая две тысячи темнокожих рабов), Беркли открыто радовался тому, что в колонии не было ни школ, ни печатных станков, так как считал, что и то и другое угрожает государственным переворотом.

Его возрастающие авторитаризм и пренебрежение к людям постепенно подрывали его авторитет. Вдобавок стали возникать и экономические проблемы. Несмотря на усилия Беркли, Виргиния оставалась в слишком большой зависимости от табака. Когда чрезмерное увлечение его выращиванием привело к перепроизводству, а «Навигационный акт» и войны между Англией и Нидерландами затруднили торговлю, начался серьезный застой.

Давали о себе знать и индейцы. Беркли пытался защитить индейцев от разбоя и убийств и одновременно поощрял организацию системы фортов против индейских набегов. Однако за-

падные поселенцы не хотели даже слышать об этом, поскольку это было слишком дорого. Они жаждали повсеместного и полного истребления индейцев и обвиняли Беркли в том, что он покровительствует им из-за собственного интереса к торговле мехом.

Именно теперь на сцену выходит молодой человек по имени Натаниэль Бэкон (дальний родственник Фрэнсиса Бэкона, знаменитого английского государственного деятеля и философа).

В 1674 г. после семейного скандала в Англии из-за того, что он был вовлечен в какие-то сомнительные финансовые спекуляции, Бэкон был отправлен своим отцом в Виргинию. В Виргинии у Бэкона был родственник, имевший влияние в правительстве, а жена Бэкона была родственницей жены губернатора. С такими связями дела молодого человека пошли хорошо. Его назначили в совет при губернаторе, несмотря на то, что ему было всего двадцать восемь лет; и он смог купить две довольно большие плантации.

Когда в 1676 г. один из телохранителей Бэкона был убит индейцами, тот отреагировал на это весьма бурно и неожиданно оказался главой тех поселенцев, кто хотел войны с индейцами. (В Новой Англии в это время бушевала “война короля Филиппа” и настрой против индейцев был сильнее, чем обычно.) Не в силах устоять перед лестью и ощущая бремя лидерства, Бэкон тайком повел своих вооруженных фермеров на ближайшие поселения индейцев (дружелюбных, миролюбивых и безоружных), и 20 апреля 1676 г. убил нескольких, не встретив никакого сопротивления.

Это сделало его героем, и он немедленно потребовал радикальной реформы правительства и выборов Палаты горожан, которая бы оказала

упорное сопротивление индейцам. Беркли был разгневан, но ему пришлось разрешить эти выборы; Бэкон оказался в числе избранных. Когда Бэкон пытался занять свое место в палате, Беркли арестовал его, но затем был вынужден освободить.

Бэкон вернулся, собрал вооруженных сторонников и пошел на Джемстаун. Беркли поспешно бежал на восточное побережье колонии, позволив Бэкону взять Джемстаун 18 сентября и через день сжечь его. Недолгое время Бэкон управлять почти всей Виргинией и собирался провести там необходимые, по его мнению, реформы.

К несчастью для него самого, он добился слишком большого успеха. Многим жителям Виргинии и Мэриленда он стал представляться неким Кромвелем, и люди вновь предпочли Беркли. А 26 октября 1676 г., когда события уже обрачивались совсем не в его пользу, Бэкон умер от дизентерии.

К январю 1677 г. Беркли вновь обрел полную власть и начал ответные действия, но перестарался. Двадцать три человека, принимавших активное участие в так называемом восстании Бэкона, были повешены. Беркли повесил бы больше участников, если бы смог их поймать. Это вызвало гнев Карла II, который отметил, что Беркли отомстил за столь незначительное восстание более сурово, чем сам король за казнь собственного отца. Беркли был отозван и умер вскоре после прибытия в Англию.

Восстание Бэкона, хоть и было подавлено, сыграло роль в движении к переменам. Большая часть реформ, за которые боролись восставшие, была направлена на то, чтобы уменьшить авторитарность правительства, и вскоре их провели в жизнь.

И еще одно. Пожар в Джемстауне стал, в общем-то, своего рода концом этого города — первого постоянного поселения англичан в Северной Америке. Он так и не был восстановлен, и в 1691 г. столица Виргинии была перенесена на шесть миль севернее, в Вильямсбург, получивший свое название в честь Вильгельма III, преемника смещенного Якова II.

На следующий год, а именно 3 февраля 1693 г., там был основан колледж Вильгельма и Марии, названный в честь короля и королевы. Это было второе высшее учебное заведение, основанное в английских колониях, а ведь двадцать один год назад Беркли радовался, что в Виргинии отсутствуют школы.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

За Великие озера

Во время правления Карла II, а затем и Якова II вдоль восточного побережья Северной Америки разрастались английские колонии, и параллельно с ними расширялась и Новая Франция. Ее миссионеры и торговцы мехом неуклонно продвигались в глубь континента.

В период между 1650 и 1660 гг. французы значительно расширили свои познания в местной географии и установили контроль над всей территорией, примыкающей к Великим озерам. Четыре из этих озер получили впоследствии индейские названия — Гурон, Мичиган, Эри и Онтарио. Озеро Верхнее было названо именно так, потому что оно расположено севернее других, то есть на карте оказывается выше них.

А к 1634 г. французы уже побывали за Великими озерами. Жан Николе, последователь Шамплейна, в этом году пересек озеро Гурон и Мичиган и открыл Грин-Бей, западный залив этого последнего озера, по форме напоминающий большой палец руки. Затем он исследовал территорию современного штата Висконсин, все еще теща себя надеждой найти путь в Китай, и почти

КАРТА III

Английские, французские и испанские владения к 1689 г.

достиг реки Миссисипи, но слишком рано отступил, поспешив вернуться назад с докладом о путешествии.

Его дело было продолжено французским миссионером-иезуитом, Жаном Клодом Аллуэ, который, более заинтересованный в обращении индейцев в свою веру, нежели в прославлении своего имени, путешествовал по окрестностям Великих озер. Он основал миссию в 1666 г. между озерами Верхним и Мичиганом. Другой иезуитский миссионер, Жак Маркетт, основал другие миссии на берегах озер в 1668 и 1671 гг.

В 1672 г. Луи де Буад, граф Фронтенак, стал губернатором Новой Франции. Он был достаточно одаренным, энергичным и изобретательным, несмотря на свой тяжелый и эгоистичный характер. Его очень тревожило то, что вся Новая Франция может вскоре попасть под влияние иезуитов, и поэтому он желал, чтобы на Великих озерах были не только миссии. В 1673 г. он основал Форт-Фронтенак в месте, где из озера Онтарио вытекает река Святого Лаврентия (был период, когда французы знали озеро Онтарио под названием озера Фронтенак).

Ему также было понятно, что путь от Атлантического океана к Великим озерам есть путь в глубь Америки. Если, как утверждал Николе, реки, обнаруженные за Мичиганом, впадали в Тихий океан (а они действительно текли на запад), становился возможным водный путь через континент, для этого необходимо было лишь совершить краткий поход по суше западнее озера Мичиган. Все это следовало выяснить.

Для этой цели он обратился к добытчику пушнины Луи Жолье, который уже досконально обследовал Великие озера. Жолье, ощущая необходимость в спутнике, попросил отца Маркетта

отправиться с ним. В мае 1673 г. они начали свою экспедицию. Они двинулись по маршруту, пройденному Николе сорока годами раньше, к Грин-Бей, вверх по реке Фокса, затем по суше на запад, к реке Висконсин.

Здесь они не стали поворачивать назад и продолжили движение вниз по Висконсину, миновали самую дальнюю отметку, которой достиг Николе, и 17 июня 1673 г. вошли в огромную реку, в которую впадает Висконсин. Жолье и Маркетт стали первыми европейцами, достигшими верховьев этой реки, и они же дали ей индейское название “Миссисипи”, что означает “великая река”.

Затем они прошли приблизительно семьсот миль вниз по течению к месту впадения реки Арканзас. Там они повернули назад, так как приблизились к владениям испанцев, а путешественники очень опасались конфискации или потери записей, сделанных ими по пути. Кроме того, они уже выполнили свою задачу. Стало очевидно, что реки, начинающиеся за Великими озерами, ведут в Мексиканский залив, а не в Тихий океан. Ими невозможно воспользоваться как водным путем через континент.

Единственным человеком, которого не убедили эти доводы, был Рене Роберт Кавелье, сеньер де Ла Саль, любимец Фронтенака. Ла Саль был человеком эксцентричным и увлекающимся, неутомимым путешественником. Его мечтой было найти путь в Китай, и он говорил об этом так много, что его владения на реке Св. Лаврентия, в шутку называли “La Chine” (Китай). Город, впоследствии выросший на этом месте, до сих пор называется Шаенн (Лашин).

Ла Саль неустанно исследовал земли к югу от Великих озер, которые теперь составляют штат

Огайо. В 1677 г. он получил разрешение продолжить эти исследования в западном направлении, с правом заниматься меховой торговлей на любой открытой им территории. Ла Саль следовал маршрутами Жолье и проплыл по Миссисипи вверх и вниз по течению.

В 1682 г. Ла Саль двинулся вниз, к устью Миссисипи, беспрепятственно пройдя через южные земли, принадлежащие Испании. 9 апреля, высадившись на берегу Мексиканского залива, он официально объявил земли бассейна Миссисипи и ее притоков французскими. Всю эту обширную территорию (которая ныне является частью Соединенных Штатов между Аппалачскими и Скалистыми горами) он назвал Луизианой в честь французского короля Людовика XIV.

К тому времени Фронтенак был смещен со своего поста, и Ла Саль оказался в опале у нового губернатора. Он отправился во Францию, где Людовик XIV назначил его губернатором Луизианы и дал разрешение на основание поселения в устье Миссисипи.

В 1684 г. Ла Саль покинул Францию с этой миссией, но его новую экспедицию с самого начала постигла неудача, и Ла Саль, ставший даже более вспыльчивым, чем раньше, перессорился со всей своей командой. Когда он в конце концов достиг северных берегов Мексиканского залива, то попросту не заметил устья Миссисипи и высадился на побережье Техаса к западу от него. Он попытался повернуть на восток и был убит своими же собственными людьми 19 мая 1687 г.

Тем не менее Луизиана осталась французской.

И поэтому, взглянув на карту Северной Америки конца XVI в., можно было бы заметить, что присутствие Англии на этом побережье было

пока еще достаточно иллюзорным, так как огромные пространства континента находились в руках иных держав. Испания все еще занимала прочное положение в Мексике и во Флориде, а также претендовала на большую часть юга современных США. На западные территории другие европейские державы пока не претендовали, там Испания продолжала вести решительные оккупационные действия. Так, когда восстали индейцы пуэбло в 1680 г., они сначала заставили испанцев бежать из Санта-Фе, но те сражались самоотверженно до тех пор, пока в 1692 г. все-таки не были повержены, а Санта-Фе не возвращен под власть Испании.

Тем временем испанцы, оставшиеся в живых после восстания пуэбло, построили город Эль-Пасо на берегу Рио-Гранде, а после тщетной попытки Ла Саля колонизировать побережье Мексиканского залива испанцы двинулись дальше, в глубь Техаса, чтобы раньше других завладеть тамошними землями. А к концу XVI в., испанцы стали уже подниматься к северу вдоль калифорнийского побережья и основывать там свои поселения.

Однако, исследуя дальний Запад, испанцы не приближались к английским колониям. А вот владения Франции располагались намного ближе, и сфера интересов испанцев как раз затрагивала эти территории.

Франция контролировала всю юго-восточную часть современной Канады, от Великих озер до моря, а теперь претендовала еще и на обширную часть континента, лежащую за Аппалачами. Этот огромный регион управлялся централизованно и находился под неусыпным надзором самой Франции. Его земли окаймляли территорию английских колоний и мешали им занять спор-

ное прибрежное пространство. Более того, эти английские колонии были очень многочисленными, у каждой было свое собственное правительство, и они с неприязнью относились к соседним колониям; все они ссорились между собой и с английским правительством.

Глядя на карту, можно было бы подумать, что Франция распространила свои обширные владения по всей береговой линии и вытеснила английскую Америку так же, как некогда английская Америка вытеснила голландскую Америку, а та, в свою очередь, — шведскую.

Этому противоречил тот факт, что Новую Францию, несмотря на огромные владения, населяло всего лишь двенадцать тысяч человек, в то время как английские колонии к концу XVII в. были домом почти для четверти миллиона человек, причем население неуклонно росло, и также неуклонно возрастало благосостояние колоний.

Обе стороны — и Франция и Англия — понимали, что не смогут дальше расширять свои владения без споров. Впрочем, такие споры начались уже давно.

Одной из причин для конфликта стал обширный полуостров, находящийся между Ньюфаундлендом и Новой Англией. И Ньюфаундленд и Новая Англия считались английскими, и англичане, естественно, полагали, что полуостров между этими территориями тоже принадлежит им, поэтому в 1613 г. они выселили оттуда всех французских колонистов.

Затем, в 1627 г., Яков I пожаловал право колонизировать этот полуостров сэру Уильяму Александру, шотландскому поэту, воспитателю королевских детей. Александр назвал полуостров по-латыни *Nova Scotia* (Новая Шотландия),

что очень подходило ему, ведь он находится к северу от Новой Англии так же, как Шотландия лежит к северу от Англии. Но на Новой Шотландии находились французские поселения, и французы называли полуостров Акадией, борьба за него тормозила развитие на нем колоний. В 1667 г. при подписании Бредского мира, территория Новых Нидерландов была отдана Англии и названа Нью-Йорком, а Новая Шотландия, по международному соглашению, отошла Франции и стала официально называться Акадией.

Борьба шла и на дальнем Севере. Англия усматривала опасность в том, что французские территории окружали ее с севера и с запада. Желая, в свою очередь, окружить французские владения, англичане 2 мая 1670 г. учредили “Компанию Гудзона”. Англия претендовала на Гудзонов залив с момента ее открытия Гудзоном в 1610 г., а эта компания должна была установить пограничные столбы на берегах этого студеного водного пространства, что служило бы не только для наблюдения за действиями французов, но, как надеялись англичане, помогло бы получать прибыль от торговли пушниной и, кто знает, дало бы шанс найти путь в Азию.

Французы крайне отрицательно отреагировали на пограничные столбы вдоль берегов Гудзонова залива и даже уничтожили несколько штук в 1686 г. В течение нескольких десятилетий английские притязания на эту землю были скорее теоретическими, нежели практическими.

Конфликты, предшествующие 1689 г., были немногочисленными и носили локальный характер, редко находя поддержку Англии или Франции. Однако в 1689 г. события приняли совершенно иной оборот. Англия и Франция начали серию войн, растянувшуюся на сто двадцать

пять лет, и каждая из этих войн велась частично на Американском континенте.

Каждая последующая война носила все менее локальный характер и все в большей и большей степени оказывалась частью далекой континентальной войны. Чтобы разобраться в том, как это происходило, вернемся в Европу.

“Война короля Вильгельма”

Во Франции Людовик XIV вступил на престол в пятилетнем возрасте, в 1643 г., после смерти своего отца Людовика XIII. Почти двадцать лет Францией фактически управлял кардинал Мазарини, умный и ловкий человек, сумевший подвести Францию к окончанию Тридцатилетней войны и к заключению в 1659 г. мирного договора с Испанией.

К моменту смерти Мазарини в 1661 г., Франция была самой сильной державой в Европе. Людовик XIV, которому к тому времени уже исполнилось двадцать три года, захватил бразды правления и сразу же повел политику территориального расширения, особенно в направлении Нидерландов. Нидерланды с ужасом обнаружили, что роль главного европейского агрессора, так долго принадлежавшая Испании, перешла к Франции, и стали важнейшим центром антифранцузской политики.

В период между 1672 и 1678 г. между Францией и Нидерландами разразилась война — вой-

на не на равных, так как Франция была намного сильнее. Нидерланды сохранили свою независимость, но были совершенно обескровлены. Это вкупе с морскими поражениями в ходе войны с Англией лишило Нидерланды статуса великой державы, которым они обладали большую часть XVII в.

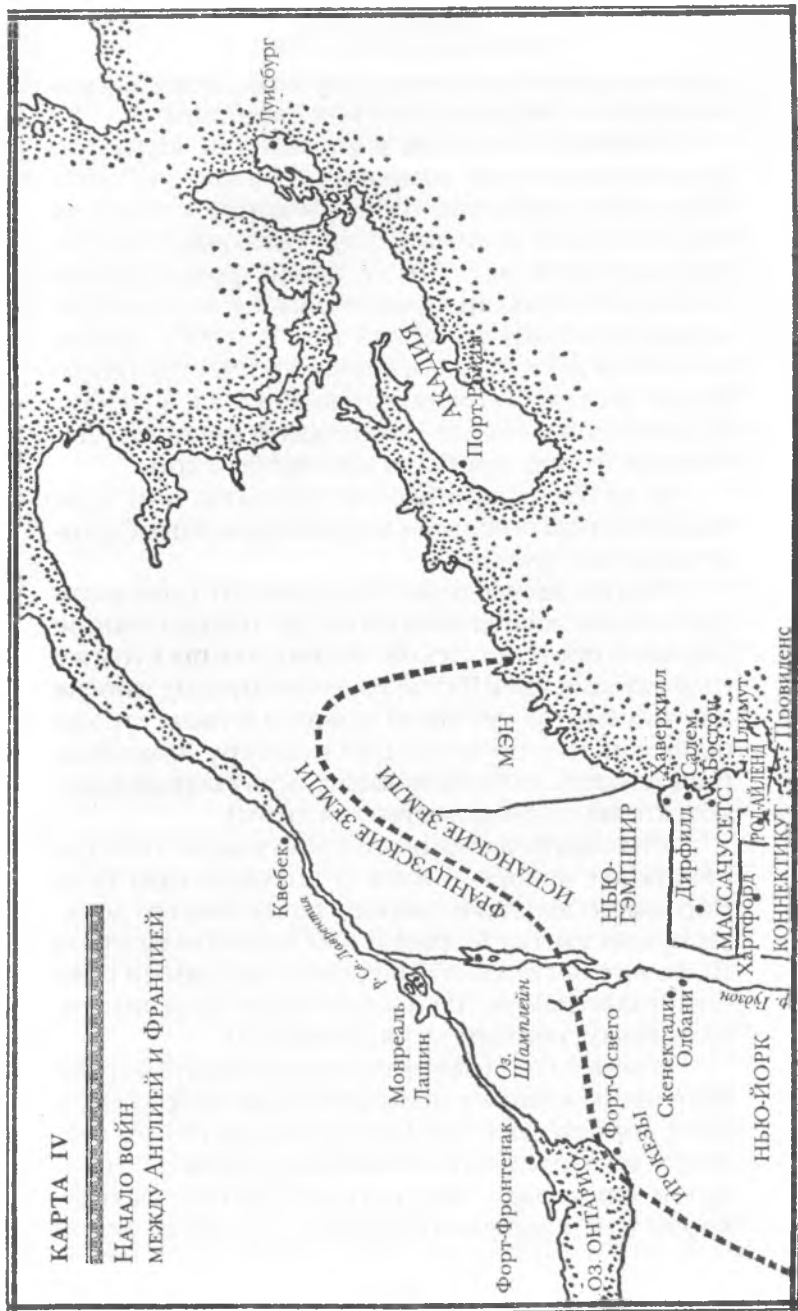
В ранний период захватнической политики Людовика XIV Англия занимала нейтральную позицию. Карл II жаждал сохранить мир и не питал никакой симпатии к протестантам любого толка, так что он отнюдь не торопился помогать протестантской Голландии. Он фактически зависел от Людовика XIV из-за тайных субсидий, которыми Людовик поддерживал его казну, избавляя его тем самым от необходимости обращаться к парламенту по финансовым вопросам. Поэтому на самом деле он желал объединиться с Францией против Нидерландов, особенно ввиду того, что Англия также не ладила с Нидерландами.

Англичанами между тем постепенно овладевали антифранцузские настроения. Такой поворот в общественном мнении произошел из-за того, что фанатичный Людовик XIV совершил непоправимую ошибку. 18 октября 1685 г. он положил конец веротерпимости во Франции. Французских гугенотов достаточно жестокими мерами вынуждали либо перейти в католичество, либо убраться вон из страны. При этом Людовик не позволял им уезжать ни в Новую Францию, ни в Луизиану.

В результате французы сотнями тысяч покидали Францию, которая тем самым лишалась своих одаренных и трудолюбивых граждан, а эти граждане отдавали свои таланты и трудолюбие на службу врагам Франции (Англии, Пруссии и

КАРТА IV

Начало войны
между Англией и Францией

другим протестантским державам), бежать к которым их вынудили действия Людовика.

Многие переехали в английские колонии. Причем некоторые отправились в южную часть Каролины, традиционное убежище гугенотов еще со времен Колиньи, существовавшее уже сто двадцать пять лет. Там со своей французской утонченностью, они привнесли в жизнь колоний некий аристократический тон. В 1688 г. группа гугенотов поселилась в округе Уэстчестер (Нью-Йорк) и основала город Нью-Рошелл, в память знаменитой некогда гугенотской крепости Ла-Рошель, откуда прибыли многие беженцы.

Куда бы ни прибывали гугеноты, они прибавляли силы колониям и приносили антифранцузские настроения.

Репрессивные меры Людовика XIV произвели ошеломляющее впечатление на общественное мнение в протестантской Англии, и когда в том же году католик Яков II стал королем Англии, многие английские протестанты пришли в ужас, так как полагали, что он последует примеру Людовика (надо сказать, не без основания, ведь у короля было достаточно возможностей для этого).

Эти опасения привели к восстанию 1688 г., в результате которого Яков II лишился престола. Парламент возложил корону на головы его дочери протестантки Марии II и ее мужа Вильгельма III. Вильгельм правил Нидерландами (там он тоже был Вильгельмом III) и, подобно всем своим согражданам, ненавидел Людовика XIV.

Вильгельм намеревался продолжить борьбу против Людовика с новых позиций, и французский король знал, что Англия теперь станет вести последовательную антифранцузскую политику. Он чувствовал, что у него нет другого выхода, кроме как поддержать Якова II (который бежал

во Францию) и постараться снова посадить его на трон. В 1689 г. Франция и Англия вступили в войну.

Несколькими годами раньше, в 1686 г., Вильгельм завершил формирование лиги государств, намеревавшихся оказать сопротивление Людовику XIV, когда он в следующий раз развяжет войну. Окончательные условия этого альянса были установлены в Аугсбурге, в Баварии, поэтому он получил название Аугсбургская лига. Когда Вильгельм стал королем Англии, эта страна тоже присоединилась к лиге. А последовавшая затем война между лигой и Францией известна как “война Аугсбургской лиги” или, как ее иногда называют, “война за Пфальцское наследство”.

Вильгельм стремился победить ненавистного Людовика любыми способами, которые имелись в его распоряжении, и он не желал, чтобы североамериканские колонии оставались в стороне от происходящих событий. Он прекрасно знал, что английские колонии превосходили французские численностью населения приблизительно в пятнадцать раз; что у Англии и Нидерландов было преимущество и на море, а это могло стать решающим фактором; что у союзников было преимущество в промышленной и финансовых сферах, весьма полезное в случае затягивающейся колониальной войны.

К сожалению для англичан, у них тоже не все было гладко. Во-первых, английские колонии были разрознены, и южные колонии, находившиеся очень далеко от всех французов, не видели никакой причины принимать участие в войне. В эту войну были вовлечены только самые северные колонии.

Кроме того, французы, хотя и уступающие англичанам в численности, имели стратегичес-

ки выгодно расположенные форты и очень мало больших поселений, по которым англичане могли бы нанести решающие удары, чтобы сразу ослабить врага. Французские колонисты были знакомы с непроходимыми лесами и имели хорошие отношения с индейцами. Более того, французское правительство активно поддерживало своих колонистов, в то время как Англия под давлением армии Людовика, которая была на то время лучшей в Европе, бросила свои колонии на произвол судьбы, так что англо-голландское преимущество на море и в экономике сошло на нет.

Характерной чертой этой войны, которая в колониях, после того как до них дошли новости о вступлении Вильгельма на престол, получила название “война короля Вильгельма”, и всех последующих стала заметная роль индейцев. Французы вели большинство сражений с помощью своих индейских союзников, и череда войн, начавшаяся в 1689 г. называется иногда “войной с французами и индейцами”¹.

Когда история рассказывается с точки зрения английских колонистов, французов называют инициаторами конфликтов, обвиняют в том, что союзников-индейцев они ставили выше своих белых братьев.

Французы могли бы возразить, что, поскольку англичане превосходили их численностью, им не оставалось ничего другого, кроме как объединиться с индейцами. Они могли бы также напомнить, что первыми привлечь индейцев на свою сторону начали вовсе не они, а голландцы.

В 1640-х гг. голландцы воспользовались ненавистью индейцев-ирокезов к французам, во-

1. В отечественной историографии принято название Англо-французская колониальная война. — *Прим. перев.*

ружили их огнестрельным оружием и отправили на север. В течение десяти лет индейцы-ирокезы превращали жизнь французских колонистов в ад, производя набеги далеко за пределами Монреаля и убивая индейцев, обращенных французами-миссионерами в свою веру. Эти набеги закончились в 1652 г. перемирием, в итоге которого ирокезы остались безоговорочными победителями. Когда англичане захватили Новые Нидерланды, они также поощряли все столкновения ирокезов с французами, хотя под твердым управлением Фронтенака Новой Франции то силой, то дипломатией удавалось держать их на расстоянии.

Трудно сказать, каких успехов могла бы добиться Новая Франция и что ожидало английские колонии в борьбе с ведомыми Францией индейцами, если бы не ирокезы. Вот когда отозвались мушкетные залпы людей Шамплейна в знаменательный день 1609 г.

Когда же началась “война короля Вильгельма”, ответственность за поощрение индейских набегов легла уже на английских колонистов. При поддержке нью-йоркского губернатора Донгана Томаса ирокезы разорjali окрестности Великих озер и практически уничтожили там всю пушную торговлю французов. 4 августа 1689 г., после начала “войны короля Вильгельма”, ирокезы устремились на север, прямо на Новую Францию, уничтожив на своем пути поселение Шаенн (Лашин), убив двести человек, захватив в плен девяносто, и опустошили всю местность.

Поэтому неудивительно, что французы считали себя вправе отомстить.

Чтобы преодолеть кризис, Людовик XIV восстановил Фронтенака на посту губернатора. Фронтенаку было уже под семьдесят, но он все

еще был полон энергии. Он организовал нападение на Нью-Йорк в целях возмездия. Отряд выступил в середине января 1690 г. и бесшумно двигался по прибрежному снегу. В качестве первого шага к завоеванию Нью-Йорка планировалось нападение на Олбани, но погода была очень плохой, и когда отряд добрался до Скенектади, ночью 8 февраля 1690 г. (во время бурана), стало ясно, что дальше ему не пройти.

Голландские поселенцы Скенектади спокойно спали. Они не допускали и мысли, что индейцы могут напасть в разгар зимы. Возможность такого поворота событий представлялась им настолько абсурдной, что они оставили ворота поселения открытыми и слепили при входе двух снежных баб, как часовых. Это была ужасная ошибка.

Индейцы вошли в спящий город, начали врываться в дома с победными криками, убивая всех без разбора. Скенектади был полностью уничтожен, а нападавшие быстро покинули его, преследуемые ирокезами.

Другие пограничные города также подверглись нападению войск Фронтенака. Поселение на месте современного Портленда (штат Мэн) капитулировало в схватке с французами 31 июля 1690 г. с условием, что жизнь сдавшихся будет сохранена. Когда же они сдались, индейцы убили всех. (Во всем этом винили французов, но они возражали, что иногда их индейские союзники были слишком многочисленны, чтобы противостоять им, и слишком переполнены ненавистью к англичанам, чтобы сдерживать их. Запрети им французы убивать сдавшихся, они все равно поступили бы по-своему, а заодно перебили бы и самих французов.)

Английские колонии оказались перед лицом ужасной катастрофы, к которой, и Нью-Йорк, расположенный недалеко от линии сражений, был менее всего готов.

В 1688 г. он оказался под властью Фрэнсиса Николсона, который служил под началом Андроса — когда Нью-Йорк еще был частью доминиона Новой Англии. Когда новости о свержении Якова II и падении Андроса достигли Нью-Йорка, Николсон требовал восстановить Андроса и отказался присягать Вильгельму и Марии. Против него было поднято восстание, начавшееся 1 июля 1689 г. и возглавляемое немецким купцом Якобом Лейслером, который рьяно противостоял католику Якову II и его союзникам. Лейслер захватил опорные точки города и 1 декабря 1689 г. провозгласил себя губернатором, в то время как Николсон бежал в Англию.

Находясь у власти, Лейслер провел ряд реформ, но тут последовала бойня в Скенектади, так что помимо беспорядков в колонии Лейслеру пришлось иметь дело еще и с французско-индейской угрозой. 1 мая 1690 г. он созвал собрание представителей разных английских колоний, чтобы объединиться против врага и договориться о совместной обороне.

На его призыв большинство колоний не отозвались. Откликнулись только Массачусетс, Плимут, Коннектикут и (как ни странно) далекий Мэриленд, так что, в конце концов, почти ничего уже нельзя было изменить. Тем не менее нельзя не признать такой призыв знаменательным — ведь это была первая попытка объединиться против общего врага.

Лейслер долго не протянул. Он не пользовался любовью нью-йоркских властей и не знал, как снискать расположение простого народа. Ко-

роль Вильгельм был благодарен Лейслеру за его усилия в борьбе против Николсона, но на месте губернатора он видел другого человека. Лейслер пытался предотвратить назначение нового губернатора, за что был взят под стражу и 16 мая 1691 г. казнен.

Восстание Лейслера так же, как и восстание Бэкона в Виргинии за пятнадцать лет до этого, потерпело неудачу, однако еще раз показало издержки самодержавного монархизма.

Задача сражаться против французов легла на Массачусетс. Это была самая густонаселенная и сильная колония на севере, воодушевленная к тому же своей победой над Андросом. На северо-востоке, двумястами семьюдесятью милями дальше, лежала Акадия, наименее защищенная часть французских доминионов, прекрасная стратегическая цель для удара с моря.

В мае 1690 г., флотилия из четырнадцати кораблей была построена под командованием сэра Уильяма Фипса. Он родился в 1651 г. в штате Мэн и, как говорили, был одним из двадцати шести детей у своей матери. До восемнадцати лет он занимался разведением овец, но затем, став взрослым, переехал в Бостон, женился там на богатой вдове и стал заметной фигурой в городе.

В 1687 г. он командовал экспедицией на Эспаньолу и там руководил работами по поднятию со дна затонувшего корабля, который вез триста тысяч фунтов из испанской казны. За это он был произведен в рыцари — первый житель колонии, удостоенный подобной чести.

Фипс был, кроме того, и непримиримым врагом Андроса, а потому представлялся наиболее подходящей кандидатурой на место командующего флотом. Его корабли отправились в Порт-

Ройал, столицу Акадии. Они прибыли в город 11 мая 1690 г., и французский губернатор был вынужден капитулировать. Морякам из Массачусетса было разрешено грабить город, и они вернулись назад как завоеватели и герои.

Такой успех сподвиг Массачусетс и на более решительные действия. Флотилия из тридцати четырех кораблей с двумя тысячами солдат на борту, под командованием Фипса, была отправлена на захват Квебека. Экспедиция вышла в море в августе, но встречные ветры задерживали ее в пути, так что она достигла Квебека лишь 7 октября 1690 г. К этому времени до Фронгенака дошли вести о происходящем, и он успел укрепить город.

Фипс, чувствуя, что должен хоть как-то действовать, предпринял лобовую атаку, которая, разумеется, была отбита. Он был вынужден вернуться с пустыми руками — даже хуже, чем с пустыми: ведь людям, участвовавшим в экспедиции, надо было платить, а казна Массачусетса была пуста. Колония была вынуждена печатать бумажные деньги, чтобы заплатить свои долги. Это был первый случай использования бумажных денег в английских колониях. И все же Массачусетс переживал славные времена. Новым уставом от 1691 г. к нему был не только присоединен Плимут и утверждено его право на владение штатом Мэн, но присоединена и завоеванная Новая Шотландия как дар за битву при Порт-Ройал. Это был первый случай продвижения по политической службе героя войны, так как вскоре, в 1692 г., Фипс стал губернатором Массачусетса.

Война продолжалась еще семь лет, в основном в форме отдельных вылазок и набегов. Англичане успешно действовали вокруг Гудзонова

залива, но нападение на Порт-Ройал, каким бы незначительным оно ни было, стало важным событием в этой войне, по крайней мере для территории Северной Америки.

Десятого сентября 1697 г. война закончилась Рисвикским перемирием (по названию голландского города, где оно было подписано). Людовик XIV и Вильгельм III, довольно равнодушные к происходящему в Северной Америке, просто условились полностью восстановить там довоенный статус. Таким образом, Новая Шотландия снова стала Акадией, и возмущенные жители Новой Англии получили наглядный урок того, как мало Англия о них заботится. Они не только не получали никакой помощи во время войны, но даже то, что они сами отвоевали, было без церемоний передано назад их врагам. Тем не менее любые антианглийские настроения, появившиеся в связи с этим, сильно уступали ненависти к французам, вызванной теми внезапными нападениями и массовыми убийствами, которые учиняли союзники французов — индейцы.

Ведьмы!

Во время “войны короля Вильгельма” в Новой Англии происходили события, не имевшие к ней никакого отношения, но закрепившиеся в памяти американцев, пожалуй, сильнее, чем любое другое событие в истории колонии. Речь идет о колдовстве.

Ведьмами считались женщины, вступившие в союз с дьяволом и силами тьмы. С помощью злых духов и волшебства они могли мстить своим врагам и приносить зло человечеству в целом.

Древние иудеи верили в силу такой “черной магии” и устанавливали законы против нее и против тех, кто ею занимался. В Библии есть такой стих:

“Ворожеи не оставляй в живых” (Исход 22:18)

Это заставляло поверить в существование ведьм и в необходимость сурового наказания за колдовство.

Протестанты, придававшие буквальному толкованию Библии гораздо больше значения, чем католики, были склонны бояться ведьм и искать их везде. После протестантской реформации в Европе разгорелась настоящая охота за ведьмами. По некоторым подсчетам, количество людей, убитых в Европе с начала XVI по начало XIX в. по обвинению в колдовстве, превысило два миллиона. В XVII в. только в Англии за колдовство было казнено сорок тысяч человек.

Английские колонии не стали исключением. Каждая колония рассматривала колдовство как преступление и устанавливала строжайшие наказания, поэтому неудивительно, что именно Новая Англия была наиболее жесткой в этом отношении. Крайняя религиозная нетерпимость была отличительной чертой Новой Англии в первые сто лет ее существования. В 1644 г. в Массачусетсе вышел приказ о высылке из колонии всех баптистов. В 1656 г. начали высылать или заключать под стражу квакеров, которых на следующий год стали выдворять и из сравнительно терпимых Новых Нидерландов, причем нескольких даже повесили. А разве не следовало праведным пури-

танам быть столь же суровыми по отношению к таким порождениям дьявола, как ведьмы?

В 1647 г. женщину из Хартфорда в Коннектикуте, обвинили в колдовстве и повесили, это была первая казнь такого рода в колониях. На следующий год ведьму повесили в Массачусетсе, а к 1662 г. четырнадцать женщин были повешены в обеих колониях.

Страх перед колдовством достиг своего апогея в 1680-х годах. Сначала была “война короля Филиппа”, а затем правление Андроса. Зачем Богу наказывать благочестивых жителей Массачусетса? А что, если они страдают из-за ведьминских козней? А быть может, это возмездие и за их собственные грехи? За то, что они недостаточно рьяно боролись с ведьмами? Рассказы о ведьмах распространились повсеместно. Самый уважаемый из всех колониальных пуритан, конгрегационалистский священник Коттон Матер, считавший себя знатоком ведьм, в своей книге “Предусмотрительность в отношении колдовства и одержимости”, изданной в 1689 г., просветил всех своих читателей, указав, что делать при столкновении с опасностями, исходящими от ведьм, и снабдил их массой советов о том, как вести себя в таких жутких ситуациях.

В 1692 г. группа глухих девушек-подростков из города Салема, боясь наказания за какую-то проделку, притворились одержимыми. Конечно же, им поверили, ведь каждый знал, что сила колдовства разлита повсеместно. Они обвинили рабыню в том, что она ведьма, и в этом им также поверили. Рабыня была полуиндианкой, полунегритянкой, а это само по себе говорило против нее. Родом она была из Вест-Индии и развлекала детей рассказами о вуду — еще более очевидное доказательство ее вины.

Рабыню допрашивали с помощью кнута, как обычно и поступали с рабами. Чтобы прекратить это избиение, она призналась в колдовстве и назвала еще двух женщин в качестве своих сообщниц. Будь она судима за пустяковую кражу, ей бы ни за что не поверили, поклявшись она даже на Библии; но в деле о колдовстве ее показания не вызвали ни малейших сомнений. Двух предполагаемых сообщниц схватили, и, конечно же, после допросов они назвали других.

Губернатор Массачусетса, Фипс, учредил специальные суды для рассмотрения дел о колдовстве, и через полгода тринадцать женщин и шесть мужчин были повешены за колдовство (спасибо, что их не сожгли на костре!), а один восьмидесятилетний мужчина забит до смерти за то, что отказался признавать себя виновным (отказавшись от признания, он уберег свое имущество от конфискации и сохранил его тем самым для своих детей).

Что же могло остановить это безумие? Круг виновных ширился и рос — как только кого-то признавали виновным в колдовстве, он тут же под пытками обвинял других, которых, в свою очередь, тоже сразу признавали виновными — суды укореняли предрассудки под личиной законности. Более того, тех, кто пытался указать на несправедливость, жестокость и полнейшее безумие подобных процессов, тоже считали вступившими в союз с самим дьяволом.

Но при такой ситуации и первые лица колоний не могли чувствовать себя в безопасности. И когда обвиняемые стали называть имена уважаемых священнослужителей или высокопоставленных чиновников, безумие поутихло. Механизм охоты на ведьм работал лучше, когда был

направлен против бедняков, стариков и бесправных.

Наконец, упомянуто было и имя жены губернатора Фипса, после чего количество голосов, взывающих к рассудку сограждан, резко возросло. К моменту этого переворота в общественном мнении сто пятьдесят человек томились в тюрьме в ожидании приговора. Они были освобождены, а все, кто был причастен к вынесению приговоров за колдовство, стояли в зале суда смущенные, но уверенные, что вершили суд по закону.

Так закончилась охота на ведьм в колониях. Можно с полным основанием утверждать, что в сравнении с Европой колонии отделались малой кровью.

В дальнейшем процессы над ведьмами плохо сказались на репутации Коттона Матера и других священников, столь же строгих и непреклонных. Никогда больше Новая Англия не шла так слепо за служителями церкви.

Однако тут заявила о себе проблема куда более опасная, нежели колдовство. Развивающиеся колонии, особенно на Юге, все больше зависели от труда рабов. В 1661 г. Виргиния признала рабство законным.

Черное рабство таило в себе особую опасность, поскольку рабы внешне очень сильно отличались от своих белых господ, и поэтому не составляло труда убедить себя, что рабство является их естественным состоянием. А коль скоро рабство начало прочно ассоциироваться с чернокожими, очень нелегко стало относиться к ним как к равным и давать им свободу. В конце концов, негры были всего лишь неграми. Оправдание порабощению было найдено следующее: чернокожие были язычниками, а в рабстве смогут принять христианство и спасти свои души,

так что оно послужит для их же пользы, но это оправдание доказало свою несостоятельность, когда 23 сентября 1667 г. в Виргинии был принят закон о том, что раб, даже крестившись, оставался рабом.

На Севере, однако, где у рабства была более слабая экономическая база, многие выступали против этого. 18 мая 1652 г. Род-Айленд (в соответствии с традициями Роджера Уильямса) принял закон о запрете рабства, это был первый закон такого рода в Америке. А в апреле 1688 г., квакеры немецкой слободы в Пенсильвании подали протест против рабства — опять-таки первый подобный документ в Северной Америке.

Но разногласия по поводу рабства все еще были незначительны, и никто не мог предвидеть, что придет время, когда великая нация будет расколота надвое. А вот что можно было предвидеть в эти последние годы XVII в., так это новый виток разногласий между Англией и Францией в Европе, которые должны были повлечь за собой раздор и в Северной Америке.

“Война королевы Анны”

Даже после подписания Рисвикского перемирия и окончания “войны короля Вильгельма” Европа готовилась к новой войне. И было ясно, что именно станет причиной этой войны.

Король Испании Карл II находился при смерти, и у него не было наследников. Он всегда

был столь болезненным, что вся Европа удивлялась, как он дожил до своих лет; вестей об его кончине ожидали каждый месяц.

Испания больше не являлась великой державой, но по-прежнему была огромной империей, и вопрос заключался в том, кому достанется Испания и ее империя? Если испанскую корону унаследует принц, не имеющий собственного королевства, тогда опасаться нечего. Испания не станет более могущественной, чем раньше, и никому не сможет угрожать. Если же на испанский престол поднимется монарх, владеющий сильной державой, это будет источником постоянной опасности для всей Европы.

Самой сильной державой Европы была Франция, и амбициозный Людовик XIV имел виды на Испанию, так как его жена была единокровной сестрой Карла II Испанского, а мать — теткой. Некоторыми правами обладали также несколько немецких принцев, однако большинство противников Людовика XIV желало видеть на испанском престоле баварского принца, потому что у него было меньше реальной силы, чем у любого другого претендента.

К несчастью, Карл II пережил баварца, умершего в 1699 г. Это увеличило шансы Людовика XIV подчинить Испанию своей семье. Остальная Европа была взбешена. В конце концов Людовику XIV удалось склонить умирающего Карла II назначить своим наследником внука Людовика XIV, Филиппа. 1 ноября 1700 г. Карл II скончался, и Людовик XIV сразу же отправил в Испанию своего внука, ставшего королем Филиппом V. Людовик XIV пообещал, что Испания и Франция всегда будут управляться раздельно и Испания останется независимой страной, но, конечно же, ему никто не поверил.

Вильгельм III, все еще бывший королем Англии (его жена Мария II умерла в 1694 г.), тоже не испытывал ни малейшего доверия к своему давнему врагу. Он организовал новый альянс с участием Нидерландов и их колоний, и война возобновилась.

Эта так называемая “война за Испанское наследство” была объявлена Англией и ее союзниками 4 мая 1702 г., но Вильгельм не дожид до завершения всех военных приготовлений. Он умер двумя месяцами раньше, 8 марта, не оставив детей, так что ему наследовала младшая сестра его умершей супруги, Анна, поэтому в колониях эту очередную войну с Францией называли “войной королевы Анны”.

“Война королевы Анны” несла новую опасность для английских колоний. Испания и Франция теперь находились в руках представителей одной династии — Бурбонов и были союзниками. Это означало, что английским колониям предстояло столкнуться не только с французами на севере, но и с испанцами на юге. Южные колонии не могли больше придерживаться нейтралитета, который они сохраняли в предыдущей войне.

Военные действия начались на Юге, и именно английские колонии первыми пошли в наступление. Джеймс Мур, губернатор Каролины, в 1702 г. возглавил совместный поход колонистов и индейцев на Сент-Огастин, столицу испанской Флориды.

В сентябре они достигли города и опустошили его, но испанский гарнизон отступил в форт, где упорно сопротивлялся. А прибытие испанских кораблей заставило Мура отказаться от штурма и поспешно отступить в Каролину. Достижения были скудными, а затраты огромными.

Каролина, как некогда и Массачусетс, была вынуждена ввести в оборот бумажные деньги, чтобы покрыть свои расходы.

После этого Каролина не участвовала в войне, но сам Мур, уже не в качестве представителя колонии, совершал новые и новые вылазки в глубь этой территории и получал немалую прибыль, грабя испанские миссии и продавая захваченных индейцев в рабство. Испанцы со своей стороны, в 1706 г. попытались напасть на Чарлстон, но успеха не добились.

Больше на Юге ничего примечательного во время “войны королевы Анны” не происходило.

А на Севере в точности повторялись события “войны короля Вильгельма”. Губернатор Новой Франции, маркиз де Водрей, заботился о нейтралитете ирокезов и поэтому избегал походов на Нью-Йорк, который был причиной всех неприятностей предыдущих десяти лет. Однако при этом центр противостояния смещался в Новую Англию.

Двадцать девятого февраля 1704 г. отряд индейцев, во главе которого были французы, напал на Дирфилд на северо-западе Массачусетса. История Скенектади четырнадцатилетней давности повторилась. Пятьдесят человек было убито, сто взято в плен.

И опять-таки, как и в предыдущую войну, ответный удар можно было нанести только с моря по французской Акадии. Воспоминания об удачном рейде на Порт-Ройал спровоцировали Массачусетс повторить попытку.

В 1704 г. семьсот человек, большинство жителей этой колонии, отплыли на север. На сей раз Порт-Ройал уже было не взять врасплох, так что, обшарив окрестности в поисках места для штурма, экспедиция вернулась ни с чем. Более

тщательно подготовленный поход 1707 г. также не принес больших успехов. В отместку французы заняли несколько отчаянно сопротивлявшихся английских поселений, которые незадолго до того все-таки были основаны на Ньюфаундленде.

Английские колонисты потерпели неудачу. И дело было не только в том, что Англия никак не помогала им: стало совершенно очевидно, что некоторые состоятельные люди в Массачусетсе и других колониях делали деньги на торговле с французами и были вовсе не заинтересованы в активных военных действиях.

Индийские набеги между тем продолжались. 29 августа 1708 г. индейцы учинили в Хаверхилле, находящемся тридцатью пятью милями севернее Бостона, жестокую резню, когда сорок восемь жителей этого городка — мужчин, женщин, детей — были убиты. Теперь Англия просто вынуждена была прийти на помощь. Она одерживала блестящие победы над Францией в Европе и, разумеется, могла выделить несколько кораблей и военных подразделений для своих теснимых со всех сторон колоний.

Фрэнсис Николсон стал именно тем человеком, который был необходим в тот момент. Он был помощником губернатора, изгнанного из Нью-Йорка во время восстания Лейслера двадцать лет назад, но с тех пор он уже успел побыть губернатором Виргинии и Мэриленда. Его последний губернаторский срок в Виргинии завершился в 1705 г., и сейчас он был готов к другой деятельности.

Он горел желанием возглавить военные действия против Канады на суше, но для этого ему необходимы были хорошо обученные солдаты из Англии, и хотя их ему и пообещали, они так и

не прибыли. Он отправился в Лондон добиваться от правительства выполнения обещаний. Вместе с ним приехал и майор Питер Шуйлер из Олбани, который привез с собой пять ирокезских воинов. Ирокезы потрясли Лондон, и, возможно, именно они сыграли решающую роль в том, что отношение английского общества к колониям изменилось. Правительство, пусть и неохотно, направило в Америку войска.

Четыре тысячи человек прибыли в Новую Англию в июле 1710 г., и в сентябре Николсон повел их на Север. 24 сентября флотилия расположилась недалеко от Порт-Ройала, и на сей раз началась серьезная осада, порт стали обстреливать из пушек. Порт-Ройал держался до последнего, но он не мог выдержать пушечного обстрела и 16 октября капитулировал.

В отличие от предыдущей войны, англичане сумели использовать эту капитуляцию себе во благо. Они переименовали город в Аннаполис-Ройал, в честь королевы Анны, и город сохранил это название и по сей день.

Как и в предыдущий раз, победа в Акадии породила большие амбиции. Николсон теперь хотел возглавить сухопутную операцию против Квебека, но мог надеяться на победный исход только при условии, что одновременно с началом операции для ее поддержки по реке Св. Лаврентия двинется флот. Английское правительство, обрадованное победой над Порт-Ройалом, готово было предоставить для этого средства.

В 1711 г. около семидесяти кораблей прибыло в Бостон с более чем пятью тысячами солдат на борту. Ими командовал генерал Джон Хилл (Веселый Джек), который был назначен на этот пост только потому, что был братом лучшей подруги королевы Анны. Адмирал сэр Ховендон

Уолкер, отвечавший за корабли, был также некомпетентен.

Наконец они вошли в реку Св. Лаврентия, но сбились с курса и двигались наугад из-за тумана. Десять кораблей потерпели крушение, и семьсот человек погибло. После этого Хилл и Уолкер сдались, решили, что им ни за что не отыскать Квебек, и двинулись назад в Бостон. Николсон, который ждал их у озера Шамплейн со своими наземными силами, был вынужден также повернуть назад, когда до него дошли новости о провале операции.

Колониям некогда было долго грустить об этой неудаче. Война стремительно подходила к концу, и 11 апреля 1713 г. вместе с заключением Утрехтского мирного договора (также подписанного в голландском городе) на их земли снизошло спокойствие.

В целом Франция неплохо закончила эту войну, несмотря на несколько унижительных поражений. Внук Людовика XIV оставался королем Испании, но Людовику пришлось дать твердые гарантии того, что Испания навсегда останется независимой страной. Он также вынужден был признать английских монархов-протестантов и не поддерживать более притязаний сына Якова II, католика, на английский престол. В итоге этой войны Англия отвоевала у Испании Гибралтарский пролив, который принадлежит ей и по сей день.

В Северной Америке Франция потеряла меньше, чем могла бы, окажись поход англичан на Квебек более удачным. Тем не менее она вынуждена была признать "Компанию Гудзона" и смириться с ее правом вести торговлю вдоль берегов этого северного залива. Франция, кроме того, признала Ньюфаундленд английской тер-

риторией, а самое главное — она передала Англии Акадию, так что полуостров стал снова называться Новой Шотландией и сохраняет это название до сих пор, а Николсон стал его первым губернатором.

СТАВКИ СДЕЛАНЫ

Франция и Россия

Утрехтский договор никоим образом не успокоил ситуацию в Северной Америке и не обеспечил принципов раздела прибылей между Англией и Францией. Во-первых, нигде не были установлены четкие границы. Континент просто не был достаточно хорошо изучен, чтобы сделать это. Оставалось еще много спорных территорий и почва для новых столкновений.

Кроме того, было ясно, что Франция не намерена признать свои потери в “войне королевы Анны” окончательными и будет готовиться к новой борьбе, исход которой, возможно, окажется более удачным для нее.

Сразу к северо-востоку от Новой Шотландии, к примеру, находится остров Кейп-Бретон, отделенный от суши таким узким проливом, что кажется ее частью. Он оставался французским и тогда, когда Франция потеряла Новую Шотландию. Как только Утрехтский договор был подписан, Франция начала строительство укрепления в самой восточной части острова, назвав это укрепление Луисбург в честь Людовика XIV (который умер в 1715 г., через два с половиной года

после окончания войны, процарствовав семьдесят два года). Луисбург последовательно укреплялся, и стало очевидно, что французы стремились сделать его опорным пунктом в устье реки Святого Лаврентия с целью предотвратить все возможные походы вверх по реке к Квебеку. Кроме того, он мог стать базой для рейдов на юг против Новой Шотландии и Новой Англии.

Но укрепленный пост в Луисбурге не был для французов единственной возможностью поднять свои ставки. Во время “войны королевы Анны” они постоянно укрепляли свою власть во внутренних регионах страны и постепенно приходили к тому же видению действительности, что и Ла Саль.

Начал подобную деятельность Пьер Ле Мойн д’Ибервиль, принимавший активное участие в “войне короля Вильгельма”. На самом деле именно он возглавлял отряд, грабивший Скенектади в 1690 г. Когда война закончилась, он и его брат Жан Батист Ле Мойн де Бьенвиль были назначены ответственными за развитие областей в низовьях Миссисипи.

В 1698 г. они исследовали дельту Миссисипи; а затем, в 1699 г., основали первое французское поселение на побережье Мексиканского залива, примерно на семьдесят миль западнее реки, рядом с современным городом Билокси. В 1706 г. Ибервиль умер, но деятельность его брата продолжалась.

В 1710 г. был основан Мобил еще пятьюдесятью милями западнее; а затем, в 1716 г., на триста миль вверх по Миссисипи — Натчез. В конце концов в 1718 г. был основан Новый Орлеан, примерно в семидесяти пяти милях от устья реки. Он сделался цветущим городом и к 1722 г. уже был столицей всей Луизианы.

Французское господство на верхней Миссисипи и в регионе Великих озер тоже укрепилось. В Детройте между озерами Гурон и Эри Антуан де Ла Мот Кадиллак в 1701 г. основал поселение. Очень скоро были основаны также Каскаския и Каоки в современном Иллинойсе, в 1705 г. Винсенс в современной Индиане. В течение короткого времени целая цепь фортов была основана на территории между Великими озерами и Мексиканским заливом.

Все эти действия не вызвали серьезного сопротивления европейцев. Испания находилась в полном упадке. В 1698 г., как только экспедиция Ибервиля начала исследовать дельту Миссисипи, испанцы основали поселение в Пенсаколе на берегу Мексиканского залива, пытаясь таким образом препятствовать продвижению французов в направлении Флориды. В 1718 г. они основали Сан-Антонио в Техасе, чтобы не дать последним возможности продвигаться к Мексике. Юго-восточные индейцы мешали движению французов на восток от низовьев Миссисипи.

Однако силы испанцев во Флориде были подорваны рейдами каролинцев во время “войны королевы Анны”, а индейцы были ослаблены войнами с английскими колониями.

В целом французы неуклонно продвигались вперед, и после “войны королевы Анны”, когда Англия получила замерзшие берега Гудзонова залива и полуостров Новая Шотландия, Франция укрепила свой контроль на территории больше миллиона квадратных километров, представлявшей собой неисчерпаемый источник силы и богатства. Ставки на самом деле пошли вверх.

А тем временем еще одна страна вступила в борьбу за земли Северной Америки, но в совершенно другой ее части.

В течение двух веков после путешествий Колумба восточное побережье Америки от Гудзонова залива далеко на севере до крайней оконечности Южной Америки было исследовано и занесено на карты. На западе береговая линия была изучена от крайней оконечности Южной Америки к северу только до Калифорнийского побережья.

Таким образом, какие бы огромные территории ни оставались неизвестными внутри обоих континентов, единственной неисследованной частью побережья оставался только северо-запад Северной Америки. Как раз через этот северо-западный угол люди впервые попали в Америку за много тысяч лет до этого. И именно этим путем двигалась теперь одна европейская страна.

Этой европейской страной была Россия.

Русские жили на огромной Восточно-Европейской равнине, между Черным и Балтийским морями. В XIII в. они оказались под властью монголо-татар, и лишь через полтора столетия отдельные области России вновь стали обретать свободу.

В 1380 г. правитель княжества, центром которого был город Москва (регион, называемый на Западе Московия), одержал в сражении победу над предводителями татар. Хотя эта победа и не положила конец татарскому игу, она сделала Москву центром русского патриотизма. Под властью сильных правителей, сменявших один другого, Московское княжество расширялось. В 1478 г. Иван III присоединил к нему огромные, почти не заселенные лесистые территории на Севере, и с тех пор стало возможным говорить скорее о России, чем о московском регионе. Затем, в 1552 г., его внук Иван IV нанес татарам окончательное поражение и завладел ог-

ромными восточными территориями ближе к Каспийскому морю.

Во время правления Ивана IV российские торговцы мехом сами по себе без всякой поддержки со стороны правительства проникли на Восток, за пределы территорий, контролируемых силами русских. Чем дальше они шли, тем сильнее расширялись русские владения. В 1581 г. они пересекли Уральские горы и углубились в непроходимые леса Сибири. К 1640 г. русские искатели приключений стояли на берегу Тихого океана, значительно севернее Китая.

Поскольку океан преградил им путь, они двинулись на юг, в более теплые края, а это означало неизбежное столкновение с Китаем. Русские, находясь за шесть тысяч миль от своей столицы, не могли позволить себе встретиться лицом к лицу с китайцами, и в 1689 г. им пришлось подписать Нерчинское соглашение, в котором были установлены четкие пределы их движения на юг.

К этому времени определилась судьба России. В 1682 г. на трон под именем Петра I взошел десятилетний мальчик. Он вырос в видного, семи футов роста великана, в котором жестокость уживалась с гениальностью. Под его властью Россия влилась в основное русло европейской истории. Петр сделал все возможное, чтобы своей все сокрушающей волей привить в вялой инертной России достижения западной науки и техники. В 1709 г. (во время “войны королевы Анны” в Америке) ему удалось одержать верх над Карлом XII, полусумасшедшим-полугениальным воином, королем Швеции, и оттеснить турок дальше к югу.

Защищенный на Западе, Петр обратил свое внимание на Дальний Восток. Он еще не мог бросить вызов Китаю, а движению на юг препятство-

вали его собственные бесконечные владения в Сибири. Но тем больше причин было у России двигаться в других направлениях — на восток, и еще раз на восток.

В 1724 г. Петр назначил Витуса Йонассена Беринга, датского моряка на русской службе, главой экспедиции в восточносибирские области с целью определить, можно ли добраться до Северной Америки по суше.

В следующем году Петр умер, но Беринг продолжил свою экспедицию при поддержке вдовы Петра, правившей теперь как императрица Екатерина I. На Камчатке, огромном дальневосточном полуострове, вытянутом на юг, он построил корабли и начал морское путешествие, в результате которого в 1728 г. выяснил, что Сибирь действительно ограничивалась водным пространством, отделявшим ее от Северной Америки.

Это водное пространство, называющееся теперь Беринговым проливом в его честь, не широко, а потому не является серьезным препятствием для проникновения на соседний континент.

Беринг продолжил исследовать море южнее пролива (теперь Берингово море) и в 1741 г. обнаружил цепь островов, ограничивавших его на юге и тянувшихся от Сибири к Северной Америке. Сегодня их называют Алеутскими островами. Во время своей последней экспедиции 1741 г. он увидел южный берег современной Аляски.

Вскоре после этого Беринг погиб; но его открытия стали для России основанием претендовать на северо-западную часть Северной Америки.

Великобритания

На заре нового столетия серьезные изменения произошли и в английских колониях. По сути дела, они перестали быть английскими, поскольку Англия перестала быть Англией.

В течение ста лет, с тех пор как в 1603 г. на английский престол взошел Яков I, Англией и Шотландией управлял один король, но у каждой страны была своя исполнительная власть, свои законы и свое правительство. Это были независимые народы, объединенные лишь властью одного короля.

Однако после свержения Якова II Англия стала опасаться, что Шотландия сама захочет восстановить на престоле его самого или — после его смерти — его сына, называвшего себя Яковом III, который стал бы Яковом VIII Шотландским.

Чтобы уменьшить шансы образования на острове по-настоящему независимой Шотландии, правительство королевы Анны 6 марта 1707 г. провело в жизнь “Акт об унии”. Шотландия отказалась от отдельного парламента, и двумя народами с тех пор управляли как одним. Объединенный остров стал называться “Объединенное королевство Великобритании” (обычно более кратко его называют либо “Объединенное королевство”, либо “Великобритания”). А подданные королевы, хоть сами и могли считать себя англичанами или шотландцами, официально были теперь “британцами”.

И таким образом, с 1707 г. прибрежные колонии, основанные англичанами или захваченные ими, мы должны называть британскими.

Население британских колоний увеличивалось, они развивались и постоянно расширялись в западном направлении, но не строя, как французы, отдельные изолированные форты, а расширяя фермерские участки и увеличивая количество городов. Они занимали все большую и большую площадь, основательно укрепляясь на ней. Ставки возросли.

Прирост населения не означал увеличения численности одних британцев. Иммигрантам из других стран не чинили никаких препятствий и, к примеру, за годы “войны королевы Анны” в колонии прибыли тридцать тысяч немцев. Большинство из них направились в Пенсильванию, и в областях западнее Филадельфии до сих пор живут «пенсильванские голландцы», являющиеся в большинстве своем потомками этих ранних иммигрантов.

Продвигаясь на запад, Пенсильвания была меньше озабочена расширением своих земель на востоке, она предоставила трем юго-восточным округам (бывшим когда-то Новой Швецией) право иметь собственные законодательные органы. Впервые законодательное собрание заседало 22 ноября 1704 г., и три округа стали колонией Делауэр. Но Делауэр продолжал признавать власть губернатора Пенсильвании еще семьдесят пять лет.

Изменения совсем другого характера произошли на востоке Пенсильвании, где две колонии объединились в одну. 17 апреля 1702 г. Восточный и Западный Джерси отказались от своих отдельных уставов и объединились в колонию Нью-Джерси.

Помимо Пенсильвании на запад расширились две самые южные колонии, Виргиния и Каролина. Позиции Виргинии были предпочтительнее, ведь Каролина представляла собой огромную территорию с очень немногочисленным населением, концентрировавшимся на севере, — в области залива Албермерл, примыкающей к Виргинии, и на юге рядом с Чарлстоном. Выборный уполномоченный правитель на севере отвечал перед южным, а между этими двумя областями простиралась огромная незаселенная территория.

В 1710 г. был основан Нью-Берн в восьмидесяти милях к юго-западу от Албермерла, и таким образом началось заселение территории между севером и югом.

Индийское племя тускарора, жившее вдоль побережья южнее Албермерла видело, как белые вторгаются на их территории, как похищают их детей, чтобы сделать из них рабов. Выведенные из терпения, они начали войну обычным для них способом: внезапным нападением. Нанеся удар 22 сентября 1711 г., они устроили резню среди поселенцев, которых смогли обнаружить в Нью-Берне и его окрестностях. Было убито двести человек, в том числе восемьдесят детей.

Ущерб был таков, что колонисты даже не смогли организовать акцию возмездия, как это обычно происходило после нападения индейцев. Поэтому они обратились за помощью. Последовавшая реакция продемонстрировала степень разобщенности колоний и их полное безразличие друг к другу.

Виргиния вела с Каролиной долгие пограничные споры, и, когда пришла просьба о помощи, колония потребовала за это территориальных уступок. Каролина не согласилась, и Виргиния помощи не оказала.

Люди, между тем, прибывали из южной части колонии, и в течение 1712 и 1713 гг. племя тускарора потерпело поражение в трех битвах, и его сила была сломлена. У племени, к счастью для него, были связи с Ирокезской конфедерацией, так что оставшиеся в живых двинулись к северу, в окрестности Нью-Йорка, и нашли там новые уголья для охоты.

Война с индейцами тускарора показала всю непрактичность попыток управлять Албермерлом из Чарльстона. 9 мая 1712 г. Албермерлу было дано право иметь собственного губернатора, и колония Каролина разделилась на две — “Северную Каролину” и “Южную Каролину” (причем первая была больше, вторая — богаче), и такая ситуация сохраняется по сей день.

В 1715 г. в Южной Каролине разразилась новая, еще более ожесточенная индейская война. Индейское племя ямаси двинулось с испанских территорий на север и напало на жителей Южной Каролины. Помощь из густонаселенной Виргинии вновь не пришла. Лишь в 1717 г., когда индейцы чероки, принявшие сторону белых, напали на ямаси, восстание удалось подавить.

Помимо индейцев южным колониям досаждало пиратство — похищение судов, захват грузов, убийства экипажа и пассажиров в открытом море. Промысел, который становится выгодным, если морские маршруты плохо контролируются.

Пиратам необходимы были надежные гавани, где они могли бы отдохнуть между своими набегами, починить корабли, пополнить запасы, нанять новый экипаж и так далее. Таких мест было бесчисленное множество на мелких островах Вест-Индии. Были они и на фактически не заселенном побережье Каролины, где пираты чувствовали себя в полной безопасности.

Во время “войны королевы Анны” колонисты даже приветствовали пиратство, ведь им перепадала часть добычи, захваченной пиратами у французских и испанских мореплавателей. Когда же аппетиты морских разбойников распространились на британские суда, а тем более на суда самих колонистов, отношение к ним резко изменилось.

Многие пираты приобретали известность, (и, как это случается со многими незаурядными бандитами, после их смерти о них ходили легенды, идеализировавшие их истинный облик). Возможно, наиболее известен среди них был капитан Кид, хотя на самом деле он пиратствовал недолго. Уильям Кид, сын пресвитерианского священника, родился в Шотландии. В 1695 г. он был отправлен сражаться с пиратами, грабившими британские корабли в Индийском океане. Вместо этого он захватил несколько кораблей и стал пиратствовать сам.

Потом Кид отправился в Вест-Индию, где выяснил, что его разыскивают как пирата. Он пытался доказать свою невиновность, утверждал, что к пиратству его принудил взбунтовавшийся экипаж, возмущенный тем, что не получает жалованья. Однако рассказ никого не убедил. 6 июля 1690 г. он был схвачен в Бостоне и отправлен в Англию, где его судили вынесли обвинительный приговор. 23 мая 1701 г. капитан Кид был повешен.

Громкая слава Кида объясняется не его ничем, в общем-то, не примечательными пиратскими похождениями, а слухами о том, что он зарыл часть своей добычи где-то в восточной части Лонг-Айленда. Слухи эти обрастали подробностями, тайники Кида искали уже по всему побережью, благодаря чему память о нем жила долгое время.

Намного более удачливым пиратом оказался Бартоломью Робертс, валлиец по происхождению. По слухам, он захватил более четырехсот кораблей до того, как погиб в сражении в 1722 г. в возрасте сорока лет. Считается, что дело у него было поставлено на чисто деловую основу, команда проходила суровый отбор. Сам он был трезвенником, и хотя пить членам своего экипажа — в умеренных количествах — разрешал, зато категорически запрещал играть в карты и брать на борт женщин.

Известен, кроме того, и Эдуард Тич. Во время “войны королевы Анны” он был капером, (то есть нападал на неприятельские суда с разрешения правительства) и грабил французские и испанские корабли. После войны, однако, он стал менее разборчив. Из-за своей роскошной, кудрявой бороды Тич получил прозвище Черная Борода.

В 1717 г. он захватил французское судно и снарядил его сорока пушками, сделав из него таким образом внушительный военный корабль. Он зимовал на островах, расположенных вдоль побережья Северной Каролины и, возможно, был там в безопасности именно потому, что некоторые официальные лица колонии получали часть его прибылей.

Погубила его Виргиния. Хорошие отношения Черной Бороды с властями Каролины не прибавляли ему популярности среди властей Виргинии, которые склонны были считать Каролину скорее враждебным регионом, чем колонией-союзницей. В 1718 г. Виргиния снарядила корабли под предводительством Роберта Мейнарда. Черная Борода был окружен на одном из узких островков у побережья Северной Каролины. В ходе ожесточенной схватки с большим количеством

потерь с той и с другой стороны Мейнард сошелся с Черной Бородой один на один и убил его.

После этого пиратство стало мало-помалу сходиться на нет, эпоха его была увековечена в книге Роберта Льюиса Стивенсона “Остров сокровищ”.

Джорджия становится тринадцатой

Возрастающая сила каролинцев и одновременно неуклонное ослабление Испании поставили Южную Каролину перед искушением двинуться на юг как в поисках новых земель, так и для того, чтобы оттеснить индейцев. Каролинцы так и поступили, несмотря на протесты Испании, и в 1727 г. между Южной Каролиной и Флоридой уже фактически шла война. Вооруженные отряды из Южной Каролины делали набеги на окрестности Сент-Огастина, и вскоре стало понятно, что Испания не в состоянии больше удерживать всю территорию между Сент-Огастином и Чарлстоном.

Это означало, что может найтись место для еще одной английской колонии к югу от Южной Каролины; Джеймсу Эдуарду Оглторпу, британскому солдату и большому гуманисту, это представлялось даром небес.

В юности Оглторп воевал против турок на стороне австрийцев, а затем, в 1722 г., стремясь найти путь к достижению мира, стал членом парламента. Там он работал в комитете, занимавшемся проблемами британских тюрем.

Тюремные условия в то время были за пределами добра и зла. Более того, в ходу было заключение в тюрьму за долги. А поскольку пребывание в тюрьме само по себе не давало узнику возможности самому выплатить долги, он зачастую оставался в застенке пожизненно за “преступления”, бывшие обычно результатом бедности и беспомощности, а отнюдь не каких-то порочных наклонностей.

Сердце Оглторпа обливалось кровью, и он подумал, что раз возможно было основать в Америке колонии — прибежище для людей определенного вероисповедания, то почему бы не сделать того же для бедняков и неудачников любого вероисповедания?

Девятого июня 1732 года ему удалось получить право основать такую колонию к югу от территории Южной Каролины. Британское правительство весьма охотно пошло на это, полагая, что ничего не потеряет, высылая бедняков в такое место, где они окажутся полезными в борьбе с испанцами и индейцами, нападающими на Каролину.

В Британии в то время правила новая династия. Королева Анна умерла, не оставив наследников, в 1714 г., вскоре после заключения Утрехтского договора. Парламент отверг католика, сына Якова II, предпочтя ему Георга Ганноверского, правнука Якова I и троюродного брата королевы Анны, который стал английским королем Георгом I. Говоривший только по-немецки и абсолютно не интересовавшийся делами Британии, король довольствовался своим высоким титулом, предоставив все дела в ведение правительства и премьер-министра. Таким образом была заложена современная модель управления Великобританией, где монарх, как бы он ни был популярен, является главой государства лишь номинально.

В 1727 г. Георг I умер, и ему наследовал его сын Георг II, подобно отцу охотно отдавший бразды правления в руки премьер-министра. Именно Георг II даровал Оглторпу право основания колонии, и в его честь колонию назвали Джорджия.

В январе 1733 г. Оглторп со ста двадцатью колонистами высадился в Чарлстоне и двинулся оттуда на юг, к устью реки Саванны, служившей границей Южной Каролины. Там, 12 февраля, на южном берегу этой реки, он основал одноименный город.

Оглторп сделал все возможное, чтобы создать колонию, основывающуюся на гуманистических принципах. Он старался препятствовать появлению крупных состояний, запретил продажу крепких напитков и ввоз темнокожих рабов. Но с течением времени жесткие правила смягчались, и Джорджия приобщилась к образу жизни южных колоний. К 1755 г., когда количество белых поселенцев в Джорджии было все еще около двух тысяч, там уже насчитывалась тысяча рабов-негров.

В 1733 г. число колоний, как принято считать, достигло тринадцати. Они тянулись с севера на юг в такой последовательности: Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия.

У шести из них уже тогда были те же границы, что сегодня у одноименных американских штатов: это Массачусетс (не считая его поселений на территории нынешнего штата Мэн), Коннектикут, Род-Айленд, Нью-Джерси, Делавэр, Мэриленд. Другие семь (и южная часть Массачусетса) в дальнейшем расширились.

Тринадцать колоний развивались различными путями. Отношение к религии постепенно становилось более либеральным. Например, в 1696 г. Южная Каролина официально даровала свободу вероисповедания всем протестантам. В 1709 г. квакерам разрешили открыть молельный дом в Бостоне, где за полвека до того их вешали только за то, что они были квакерами.

Однако религиозная терпимость не распространялась, по крайней мере официально, на католиков. Даже Мэриленд, который основали именно католики, не был католическим уже со времен Кромвеля. В 1704 г. католикам было запрещено публичное отправление культа. После свержения Якова II в 1688 г. право управления колонией было отобрано у Балтиморов, семейства католического, и возвращено им в 1715 г., когда один из них перешел в протестантство.

Тем не менее активным преследованиям католики (как, впрочем, и иудеи) не подвергались.

В то же время делались и шаги к отмене рабства, по крайней мере на севере. В Нью-Йорке 12 апреля 1712 г. произошло восстание рабов, которое быстро подавили; двадцать темнокожих были убиты или повешены. Это восстание, хоть и не имело успеха, показало, что статус рабовладельца имеет и свои минусы. Поэтому 7 июня того же года Пенсильвания (со своими квакерскими устоями) издала закон, запрещающий ввоз темнокожих рабов. Разногласия по поводу рабовладения между Севером и Югом возникли позднее.

Либерализация общественной жизни и развитие гражданских свобод продолжались и в другом направлении. Колонисты, имея за плечами английскую традицию самоуправления, были твердо убеждены, что все они (даже те, чьи пред-

ки не были англичанами) должны сохранить в своей новой земле права свободных англичан. В том числе и право безнаказанно высказывать свое мнение, как устно, так и в печати.

Двадцать четвертого апреля 1704 г. начала издаваться “Бостон Ньюслеттер” — первая в Америке регулярная газета. За ней последовали другие, и вскоре уже появились публикации, критикующие колониальное правительство. Первопроходцем здесь стал журналист Джон Питер Зенгер, немец, переехавший в Нью-Йорк в 1710 г.

Первые десятилетия XVIII века “Нью-Йорк газетт” была главной газетой колонии и контролировалась ее губернатором Уильямом Косби и другими должностными лицами.

Пятого ноября 1733 г. Зенгер начал издавать еженедельник “Нью-Йорк уикли джорнел”, оспаривавший официальную версию новостей, разоблачавший лицемерие и коррупцию и не опасавшийся яростно атаковать самого Косби. В 1734 г. на муниципальных выборах победило большинство противников Косби.

Косби был уверен, что это произошло из-за публикаций Зенгера, и арестовал его за клевету 7 ноября 1734 г.

Дело должен был рассматривать суд присяжных, однако Косби запугал адвокатов, пытавшихся защищать Зенгера, и, более того, настоял на том, что только судьи могли решать, имела ли место клевета, были ли выступления Зенгера нежелательными для губернатора, содержалась ли в них правда или нет.

Задача присяжных заключалась главным образом в том, чтобы установить, имел ли место сам факт публикации клеветы. (Все это означало, что Зенгер ни при каких условиях не будет оправдан.)

Суд состоялся в августе 1735 г., и Зенгер был бы наверняка осужден, если бы не внезапное появление Эндрю Гамильтона, адвоката из Филадельфии, самого уважаемого во всей Америке.

В своем трогательном и живом выступлении Гамильтон утверждал, что правда, какой бы неприятной она ни была, не является клеветой, что судьи должны решить, правда или ложь содержалась в публикациях, и что свобода печатать правду, пусть и нелестную для властей предрержащих, представляет собой неотъемлемое право англичан. Судьи и общество энергично поддержали Гамильтона.

Решение оправдать Зенгера, разумеется, не пресекло попыток властей установить контроль над прессой, но сделать это стало намного сложнее. Газет в колониях становилось все больше, и даже в Виргинии, где еще недавно Беркли радовался отсутствию печатного слова, 6 августа 1736 г. появилась “Виргиния газетт”.

Критика должностных лиц продолжалась (и была весьма энергичной, а порой и несправедливой), а власть постепенно переходила от исполнительных органов — владельца или назначенного королем губернатора — к законодательным, избираемым народным голосованием. Точнее, участвовал в этом ограниченный контингент избирателей, поскольку во всех колониях голосовать могли только мужчины с определенным уровнем доходов.

Прогресс в колониях повлек за собой некоторые экономические проблемы для Великобритании. Улучшение дорог облегчило передвижение между колониями и способствовало установлению торговых связей. Люди из одной колонии смогли покупать товары в другой, а не в Англии. А этого метрополия одобрить не могла.

Например, в 1699 г. в Англии был издан так называемый “Шерстяной акт”, запрещавший одной колонии поставлять шерсть или изделия из нее другой. Колонии, имевшие шерсть для продажи, отныне не могли продавать ее ни в других колониях, ни в Англии, а должны были использовать только сами. Колониям же, нуждавшимся в шерсти, приходилось покупать ее у англичан. Это еще один пример стремления Англии отдать все прибыли своим мануфактурам за счет колоний.

Еще более несправедливыми выглядели попытки Англии ущемлять права тринадцати вышеназванных колоний ради двух других.

Дело в том, что помимо тринадцати уже перечислявшихся нами колоний в Северной Америке существовали и другие. Мы говорим о тринадцати, поскольку только они в конце концов добились независимости от Великобритании. Но человек, пожелавший сосчитать английские колонии в 1733 г. (после основания Джорджии) получил бы иное число.

Четырнадцатой была Новая Шотландия, а пятнадцатой — Ньюфаундленд. Тут, правда, следует уточнить, что население Новой Шотландии составляли по большей части французы, а в Ньюфаундленде его вообще почти не было, поэтому реальной угрозы интересам тринадцати колоний они не представляли, а у Великобритании не было оснований их поддерживать.

Однако на Юге существовали еще две колонии — вест-индские острова Ямайка и Барбадос, заселенные раньше материковых. Они приносили намного больше прибыли и доставляли намного меньше проблем, чем колонии на материке, так что к ним британская корона была гораздо благосклоннее.

По площади Ямайка ненамного уступала Коннектикуту, а население ее в 1733 г. составляло больше пятидесяти тысяч человек, то есть почти вдвое превышало население Коннектикута. Население Барбадоса, площадь которого была равна лишь половине современного Нью-Йорка, составляла семьдесят пять тысяч человек. (Большую часть населения этих островов составляли негры-рабы, белых же на обоих островах было не больше пятнадцати тысяч.)

На этих британских островах производили сахар, и очень прибыльной статьёй экспорта для них были меласса и ром. В обмен на эти товары жители материковых колоний, в частности Новой Англии, поставляли свою собственную продукцию. Получив ром, можно было отправиться в Африку и обменять его на темнокожих рабов, а затем выгодно продать их в Америке. На каждом этапе этой трехсторонней торговли, начавшейся около 1698 г., предприимчивые люди получали отличную прибыль.

Когда французские и голландские острова в Вест-Индии увеличили производство сахара и предложили цены более низкие, чем острова британские, материковые колонии с величайшей охотой устремились туда, где было выгоднее. Британские острова понесли серьезные убытки и стали оказывать давление на английское правительство, не оставшееся безучастным. 17 мая 1733 г. Великобритания издала «Мелассовый акт», по которому небританский сахар и ром облагались огромной пошлиной. Это означало, что колонистам придется вести торговлю с Британией по более высоким ценам, а прибыли потекут в карманы островных плантаторов. Колонисты в ответ активизировали контрабандную деятельность. Вся политика экономического контроля

не принесла Великобритании добра, посеяв среди колонистов ожесточение, и в итоге обернулась для нее великими потерями.

“Война короля Георга”

С 1700 г. во Франции и в Испании правили представители одной династии, но их интересы тем не менее не совпадали. Первый испанский король из династии Бурбонов, Филипп V, полагал, что при нем страна сможет снова играть экспансионистскую роль, принадлежавшую ей за полтора века до того. Поэтому в 1717 г. он отправил армию в Италию и затеял сложную интригу с целью унаследовать французский трон, принадлежавший в то время его племяннику Людовику XV.

В итоге Англия, Священная Римская империя, Нидерланды и Франция объединились в Четверной союз, чтобы поставить Испанию на место. И это им быстро удалось.

Эта война Четверного союза не отразилась на британских колониях в Северной Америке. Однако военные действия велись между Францией и Испанией на побережье Мексиканского залива, от Флориды до Техаса. Французы атаковали Пенсаколу на северо-западе Флориды, в то время как испанцы отправляли вооруженные отряды в северном направлении и достигли территории современной Небраски.

Оба наступления провалились, а с окончанием войны в Европе сражения в Северной Америке

ке тоже прекратились, причем без какого бы то ни было территориального передела. Слабость Испании стала столь явной, что другие страны готовы были напасть на нее, используя самый ничтожный повод.

Например, Испания, как и все страны-колонизаторы того времени, безрезультатно пыталась контролировать колониальную торговлю в собственных интересах. Поэтому она жестоко наказывала контрабандистов, если, конечно, ей удавалось их поймать. Одним из таких контрабандистов был Роберт Дженкинс. Испанцы схватили его в 1731 г. и в наказание отрезали ему ухо.

Дженкинс ухо сохранил и в 1738 г. на допросе в комитете Палаты общин показал высушенное ухо. Его история завладела воображением англичан, уже разогретых рассказами о зверствах испанцев, и требования начать войну звучали все громче. 19 октября 1739 г. Великобритания объявила Испании войну, получившую самое диковинное за всю историю название — «война из-за уха Дженкинса».

Частично эта война велась на море. Один из главных ястребов того времени, Эдуард Вернон, рвался в бой и утверждал, что возьмет Портобелло на северном берегу Панамы, имея под своим началом не больше шести кораблей. 22 ноября 1732 г. он легко выполнил эту задачу. Долго удерживать Портобелло он не мог, поскольку было ясно, что Испания организует контрнаступление; поэтому он разрушил укрепления города, затем оставил его и отправился домой.

Временный захват Портобелло, хоть и не сыграл большой роли в войне, рассматривался как большая победа. Поэтому Вернону была поручена гораздо более ответственная операция —

захват большого города Картахены на территории современной Колумбии.

Эти планы потерпели фиаско. В 1741 г. Картахена была осаждена, но штурм ничего не дал, и больше половины солдат и матросов Вернона умерли от желтой лихорадки. Вернону пришлось снять осаду и вернуться восвояси.

Вернон живет в нашей памяти (и даже языке) и по другой причине. В плохую погоду он носил плащ из грубого шелка (по-английски *grogam*), за что получил прозвище Старый Грог. Он был первым, кто стал давать экипажу ром, разбавленный один к пяти водой, чтобы матросы не напивались неразбавленным напитком. Это питье до сих пор называется грогом.

Но для американцев более важен тот факт, что под началом Вернона у стен Картахены находился отряд виргинцев. Среди них был Лоуренс Вашингтон, восхищавшийся Верноном. В 1743 г., после возвращения из Виргинии, Лоуренс Вашингтон назвал свое имение у реки Потомак Маунт-Вернон в честь адмирала. Маунт-Вернон стал теперь американской национальной святыней, так как ассоциируется с младшим братом Лоуренса, Джорджем, и одновременно увековечил Старого Грога, хотя знают об этом немногие.

“Война из-за уха Дженкинса” шла и на суше, причем основные удары пришлись на Джорджию, поскольку Испания рассматривала эту войну как возможность уничтожить колонию, основанную на территории, которую она считала своей.

Однако в Джорджии Оглторп не был захвачен врасплох. Он вовремя соорудил форт в устье реки Сент-Мэрис, на сто миль южнее Саванны, и всего шестьюдесятью милями севернее Сент-

Огастина (Сент-Мэрис теперь служит границей между Джорджией и Флоридой).

Как только в мае 1740 г. война была объявлена, Оглторп выступил на Юг с объединенными силами Джорджии и Южной Каролины и осадил Сент-Огастин. Но действия двух групп колонистов были плохо согласованы, так что испанцы сумели нанести им удар с тыла, вынудив Оглторпа вернуться в Джорджию.

Затем последовал провал Вернона у Картахены, и настала очередь Испании планировать масштабную морскую экспедицию. Флот из тридцати кораблей покинул Кубу, получив подкрепление в Сент-Огастине, и подошел в 1742 г. к берегам Джорджии на пятьдесят миль южнее Саванны.

Оглторп отступил на север, но 7 июля 1742 г. ему удалось заманить отряд испанцев в ловушку и перебить многих из них в так называемой “битве на кровавом болоте”. Полученный отпор деморализовал испанцев, и они прекратили нападения на берега Джорджии.

В 1743 г. Оглторп вновь попытался захватить Флориду и взять Сент-Огастин, и вновь потерпел неудачу. “Война из-за уха Дженкинса” зашла к тому времени в тупик и, возможно, вскоре кончилась бы, но случилось так, что она переросла в войну более масштабную.

Эта новая война тоже разразилась из-за споров о престолонаследии в Европе. В 1740 г. умер, не оставив сыновей, Карл VI, император Священной Римской империи (и одновременно австрийский эрцгерцог). Но у него была дочь — Мария Терезия, и он в течение многих лет добивался, чтобы другие монархи признали ее его наследницей.

Однако сразу после его смерти все охотники за престолом забыли о своих обещаниях. Это

был период подъема Пруссии, северогерманского государства, где в 1740 г. тоже появился новый монарх, Фридрих II. Он сразу же захватил Силезию, австрийскую провинцию, примыкавшую к Пруссии. Другие страны немедленно заключили с Пруссией союз против Австрии с намерением разделить с ней добычу. Среди этих стран были Франция и Испания.

У Великобритании не было необходимости вмешиваться в эту борьбу, но британский король Георг II являлся одновременно правителем Ганновера, западногерманского княжества, а в этом качестве он был заинтересован помогать Австрии. Британцы ничего не имели против, поскольку для них это означало лишь новую войну с Францией, борьба с которой так и так длилась уже полстолетия.

В Северной Америке эта война получила название “войны короля Георга”, и заменила собой “войну из-за уха Дженкинса”.

Как только разразилась, “война короля Георга”, французы попытались использовать свой новый форт в Луисбурге в качестве базы для наступательных операций. Но им мешала слабость их военного флота и то, что море контролировали британцы. Тем не менее они совершили набег на Аннаполис-Ройал в Новой Шотландии и напали на массачусетских рыбаков.

Как и во время предыдущих войн, Массачусетс попытался захватить Порт-Ройал, чтобы застраховаться от прямой угрозы со стороны французов; но на сей раз жители колонии обнаружили, что им придется иметь дело с гораздо более сильным Луисбургом.

Губернатором Массачусетса в это время был Уильям Ширли, одаренный человек, которому удавалось обеспечивать стабильность экономи-

ческого развития колонии. Он понимал, что необходимо устранить опасность, грозившую со стороны Луисбурга, но осознавал также, что для этого потребуются средства, которыми один Массачусетс не располагал. Ширли был настолько убедителен и красноречив, что смог набрать добровольцев не только в своей колонии, но и в Нью-Гэмпшире и Коннектикуте. Кроме того, поддержку оказали Новая Англия и Нью-Йорк. Это был один из первых удачных примеров совместных действий колоний.

Главой экспедиции был назначен Уильям Пепперелл, купец родом из Мэна, имевший некоторый опыт в военном деле. 24 марта 1745 г. транспортные суда двинулись на Север, подняв на борт три тысячи человек. К ним присоединились британские военные корабли, и 30 апреля колонисты высадились под стенами Луисбурга.

В течение шести недель недисциплинированные колонисты пытались штурмовать крепость, когда число их было достаточно для осады и когда они были достаточно трезвы. Французы отбивали атаки, но их было слишком мало, а сознание того, что они не смогут получить помощь, пока поблизости находятся британские военные суда, подавляло их боевой дух. Колонисты устраивали у стен форта буйные попойки, еще сильнее деморализовавшие французов, и 17 июня 1745 г. форт сдался, хотя и не подвергался сколько-нибудь серьезному и методичному штурму.

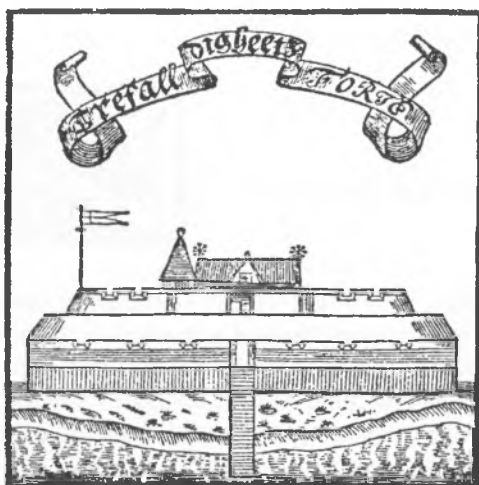
Это было величайшее военное достижение переселенцев. Георг II даровал Пеппереллу титул баронета, впервые оказав такую честь колонисту. (По любопытному совпадению и Пепперелл и Фипс, первый колонист, возведенный в рыцарское достоинство, были родом из Мэна.)

Французы собрали флот, надеясь вернуть себе Луисбург и всю Новую Шотландию. Флот попал в шторма и был вынужден повернуть назад, без единого выстрела потеряв практически половину экипажа.

Дальнейшие военные действия имели характер индейских набегов и приграничных стычек, продолжавшихся до тех пор, пока война в Европе не окончилась Ахенским договором (18 октября 1748 г.).

Великобритания и Франция заключили за столом переговоров сделку. Французы в ходе войны захватили город Мадрас в Индии, находившийся прежде во владении Великобритании, и теперь британцы, желавшие его вернуть, предложили в обмен Луисбург. Сделка состоялась, и колонисты из Новой Англии осознали горькую правду: для Великобритании прибыли от торговли в Юго-Восточной Азии значили неизмеримо больше, чем безопасность ее североамериканских колоний.

Жители Новой Англии понимали, что война с Францией вспыхнет вновь, причем достаточно скоро, и Луисбург опять станет для них источником опасности. Безусловно, не в их силах было что-либо изменить, но и забыть об этом они тоже не могли.

В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА

Колонии разрастаются

К концу “войны короля Георга” население британских колоний составляло один миллион двести пятьдесят тысяч белых и двести пятьдесят тысяч черных рабов; образ жизни старых прибрежных колоний становился все более цивилизованным. Прошло сто двадцать пять лет с возникновения первых поселений, и теперь это были уже не отдельные группы людей, жмущихся за частоколами.

Виргиния оказалась самой многочисленной колонией, насчитывающей двести тридцать одну тысячу человек (хотя сто тысяч из них были рабами). В четырех новоанглийских колониях жили триста шестьдесят тысяч человек, и среди них было совсем мало рабов. Самым большим городом был Бостон, население которого в 1750 г. составляло пятнадцать тысяч человек. Затем шли Нью-Йорк и Филадельфия — по тринадцать тысяч человек в каждом. Все стремительно разрасталось, закладывались новые города — Балтимор в Мэриленде (1730 г.), Огаста в Джорджии в 1735 г. и так далее.

От Нью-Гэмпшира до границы Северной Каролины земли постепенно заселялись. Были проложены хорошие дороги, а в 1732 г. пущен первый дилижанс. К середине века дилижансы перевозили пассажиров из Нью-Йорка в Филадельфию за три дня. Поездки из колонии в колонию стали обычным делом. Общий язык и общая опасность в лице французов и индейцев помогали преодолеть чувство разобщенности и положили основание дальнейшему объединению. Культура развивалась, и тут тон задавала Филадельфия. В 1731 г. в Филадельфии была открыта первая библиотека; первый изданный в колониях роман («Памела» Ричардсона), увидела свет именно в Филадельфии в 1744 г. В 1752 г. в Филадельфии появился общественный госпиталь.

В этот же период в колониях начинается оживление религиозной жизни, характерное для страны, в которую этим колониям в недалеком будущем суждено было превратиться.

Можно сказать, что в каком-то смысле это религиозное возрождение началось в Великобритании, там в Оксфордском университете Джон Уэсли собрал группу единомышленников, которые поставили себе задачей строгое соблюдение религиозных норм жизни. Этих людей в насмешку называли «методистами», так как Уэсли заставил их читать, молиться и совершать добрые дела методично по часам. Это шутивное прозвище стало официальным названием, как это случилось с квакерами и пуританами.

В 1735 г., вскоре после основания Джорджии, Джон и его брат Чарльз Уэсли пересекли океан и прибыли в молодую колонию, чтобы служить священниками у колонистов и вести миссионерскую работу среди индейцев. Эта затея потерпе-

ла крах, так как братья были совершенно не готовы к жизни на краю света.

Однако после того как они вернулись в Англию, их последователь Джордж Уайтфилд добровольно взялся за эту задачу, и 2 февраля 1738 г. прибыл в Джорджию. Он доказал, что был создан для такой работы, так как стал первым выдающимся проповедником-миссионером в Северной Америке. Он проповедовал для тысяч и тысяч человек. В 1740 г., после недолгого возвращения в Великобританию для сбора средств, он совершил поездку по всем колониям, от Саванны до Бостона, и везде, куда бы он ни направился, пробуждал великий энтузиазм и обращал множество людей в свою веру.

В Бостоне Уайтфильд встретил Джонатана Эдвардса, с 1734 г. читавшего потрясающе действенные проповеди об опасностях, подстерегающих тех, кто сошел с пути истинного, весьма узкого и тернистого, и о грозящей им перспективе угодить прямиком в адское пламя.

С Уайтфилдом, Эдвардсом и другими менее известными священниками колонии прошли через годы так называемого “Великого пробуждения”. Но этот период длился недолго (подъем никогда не длится долго), а религиозные лидеры консервативного толка относились к нему враждебно. Тем не менее “Великое пробуждение” расшевелило церковную жизнь, сделало церкви менее зависимыми от колониальных властей и открыло путь к большей религиозной терпимости. С этим периодом также связано основание колледжей. Колумбия, Принстон, Браун и Дартмут — все были основаны после “Великого пробуждения” и в какой-то степени в результате него. По мере того как религиозное возрождение затра-

гивало все колонии, чувство единения среди них возрастало и крепло.

Но хотя британские колонии и развивались, над ними постоянно нависала тень Франции. “Война короля Вильгельма” не принесла ничего нового по сравнению со всеми предыдущими войнами, и обе стороны, французская и британская, продолжали готовиться к следующему и возможно, более решительному сражению.

Обе стороны стремились укрепить свою позицию, и каждая пыталась удержаться на территориях, которые не принадлежали никому и находились между владениями двух колониальных держав. Наиболее обширная из таких территорий, простиравшаяся между южной оконечностью Великих озер и северным берегом реки Огайо, и от Миссисипи на западе до Аллеганских гор на востоке, в те времена обычно называлась “область Огайо”.

Если французам нетрудно было удерживаться в Огайо, то британские колонии восточнее от Аллеганских гор могли быть просто уничтожены там.

Чтобы предотвратить это, жители колоний, которые всегда стремились найти новые земли двигались на запад. Точнее, двигались они в течение ста пятидесяти лет и уже достигли Аллеганских гор, а после ахенского перемирия, усилившего ощущение, что столкновения с Францией не избежать, это продвижение ускорилося. Целью его было основание поселений около Аллеганских гор.

В 1748 г. виргинцы основали поселения в полях Дрейпер-Медоу в Аппалачах в двухстах милях от Атлантического океана. Власти Виргинии учредили “Компанию Огайо” с тем, чтобы побыстрее колонизировать верховья реки Огайо.

В 1750 г. Кристофер Гист, посланный исследовать эту местность, поднялся по Огайо примерно до места, где стоит современный Цинциннати. Другой исследователь, Томас Уолкер, проник на запад нынешнего Кентукки. Он был первым белым человеком, который детально обследовал эти края.

Изучала новые земли не только Виргиния. В 1750 г. торговцы из Пенсильвании устроили свою базу на реке Майами, за Аллеганскими горами, намного западнее теперешней границы Пенсильвании.

Что же касается Великобритании, она не принимала в этом никакого участия, а если и интересовалась развитием колоний, то лишь в том смысле, чтобы их развитию помешать, раз оно противоречило интересам британских мануфактур. Так, в 1732 г. Великобритания запретила одной из колоний производить шляпы на продажу для других колоний, дабы не ущемлять британских фабрикантов. В 1750 г. из тех же соображений было запрещено дальнейшее сооружение сталелитейных заводов. В 1751 г. запрет был наложен на выпуск бумажных денег, которые облегчали должникам-колонистам выплату долгов британским кредиторам.

Великобритания возлагала больше надежд на Новую Шотландию, которая была самой слабой из всех колоний и самой близкой к французам. Там она могла не опасаться недовольных жителей, которые выступали бы против нее, так как после сорока лет британского владычества в Новой Шотландии все еще попросту не было британских поселенцев. Хуже того, в ней все еще жили французские поселенцы, которые владели полуостровом в те дни, когда он назывался Акадией. Жители Акадии не забыли об этом и во время

“войны короля Георга” и сохраняли молчаливую враждебность по отношению к британцам.

В 1749 г. Джордж Монтаг Дунк, второй герцог Галифакс, который недавно стал председателем британского департамента торговли (департамент, в обязанности которого входило разбирать колониальные проблемы) приступил к решительным действиям. Он отправил туда тысячу четырехста колонистов, выпущенных из долговых тюрем, под предводительством губернатора Эдуарда Корнуолиса. В июне 1749 г. они высадились в центре восточного побережья полуострова, где основали город, названный Галифаксом. За ними последовали и другие поселенцы, и вскоре это уже был процветающий городок с четырехтысячным населением. Он стал центром британской администрации и с тех пор остается столицей Новой Шотландии.

Джордж Вашингтон

В то время как британцы и колонисты укрепляли свои позиции, французы тоже не дремали. Их по-прежнему было намного меньше, чем британских колонистов, во всех своих обширных владениях они насчитывали всего восемьдесят тысяч человек или около того. И все же французы неустанно расширяли ареал своих исследований, забираясь далеко на запад.

В 1730 и 1740-х гг. Пьер Готье де Варенн, сеньер де Ла Верендри, перебравшись через озеро

Верхнее, продвинулся на запад до самого озера Виннипег, где заложил несколько фортов. В 1742 и 1743 гг. он добрался до гор Блэк-Хиллс на территории современного штата Южная Дакота. И в 1749 г. два других французских путешественника, Пьер и Поль Малле, взглянули на Скалистые горы в современном Колорадо.

Французы продолжали сжимать тиски и вокруг Великих озер. Они установили форты у Ниагарского водопада, между озерами Эри и Онтарио — там, где теперь находится Торонто (на северном берегу озера Онтарио), и в месте нынешнего Огденсбурга, штат Нью-Йорк, на реке Святого Лаврентия.

Местность, представляющая главный интерес для обеих сторон, однако, лежала к югу от Великих озер. У Франции уже были форты на территории Огайо, и, возможно, не менее тысячи французов проживали там. Тем не менее их поселения были сконцентрированы в западной части этой территории, и ввиду постоянного проникновения британских колонистов в Аллеганские горы, французы понимали, что им следует продвигаться на восток. Губернатор Новой Франции, маркиз Дюкенъ, организовал необходимую экспедицию в 1753 г. Ее участники должны были пройти по территории Огайо, заявив французские претензии на нее. Эта экспедиция должна была установить метки, официально подтверждающие, что территория принадлежит Франции, и предупредить британских колонистов, с которыми она могла столкнуться, о том, что они должны уйти.

Более того, французы начали строить форты так далеко на востоке, как только могли, особенно активно в северо-западной части современной Пенсильвании.

Продвижение французов особенно волновало Виргинию. Из всех колоний Виргиния наиболее активно осваивала и заселяла западные земли, и у нее не было ни малейшего сомнения в том, что все территории в этих широтах, простирающиеся на запад, должны принадлежать ей.

Кроме того, главы колоний были вовлечены в спекуляцию землей, а именно покупали большие участки земли на западе задешево, а затем продавали ее намного дороже поселенцам. А если эту землю займут французы, столь прибыльной торговле немедленно придет конец. В то время губернатором Виргинии был Роберт Динвиди. Он и сам был земельным спекулянтom, но и не будь так, он не мог не увидеть в усилении французов угрозу для колоний. Он тщетно надеялся, что такое опасное положение найдет отклик у Великобритании. Тогда он решил действовать самостоятельно и, послав кого-нибудь на Запад, потребовать от французов, чтобы они убились. Это был чистейший блеф, ведь у него не было никакой возможности говорить с позиции силы. Но попробовать все же стоило.

Думая, кому поручить столь непростую задачу, он остановил свой выбор на молодом плантаторе из Виргинии, которому к тому времени был двадцать один год. Его звали Джордж Вашингтон.

Вашингтон родился 22 февраля 1732 г. по григорианскому календарю, который в то время использовался почти во всей Европе (сейчас он используется повсеместно). По юлианскому календарю, который тогда был принят в Великобритании и британских колониях, дата его рождения была 11 февраля. 1 января 1752 г. Великобритания и колонии приняли григорианский календарь, и молодой Вашингтон сменил прежнюю дату на новую.

Вашингтон — выходец из знатной семьи, его прадед, Джон Вашингтон, был сторонником Карла I, бежал из кромвелевской Англии и в 1657 г. поселился в Виргинии.

Отец Вашингтона, Огастин Вашингтон, имел детей от двух браков. Четырех от первого и шестерых от второго. Среди детей от первого брака был Лоуренс Вашингтон, который сражался с Верноном под Картахеной, а затем создал мемориал Маунт-Вернон. Старшим из детей от второго брака был Джордж. Огастин Вашингтон умер в 1743 г., когда Джорджу было одиннадцать лет, и мальчика вырастил старший единокровный брат Лоуренс, которого Джордж боготворил.

Наиболее популярная легенда о детстве Джорджа Вашингтона, поучительная история о вишневом дереве и фразе “не могу солгать” — на самом деле чистый вымысел, плод выдумки книготорговца Мэйсона Локи Вимса. Он написал биографию Вашингтона в 1800 г., через год после его смерти, и дополнил ее фантастическими подробностями, чтобы подстегнуть читательский интерес.

В 1748 г. в возрасте шестнадцати лет, Вашингтон решил вступить на поприще топографа, и в течение нескольких лет знакомился с дикими, неосвоенными землями на границах колонии, бродя по лесам и нанося увиденное на карту.

В 1751 г. Лоуренс Вашингтон, страдавший от туберкулеза, отправился на остров Барбадос, взяв с собой Джорджа (единственное путешествие, которое тот совершил за пределы колоний). Вашингтон заболел оспой, правда в легкой форме, но на лице у него навсегда остались отметины. В 1752 г. Лоуренс и его единственная дочь умерли, и в 1754 г. Джордж выкупил Маунт-Вернон у вдовы своего брата. Таким образом он стал одним

из самых крупных землевладельцев Виргинии. Восемнадцать черных рабов перешли к нему вместе с поместьем, и хотя Вашингтон в принципе и не поддерживал рабство, сам он владел рабами всю жизнь.

Вдохновленный воспоминаниями о сражении Лоуренса при Картахене, Джордж жаждал военной карьеры. Он принял пост адъютанта при Динвиди, когда последний стал губернатором в 1752 г. То, что Динвиди обратился за помощью именно к Джорджу Вашингтону, было вполне естественным. Вашингтон был крупным мужчиной шести футов двух дюймов росту, крепкого телосложения, прекрасный наездник. У него был огромный опыт походной жизни, он был храбр и жаждал деятельности. 31 октября 1753 г. Вашингтон выехал из Вильямсбурга с небольшой группой людей, в которую входил и путешественник Кристофер Гист. Им предстоял трудный путь длиной в четыреста миль, к тому же перед самым наступлением зимы. Но 4 декабря Вашингтон встретился с группой французских солдат в Форт-Ле-Беф, на месте современного Уотерфорда в Пенсильвании, двадцатью милями южнее озера Эри.

Французский капитан, старший в этом форте, оказался приятным человеком. Он распорядился, чтобы Вашингтон и его люди были накормлены и обогреты, и согласился выслать сообщение, предписывающее французам покинуть Огайо и вернуться в Квебек. Однако он не делал секрета из того, что французы совершенно не намерены уходить, что они, напротив, стремятся захватить и подчинить себе область Огайо. Вашингтон вынужден был с этим и уехать, и, подвергнувшись на пути еще большим опасностям, включая падение в ледяную реку, ранение, полу-

ченное в схватке с индейцами и блуждание по бездорожью, вернулся в Виргинию.

Из этого похода он вынес лишь наблюдения, касающиеся пройденной местности, военных приготовлений и укреплений французов.

План Динвиди провалился, и стало ясно, что из сложившейся ситуации мирным путем не выйти. Французы не уйдут с территории Огайо, если их оттуда не выгнать. Он попытался объединить другие колонии для решения этой задачи, но не преуспел и тут. Лишь Северная Каролина, казалось, была готова оказать небольшую поддержку, а законодательную власть самой Виргинии можно было уговорить выделить средства на военные действия с превеликим трудом. Что же касалось Великобритании, то она находилась в состоянии мира с Францией и не желала начинать войну из-за каких-то дальних лесов Северной Америки.

Вашингтон рассказал Динвиди о местечке в верхнем Огайо, где встречаются реки Аллегейни и Мононгахела, и убедил его, что оно идеально для устройства форта. Там уже жили какие-то поселенцы, но не хватало укрепления, которое возвышалось над окрестностями.

На Динвиди это произвело впечатление, он отправил туда отряд из ста шестидесяти человек во главе с полковником. Итак, они тронулись в путь 4 апреля 1754 г. Но пока отряд прокладывал свой путь в Форт-Камберленд (современный Мэриленд) и находились на двести миль северо-западнее Вильямсбурга, за восемьдесят миль от места назначения, Вашингтон получил неприятное известие, что его опередили. Французы тоже отметили выгоду облюбованного им места. 17 апреля 1754 г., изгнав немногочисленных виргинцев, они основали Форт-Дюкенъ, названный так в честь губернатора Новой Франции.

Вашингтону следовало бы вернуться, но он жаждал военных действий, к тому же и индейцы, жившие в окрестностях, были расположены к нему и обещали помочь в борьбе с французами. Вашингтон решил проверить, каков будет результат внезапной атаки.

Поэтому он продолжил свой поход и остановился, не доходя сорока пяти миль до Форт-Дюкенъ; и здесь устроил стоянку, которую назвал Форт-Несессити (недалеко от современного города Юнионтауна в Пенсильвании). Место было не слишком благоприятным, низким и болотистым, но Вашингтон намеревался использовать форт лишь как исходную точку для наступления. Люди стали стекаться к нему отовсюду, и по прошествии недолгого времени он уже командовал отрядом из четырехсот человек.

Двадцать восьмого мая Вашингтон во главе большого отряда вышел из Форт-Несессити и напал на группу из тридцати французов. Те никак не ожидали появления людей Вашингтона, ведь это был период мира и ни у одной стороны не было законных оснований открывать огонь.

Вашингтон (не забывайте, что ему тогда было двадцать два) не мог повернуть назад. Жаждающий действий, он убедил себя в том, что французы были шпионами, которые, если их не остановить, донесут о его слабости в Форт-Дюкенъ и разрушат эффект неожиданного нападения. Понимая, что жизнь его людей поставлена на кон, Вашингтон приказал идти в атаку на более многочисленных и ничего не подозревающих французов. Очень скоро десять из них были убиты, включая командующего Жюмонвиля, а остальные захвачены в плен.

Этот Перл-Харбор своего времени положил начало еще одной войне между Францией и Великобританией в Северной Америке.

Войну нельзя было назвать по имени британского монарха, ведь Георг II, чье имя дало название предыдущей войне, все еще был на троне. Поэтому ее назвали “войной с французами и индейцами” (неудачное название, так как его можно присвоить всем колониальным войнам).

Первый успех Вашингтона принес ему чин полковника, а также возможность получить значительное подкрепление. Однако французы, приведенные в ярость нападением, которое они сочли (и кстати, довольно справедливо) вероломным, выступили из Форт-Дюкенъ.

Вашингтон обнаружил, что перед ним пятьсот французов и четыреста индейцев. Видя такое численное превосходство, он благоразумно решил отступить в Форт-Несессити, но теперь неустроенность форта сослужила ему дурную службу. Лил дождь, и защитники форта буквально барахтались в грязи. Французы не предпринимали никаких попыток взять форт штурмом, но, расположившись в окружающем его лесу, методично отстреливали всех животных, которые попадались им за стенами, таким образом лишая людей Вашингтона источника пищи.

Через три дня, 3 июля, когда подошли к концу запасы продовольствия и пороха, Вашингтон вынужден был капитулировать. Но поскольку Франция и Великобритания формально еще не вступили в войну, французские отряды, которые сочли, что забота о многочисленных пленных — непосильный груз, решили освободить их и дать им возможность вернуться в Виргинию. Но прежде они хотели как-то наказать человека, который вероломно убил ни в чем не повинных французов.

ских солдат. Французы поставили условием, что Вашингтон подпишет признание в убийстве (“l’assassinat”) Жюмонвиля. Ради освобождения своих людей Вашингтон подписал.

Это признание в убийстве стало причиной жесткой критики и разбирательства в британском суде. Молодой Джордж Вашингтон, растерянный и униженный, представил довольно слабые аргументы в свою защиту. Например, такой, что, не зная французского языка, он не понял, что “l’assassinat” означает убийство.

Бенджамин Франклин

Настойчивое продвижение французов в область Огайо беспокоило колонии на севере Виргинии. Одним из тех, кто хорошо сознавал опасность колониальной разрозненности перед лицом угрозы извне, был Бенджамин Франклин из Филадельфии. Он был самым замечательным человеком, родившимся в британских колониях до эпохи независимости (даже считая Джорджа Вашингтона), и, по сути дела, первым, кто получил известность в Европе.

Бенджамин Франклин родился в Бостоне (Массачусетс) 17 января 1706 г., то есть был на двадцать пять лет старше Вашингтона. Его отец, Джошуа Франклин, был англичанином, который приехал в Массачусетс в 1682 г., привезя с собой жену и троих детей. В Америке у них родилось еще четверо, а когда его жена в 1689 г. умерла,

Джошуа женился вторично, и от второй жены у него было еще десять детей. Из семнадцати детей Бенджамин был пятнадцатым ребенком, десятым, и последним, сыном. Семья была не очень богатой, и у Бенджамина Франклина не было возможности закончить школу. Когда ему исполнилось десять лет, он бросил школу и пошел работать в магазин свечей. Это было трудное время для Бенджамина, который грозился убежать за море, поэтому его отец уговорил Джеймса Франклина, своего сына от первой жены, взять единокровного брата на работу. У Джеймса было издательство, где печаталась газета, пользовавшаяся успехом. В возрасте двенадцати лет Бенджамин Франклин стал работать в издательстве и получил возможность читать, писать и пополнять свое образование.

Бенджамин не выносил, чтобы кто-нибудь ему приказывал, даже старший брат, и они очень сильно ссорились. В результате Бенджамин решил оставить Джеймса и найти работу у какого-нибудь другого печатника. Раздраженный Джеймс принялся распускать о нем сплетни, и Бенджамину не оставалось ничего другого, кроме как уехать из Бостона.

В октябре 1723 г. семнадцатилетний Бенджамин Франклин уехал в Филадельфию, в город, остававшийся его домом до самой смерти. Он приехал в Филадельфию с долларом в кармане, но получил работу типографа, и вскоре дела его пошли хорошо. Настолько хорошо, что он смог найти средства для поездки в Лондон, где провел два года, познавая новый для себя европейский мир.

Франклин вернулся в Филадельфию в октябре 1762 г. и уже через год открыл собственный книжный магазин. В 1729 г. он купил "Пенсильванскую газету". Она была на грани банкрот-

ства, но под умелым руководством Франклина скоро стала приносить доходы.

Франклин занимался буквально всем. Он покупал и продавал книги, издавал их, организовывал сети издательств в других городах.

В 1727 г. он открыл дискуссионный клуб, где образованные молодые люди собирались и обсуждали насущные темы дня. А к 1743 г. этот клуб стал “Американским философским обществом”, которое поощряло развитие наук на территории колоний. Он открыл первую в Америке публичную библиотеку в 1731 г. и первую пожарную станцию в Филадельфии в 1736 г. В 1749 г. он стал президентом Совета попечителей Новой академии в Филадельфии, учреждения, на базе которого впоследствии возник университет Пенсильвании.

Его самым успешным делом оказался альманах, который он начал издавать в 1732 г. и издавал в течение двадцати пяти лет. Альманах включал в себя обычные для подобного издания сведения: календарь, фазы луны, время восхода и заката Солнца и Луны, ежедневных отливов и приливов, дни затмений и т. д.

Но вдобавок ко всему этому Франклин публиковал в нем интересные и остроумные статьи на злободневные темы. Он включал туда и содержательные высказывания, многие из которых придумал сам и которые по большей части восхваляли бережливость и упорный труд. Немало его афоризмов превратилось в крылатые выражения, а одно, самое популярное, до сих пор употребляется постоянно (хотя и не всегда серьезно): “Рано ложиться и рано вставать, горя и хвори не будете знать”. Альманах издавался Франклином под псевдонимом Ричарда Сандерса и назывался “Альманах бедного Ричарда”. Афоризмам

обычно предшествовали слова: “Бедный Ричард говорит...”

Альманах действительно очень хорошо продавался, годовой тираж доходил до десяти тысяч экземпляров, огромная цифра по тем временам. Это сделало Франклина богатым, и к 1748 г. он смог позволить себе уйти на покой. Он поручил свои дела управляющим, осуществляя над ними минимальный надзор, и переехал в пригород, где с головой ушел в изобретательство. В этой области он также достиг успеха, став первым великим американским изобретателем.

Например, в те дни дома отапливались с помощью каминов. Это было очень расточительно в смысле топлива, ведь большая часть тепла уходила прямиком в трубу, и, что еще хуже, из-за поднимавшегося вверх тепла усиливалась тяга, и в дом попадал холодный воздух. Чтобы постоянно поддерживать в доме тепло, кто-то постоянно должен был находиться у очага.

Франклин считал, что хорошим решением проблемы стала бы железная печь на подставках, установленная в комнате. Внутри нее можно разжигать огонь, металл будет накаляться и обогревать воздух. А теплый воздух останется внутри комнаты вместо того, чтобы улетучиваться в каминную трубу, в которую — через дымоход — будет выходить только дым.

Первая «печь Франклина» была изготовлена в 1742 году и работала очень хорошо. А вскоре она уже всю использовалась. Топки в подвальных этажах современных домов, по сути дела, и есть усовершенствованные печи Франклина.

Люди советовали Франклину запатентовать изобретение, чтобы получать доход с каждой мастерской, которая бы взялась строить и продавать такие печи. Это могло бы сделать Франкли-

на миллионером, но одновременно повысило бы стоимость печей, и Франклин отказался. Он сказал, что пользовался изобретениями, сделанными до него, и поэтому хочет, чтобы и другие беспрепятственно пользовались его изобретением.

Он также изобрел бифокальные очки и музыкальный инструмент, сконструированный из стеклянных полусфер, которые, будучи влажными, издавали звуки, если на них нажимали. К концу жизни он придумал щипцы с длинными ручками для доставания книг с верхних полок, нечто подобное до сих пор используется в бакалеях и других местах, где нужно что-то достать с высоких полок без использования лестницы.

Франклин также стал первым, кто обратил внимание на Гольфстрим, теплое течение,двигающееся вверх от североамериканского побережья, и сделал разумные выводы (в которых он намного опередил свое время), касающиеся прогнозов погоды и более рационального использования дневного света. Однако по-настоящему прославили Франклина его эксперименты с электричеством.

Восемнадцатый век называли веком рационализма. В эту эпоху любимым досугом образованных людей были научные эксперименты, и особенную популярность приобрели эксперименты с только что открытым явлением — электричеством. Недавно изобретенная в голландском городе Лейдене так называемая Лейденская банка стала использоваться в качестве первого электрического конденсатора, и все ученые того времени экспериментировали с ней.

В 1747 г. Франклин показал, что искрящую и потрескивающую Лейденскую банку можно заставить работать более интенсивно и без искр и треска, если металлический стержень, с помо-

щью которого она разряжается, заострен, а не закруглен. Искры и потрескивания, которые вырабатывала Лейденская банка, напоминали Франклину (и другим) о громе и молнии. Возможно ли, что во время грозы Земля и облака взаимодействуют как огромные Лейденские банки, вырабатывающие искры — молнии и потрескивания — гром?

В июне 1752 г. Франклин поднялся в воздух на воздушном шаре для изучения грозы (приняв меры предосторожности против удара тока, так как успел провести опыт с Лейденскими банками, которые подчас вырабатывали достаточно электричества, чтобы ударить человека током так, что у него искры из глаз сыпались). Он сумел получить электричество из облаков с помощью провода воздушного змея и использовать его, чтобы зарядить незаряженные Лейденские банки. Таким образом он доказал, что грозовые облака действительно содержат электрические частицы, те же самые, но гораздо более мощные, чем получаемые человеком в лабораториях.

То, что срабатывает с Лейденскими банками, сработает и с облаками, — решил Франклин. Если Лейденскую банку можно легко разрядить без искр и потрескиваний через заостренный металлический стержень, почему бы не установить такие стержни на крышах домов, соединив их с землей? В этом случае электрические батареи, вкопанные в землю во время урагана, могли бы легко и бесшумно разряжаться благодаря заостренному металлическому стержню. Такое устройство могло бы стать хорошей защитой от удара молнии.

В 1753 г. в “Альманахе бедного Ричарда” Франклин рассказал об этом и предложил несколько способов устройства громоотвода. Это

устройство было таким простым, а молния внушала такой ужас, что от желающих приобрести его не было отбоя. В конце концов, что люди теряли?

Громоотводы появились на крышах Филадельфии сотнями, затем в Бостоне и Нью-Йорке. И они работали!

Франклин уже был известен в Великобритании, но теперь его имя и изобретения прославились по всей Европе, ведь громоотвод появлялся все в новых и новых местах. Впервые в истории одна из самых больших опасностей, грозивших человечеству, была побеждена — и все это благодаря науке.

Мировая слава Франклина наконец принесла ему уважение и на родине. В июле 1753 г. он получил почетную степень в Гарвардском университете и в сентябре того же года — другую в Йеле. Затем в ноябре Франклин был награжден золотой медалью Копли, почетнейшей наградой Королевского общества в Лондоне. Это были немисверные достижения для человека, чье формальное образование завершилось в возрасте десяти лет.

Даже французский король Людовик XV послал Франклину поздравительное письмо. Любезность Людовика не мешала Франклину ясно видеть нарастающую угрозу со стороны Франции. Он видел ее гораздо более четко, чем большинство его сограждан в Пенсильвании. Пенсильвания все еще была частной колонией, находясь, так сказать, в руках семьи Пеннов. Эта семья и большинство влиятельных поселенцев были квакерами, и все они отказались жертвовать деньги на военные нужды.

Разнообразная деятельность Франклина включала также и политику. В 1748 г. он был избран в городской совет Филадельфии, а в 1750-м —

в Законодательное собрание Пенсильвании. В 1753 г. он был назначен министром почты всех колоний, и вскоре превратил финансово несостоятельное учреждение в чрезвычайно доходное дело.

Будучи членом Законодательного собрания Пенсильвании, Франклин оказался во главе колонистов, выступавших против пассивности Пеннов перед угрозой надвигающейся войны. Он приложил массу усилий, чтобы убедить жителей Пенсильвании обзавестись чем-то вроде добровольной армии, которая бы сама себя содержала и не зависела бы от средств Пеннов. В этом он, однако, не преуспел.

Поэтому он и его сторонники на Севере с нарастающим беспокойством и ощущением беспомощности следили за развитием ситуации.

Но тучи надвигались на колонию не только со стороны французов. Отношения с индейцами тоже были непростыми.

Во всех предыдущих войнах с Францией наиболее ощутимый урон колониям наносили индейцы, союзники Франции. Ситуацию отчасти смягчало то, что самое воинственное из индейских племен — ирокезы обычно выступали против французов. Но всегда ли так будет?

Да, конечно, со времен “войны короля Георга”, они оставались лояльными к британцам, но это был результат работы выдающегося человека по имени Уильям Джонсон.

Джонсон родился в Ирландии в 1715 г. и эмигрировал в Америку в 1737-м по приглашению своего дяди. У этого дяди, сэра Питера Уоррена, было имение в северной части штата Нью-Йорк на южном берегу реки Мохок, двадцатью пятью милями западнее Скенектади. Джонсон

поселился здесь и по просьбе дяди стал управляющим этого поместья.

Джонсон тоже купил землю на северном берегу реки и стал влиятельным землевладельцем. Это была страна ирокезов, но Джонсон провел довольно непривычный эксперимент. Он обращался с “дикарями” с искренним дружелюбием. Он был посредником в спорах индейцев и колонистов, и делал это с беспрецедентной справедливостью. Он поощрял обучение индейцев, честно торговал с ними, носил индейскую одежду, говорил на их языке, демонстрировал прекрасное знание их традиций и образа жизни. Затем, когда его жена — уроженка Европы умерла, он женился на индейской девушке.

И как это всегда бывало, когда к индейцам относились дружелюбно и с уважением, они отвечали тем же. Джонсона приняли в племя могавков, где он считался полноправным индейцем. На протяжении всей его жизни ему удавалось укреплять дружеские отношения колонистов с индейцами.

Тем не менее Джонсон был чуть ли не единственным человеком такого рода, и ирокезы, конечно, это видели. Факт остается фактом: французы вели себя по отношению к индейцам более цивилизованно, чем англичане (не считая, конечно, Джонсона). А постоянно растущее число многолюдных укрепленных английских поселений, представляло большую опасность для жизни индейцев, для самого их существования, чем немногочисленные французские торговцы и солдаты.

К началу 1750-х гг. французы уже проводили более наступательную и успешную политику на территории Огайо и настойчиво склоняли ирокезов на свою сторону. А ирокезы не могли к

ним не прислушиваться, ведь желание быть на стороне победителей достаточно естественно.

Впервые за время британско-французских войн возникла реальная угроза того, что ирокезы переметнутся на сторону французов. И в таком случае ничто на свете не защитило бы Нью-Йорк, а возможно, и всю Новую Англию от разрушения. За чем может последовать разрушение и гибель других колоний.

В результате обеспокоенный Британский департамент торговли предложил в 1753 г. различным колониям вести дела с индейцами и улаживать мирным путем все проблемы, которые могли бы вызывать у тех недовольство.

По крайней мере Нью-Йорк очень этого желал, ведь именно на него пришелся бы основной удар враждебно настроенных ирокезов. Губернатор Нью-Йорка Джеймс Дэленси предложил другим колониям встретиться с индейцами в Олбани.

Колонии, особенно опасавшиеся ирокезов, отозвались на этот призыв. Этими колониями были: Пенсильвания, Мэриленд и еще четыре колонии Новой Англии. Вместе с Нью-Йорком это составляло семь колоний. Официальная встреча началась 19 июня 1745 г.

В ней участвовали сто пятьдесят ирокезов и двадцать пять делегатов из колоний. Ирокезов изо всех сил соблазняли обещаниями и подарками и отпустили с улыбками и добрыми пожеланиями. В этом отношении “конгресс в Олбани”, как называли эту встречу, оказался очень удачным, так как ирокезы не перешли на сторону французов.

Конгресс рекомендовал сделать подобные встречи индейцев и западных поселенцев регулярными. Уильям Джонсон, который участвовал

в олбанском конгрессе, был назначен “индейским руководителем”, кем-то вроде официального посла у ирокезов и их индейских союзников. Он находился на этом посту вплоть до своей смерти, и пока он был жив, конфликтов с индейцами почти не возникало.

Но даже несмотря на то, что отношения с индейцами были, насколько возможно, урегулированы, некоторые делегаты по-прежнему тревожились. Ведь оставались еще французы. Поход Вашингтона принес незначительный успех, и, по сути дела, от него не было никакой пользы.

Бенджамин Франклин участвовал в “конгрессе в Олбани” и был твердо убежден, что колонии не смогут полноценно защищаться, если останутся разрозненными и зачастую враждебными друг к другу. Он разработал свою схему объединения колоний и предложил ее конгрессу 24 июня. Он уговаривал конгресс принять ее, и дело сдвинулось с мертвой точки 10 июля, через неделю после капитуляции Вашингтона в Форт-Несессити, после чего этот план был предложен всем колониям и Великобритании

Предложение Франклина заключалось в том, что все колонии должны были управляться генерал-губернатором, назначенным и оплачиваемым Британской короной. Он должен был обладать обширными полномочиями, но все же не абсолютной властью. Параллельно с ним предполагалось создать “большой совет”, состоящий из сорока восьми членов, которых будут туда направлять колонии, число делегатов при этом варьировалось от двух до семи, в зависимости от численности населения колонии. (Франклин планировал, что в дальнейшем число делегатов будет зависеть от финансовых вложений, сделанных каждой колонией. Теоретически это должно было

сподвигнуть колонии на соревнование в щедрой финансовой поддержке конфедерации.)

Большой совет должен был созываться ежегодно и заниматься лишь проблемами, общими для всех колоний, оставляя внутренние дела под собственным контролем каждой из них. Таким образом, в ведении совета находились отношения с индейцами, территориальные споры между колониями и дела военные, такие, как фортификация, армия, флот и военные сборы.

Оглядываясь назад, видишь глубокий смысл предложений Франклина, но тогда они были встречены холодным неодобрением всех сторон; британское правительство считало, что оно даст слишком много власти колониям и не хотело иметь с этим ничего общего. Колонии, напротив, полагали, что слишком много власти приобретет корона, и те, кто не выражал своего неодобрения в открытую, просто проигнорировали этот план. Ни одна колония не хотела лишиться своих прав ради общего блага, даже несмотря на то, что новая война с Францией уже началась в Северной Америке.

Поражение Брэддока

Британское правительство, хотя и не запуганное надвигающимся кризисом настолько, чтобы срочно принять предложение Франклина об объединении, признало-таки необходимость принять меры предосторожности после пораже-

ния Вашингтона. Было решено послать регулярные войска в Северную Америку, несмотря на тот факт, что Великобритания официально находилась в состоянии мира с Францией.

Два полка, неплохо вооруженные и финансируемые, были отправлены в Виргинию, чтобы взять там ситуацию под контроль. Во главе этих полков стоял генерал Эдуард Брэддок, который сражался еще в Нидерландах, во время “войны за Австрийское наследство”. 20 февраля 1755 г. Брэддок и его люди прибыли в Виргинию.

Без сомнения, британцы считали, что с такими силами в Виргинии они легко заставят колонистов подчиниться, смогут использовать их как вспомогательные силы и столь же легко одолеют горстку французов и их союзников — дикарей.

Не исключено, что это и было возможно, если бы не упрямство, которым отличался Брэддок. Он имел опыт ведения боя на полях Европы, где широко применялась так называемая “линейная тактика”. Солдаты строем шагали по дороге разбиваясь на три колонны: стоя плечом к плечу, поднимали мушкеты и стреляли по команде. Это напоминало хорошо обученный хор, где не было места личной инициативе.

В такого рода сражениях самым существенным было качество оружия. Мушкет же был ненадежным настолько, что солдаты даже не тренировались в прицельной стрельбе, ведь это было напрасной тратой времени: чтобы стрельба из мушкетов возымела эффект, требовалось выстрелить одновременно.

Это неплохо работало, если враг тоже выстраивался в линию и следовал тем же правилам боя; сторона, более дисциплинированная и стойкая, как правило, одерживала победу. Но что, если враг выберет другую тактику?

Брэддок не мог даже мысли допустить, что тактика должна меняться в зависимости от ситуации. Это был ограниченный, малообразованный человек шестидесяти лет, чрезмерно самоуверенный, упрямый и полный предрассудков. Он не особенно думал о колонистах, и, к сожалению, все события, последовавшие позже, не убедили его в том, что он был не прав. Рассчитывая на колонистов в вопросах поставки продовольствия и всего, что необходимо для армии, Брэддок столкнулся с постоянными задержками, некомпетентностью, а зачастую и с обманом, так как поставщики спекулировали и наживались на несчастьях генерала, и лишь Бенджамин Франклин поставлял его полкам все необходимое вовремя. Брэддок во всеуслышание объявил его единственным честным колонистом на континенте.

Брэддок также очень симпатизировал Вашингтону. Тот преждевременно вышел в отставку, уязвленный положением британского устава, по которому колониальный офицер, какое бы высокое звание он ни имел, обязан был подчиняться офицеру британскому, пусть и более низкого звания.

И теперь Брэддок любезно предложил Вашингтону должность своего адъютанта и звание полковника, на что Вашингтон немедленно с благодарностью согласился, готовый, как всегда, принять участие в военных действиях.

Четырнадцатого апреля 1755 г. Брэддок начал переговоры с губернаторами шести колоний, вырабатывая планы наступления. Они были слишком сложными, чтобы воплощать их в жизнь на таких пространствах и в условиях жизни колоний. Брэддок был почему-то убежден, что он все еще сражается на ровном, расчищенном

пространстве где-нибудь в Европе. Можно утверждать, что единственным достоинством Брэддока было его рвение.

Франклин предупреждал Брэддока о том, что у индейских союзников французов была своя тактика ведения боя и что тому следует опасаться засад, так что Брэддок должен был, хотя бы отчасти, представлять себе, что его ожидает. Брэддок же с чувством превосходства утверждал, что индейцы, возможно, и в состоянии сражаться против простых колонистов, но у них нет никаких шансов справиться с британской регулярной армией.

Вашингтон полагал, что Брэддоку стоит обратиться за помощью к дружественным племенам и использовать индейцев в роли лазутчиков и проводников, но у Брэддока не было опыта общения с индейцами, да он и не верил в то, что от них будет какая-либо польза. В итоге, практически никто из индейцев не захотел оказывать ему содействие; знаменитый индейский колониальный охотник, капитан Джек, предложил ему однажды свои услуги в качестве лазутчика, но Брэддок поставил условие, что тот станет подчиняться военной дисциплине, от чего старый охотник, разумеется, отказался.

Армия Брэддока формировалась в Камберленде, окраине цивилизации в те времена, и готовилась слепо шагнуть в неизвестность. В начале июня 1755 г., полторы тысячи британских солдат и семьсот членов виргинской милиции вступили в восьмидесятимильный поход к северо-западу на Форт-Дюкенъ, который стал первой целью Брэддока. Это был труднейший поход через дикие леса и болота, тяжесть которого усугубилась еще и тем, что Брэддок приказал идти с большим количеством вещей, в полной экипи-

ровке и с вооружением, в котором нуждалась бы армия в Европе. Этот поход длился так долго, что 18 июня Вашингтон в отчаянии предложил отправить вперед налегке тысячу двести человек, предоставив остальной части армии двигаться следом с основным вооружением. Это, конечно, ослабило армию, сократив силы Брэддока наполовину: подмога не могла бы подоспеть вовремя в случае внезапного нападения. Тем не менее Брэддок принял это предложение, и 8 июня первый отряд, возглавляемый Брэддоком, в который также входили четыреста пятьдесят жителей Виргинии под началом Вашингтона, дошел до реки Мононгахелы, восьмью милями южнее Форта-Дюкеня. Здесь они остановились, чтобы разработать план дальнейших действий.

Вашингтон настаивал на том, что ему и его людям следует начать атаку, зная наверняка, что им придется столкнуться с противником лоб в лоб. Затем, если они застанут противника врасплох и тем самым получат известное преимущество, в бой вступят британские регулярные войска.

Но это предложение отверг Брэддок. Сражение будет вестись по его плану, то есть в соответствии с обычной европейской тактикой, которую он считал единственно правильной.

Между тем французы, в отличие от англичан, не собирались воевать вслепую. Их быстрые индейские лазутчики приносили им все последние необходимые новости о передвижениях британцев. Французы в Форт-Дюкеня знали точное количество британских отрядов, противостоящих им, и сперва хотели предусмотрительно отступить перед лицом более многочисленного врага. Однако капитан де Божо имел на этот счет другие планы. Из донесений индейцев он

понял, что Брэддок не полностью владеет ситуацией, поэтому он попросил, чтобы, прежде чем отступить, ему позволили провести легкую атаку, своего рода разведку боем.

Де Божо было дано такое разрешение. В его распоряжении было всего двести французов, но он произнес волнующую, очень впечатляющую речь, которая склонила несколько сотен индейцев на его сторону.

Девятого июля отряд де Божо, наполовину уступающий численностью силам врага, бесшумно прошел через лес и подобрался к людям Брэддока. Как только те увидели французов, они открыли огонь, но французы и индейцы скрывались за деревьями и обстреливали британских солдат, которые очень выделялись благодаря своей красной форме.

Британские солдаты, ведомые природным инстинктом самосохранения, пытались также прятаться за деревьями, но Брэддок заставлял солдат вернуться в строй, принуждая их сражаться в лесах Пенсильвании так, будто они находились на голландской равнине.

Британцам все же удалось нанести урон врагу, убив отважного де Божо, но сами они были попросту сметены врагом, которого не могли видеть и которому по этой причине не могли противостоять.

За три часа боя почти две трети британских солдат было убито, а ранено восемьсот восемьдесят семь человек, в том числе шестьдесят три из восьмидесяти шести офицеров. Потери с другой стороны составили приблизительно шестьдесят человек, причем только шестнадцать из них были французами.

Сам Брэддок был самоотверженно храбр и непростительно глуп. Он успевал повсюду, по-

минутно рискуя жизнью. Под ним было убито четыре лошади; вскоре после того, как он осознал, что британские солдаты наголову разбиты и больше не в состоянии действовать эффективно, он был тяжело ранен. В итоге он приказал отступать, и британские солдаты бежали. Никто из его солдат не помог ему уйти с поля боя. И только один британский офицер и два жителя Виргинии унесли его.

Вашингтон был единственным адъютантом Брэддока, оставшимся в живых. Он сражался с такой же самоотверженностью, что и Брэддок. Под ним было убито две лошади и четыре пули распоролы его одежду, не задев его самого. Невероятно, но он вышел из такой бойни без единой царапины.

Теперь он принял командование на себя. Большинство его виргинского отряда полегло, но те, кто выжил, спрятались за деревьями. Благодаря их огневому прикрытию, британцы, еще остававшиеся на поле, смогли уйти. Отступив, они сразу оказались в безопасности, так как французов было слишком мало, чтобы преследовать их, а индейцы решили разбить лагерь и снять скальпы с мертвых и умирающих.

Раненого Брэддока унесли отступающие отряды. Он все время молчал и лишь иногда повторял, как в бреду: “Кто бы мог подумать?” Он скончался, в присутствии Вашингтона, не покидавшего изголовья его постели, 13 июля и был похоронен где-то в тех местах. Отступающая армия затоптала его могилу, так что ее местонахождение неизвестно, достигла наконец Камберленда, и в итоге нашла укрытие в Филадельфии.

“Поражение Брэддока” — так называют эту ужасную бойню, хотя ее официальные названия “битва при Мононгахеле” или “битва с дикаря-

ми". Но первое название точнее, ведь это было поражение именно Брэдока и только его.

Следствием этой битвы стала череда нескончаемых французско-индейских набегов, которые снова привели британские колонии в состояние незащищенности и нестабильности. Это показывает, какой тяжелой была ситуация в колониях, с точки зрения военной истории.

Однако для Вашингтона эта битва не была поражением. Он стал героем. Через месяц он был назначен командующим виргинскими силами, несмотря на то, что ему было всего двадцать три года. Однако это ему не помогло. Оставшиеся в живых солдаты британской армии отказывались подчиняться его приказам. Его полномочия действовали лишь на территории колоний, и он понял, что по-прежнему не значит ничего в глазах британцев.

От огорчения Вашингтон даже заболел. Врачи отправили его домой, и больше он не принимал участия в военных действиях. Не получив полномочий от короля, он в итоге уволился из армии во второй раз (в звании бригадного генерала).

В 1758 г., он был избран в Палату горожан и предпочел военной службе политическую карьеру, хотя в политике он не был активен и большую часть своего времени проводил у себя на плантации. С тех пор он испытывал неизменную и сильную неприязнь к британцам, которой суждено было сыграть огромную роль в дальнейшем.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Озеро Шамплейн

Через месяц после поражения Брэдока губернатор Массачусетса Ширли, организовавший Луисбургский поход десятью годами раньше, принял на себя командование британскими вооруженными силами в Северной Америке. Его сын погиб в ужасной схватке на реке Мононгахеле, и он горел желанием нанести ответный удар.

Колонисты укрепились на озере Онтарио, по крайней мере в Форт-Освего, и по плану Ширли должны были двигаться на запад вдоль озера Онтарио и на север вдоль озера Шамплейн.

Ширли сам собирался возглавить нападение на Форт-Ниагара, между озерами Онтарио и Эри, но плохая погода и информация о том, что к французам прибыло подкрепление, заставили его повернуть назад. Он не хотел, чтобы его постигла участь Брэдока.

Также планировалось нападение на Краун-Пойнт, расположенный недалеко от южной оконечности озера Шамплейн (это озеро тогда было в руках французов) и находившийся всего в девяносто милях от Олбани. Эта часть плана была доверена Уильяму Джонсону, которого по тако-

му случаю произвели в генералы. Под командованием Джонсона находилось примерно три тысячи четыреста колонистов и ирокезов, которые представляли Нью-Йорк, и еще к нему присоединились шесть тысяч жителей Новой Англии, в основном из Массачусетса, колонии губернатора Ширли.

К концу августа 1755 г. люди Джонсона продвинулись до южной точки залива озера Шамплейн. Этот залив, находившийся на сорок миль южнее Краун-Пойнта, французы называли Лак-Сан-Сакраман. Чтобы показать, что залив теперь принадлежит Британии, Джонсон переименовал его в озеро Джордж, в честь короля Георга II, и это название сохраняется до наших дней.

Однако французы вовсе не собирались сидеть сложа руки. Под командованием генерала Людвиг Августа Диескау, немецкого солдата на французской службе, они начали продвигаться на юг. Когда известия о продвижении французов дошли до Джонсона, он послал тысячный отряд во главе с полковником Эфраимом Уильямсом с заданием остановить их. Однако этих сил оказалось недостаточно. Колонисты храбро сражались, но были отброшены назад, а Уильямс убит. (Он завещал свои деньги на основание школы в западном Массачусетсе, которая и поныне называется Уильямс-колледж.)

Когда небольшая часть войска Уильямса достигла лагеря Джонсона, тот спешно приказал сооружать заграждение из поваленных деревьев. Французы атаковали уверенно, но ситуация была прямо противоположна ситуации на реке Мононгахеле. Теперь колонисты из безопасного укрытия стреляли по французам, находившимся на открытом пространстве. Французы были отбиты, а Диескау ранен и взят в плен. Бит-

ва при озере Джордж расценивалась как великая победа британцев и колонистов, а она им была очень нужна. Джонсону был пожалован титул баронета, а также пять тысяч фунтов от благодарного парламента.

К сожалению, за этой победой не последовали новые. Джонсон, столь благородный и порядочный в общении с индейцами, теперь проявил себе не лучшим образом. В ходе сражения на озере Джордж он был ранен, и генерал Финис Лиман взял командование на себя. Именно он довел битву до победного конца, именно его славили солдаты, среди которых он был весьма популярен.

Джонсон не упомянул Лимана в своем рапорте о сражении. Когда Лиман возглавлял строительство форта на реке Гудзон, Джонсон изменил его название на Форт-Эдуард, в честь внука короля, принца Эдуарда. (Сначала форт назывался Форт-Лиман.) Форт, построенный Джонсоном на месте сражения, он назвал Форт-Уильям-Генри в честь другого внука короля.

Еще более неприятным, чем непонимание между Джонсоном и Лиманом, был тот факт, что Нью-Йорк и Массачусетс, чьи люди сражались и победили вместе, практически находились в состоянии войны друг с другом. У них были разногласия относительно границ, а кроме того, Нью-Йорк, в отличие от Массачусетса, не был заинтересован в слишком агрессивном противостоянии французам, потому что многие видные нью-йоркские купцы вели с ними дела.

В связи с этим Джонсон сложил с себя полномочия, и продвижение в сторону озера Шамплейн прекратилось.

К этому списку поражений и бесполезных побед добавилась в том же году и еще одна уни-

зительная для британской репутации неудача. Произошло это на Севере.

Несмотря на основание Галифакса, положение британцев в Новой Шотландии было небезопасным. Французские поселенцы совершенно не хотели находиться под властью Британии. И когда в 1750-х гг. акции Франции поднялись, они стали более открыто и более агрессивно проявлять свои профранцузские настроения.

Более мягкие попытки урегулировать этот конфликт провалились, и британцы поставили французских переселенцев перед выбором. Полковник Чарльз Лоуренс, губернатор Новой Шотландии, объявил, что все они должны либо поклясться в лояльности британской короне (и, тем самым, в дальнейшем нести ответственность за любые антибританские действия), либо их депортируют.

Большинство жителей Акадии отказались, и тогда Великобритания сделала с французами в Новой Шотландии то же самое, что она сделала с голландцами в Нью-Йорке. Их посадили на корабли и отправили в другие британские колонии. Депортации начались 8 октября 1755 г., и от шести до восьми тысяч французов были вывезены из Акадии.

Эта жестокость не была забыта. Девяносто лет спустя американский поэт Генри Уодсуорт Лонгфелло написал свою поэму «Эванджелина». Эта история о двух молодых людях, которых разлучили британцы в день их свадьбы, и о том, как Эванджелина наконец нашла своего Габриеля только на смертном одре, волновала сердца поколений школьников и показывала британцев в самом невыгодном свете.

Реальность была, однако, не такой страшной. Некоторые жители Акадии вернулись и,

присягнув на верность Великобритании, получили новые земли. Некоторые переселились на юг Луизианы, тогда еще французской, их потомки до сих пор живут на побережье Мексиканского залива в штатах Луизиана и Алабама.

Французам, как европейским, так и североамериканским, подобные действия британцев, естественно, не понравились. Луисбург оставался в руках французов, и они продолжали его укреплять. Теперь у Великобритании была причина пожалеть о собственной неосмотрительности, когда после “войны короля Георга” они отдали город французам.

А в 1756 г. ситуация еще больше накалилась — началась война в Европе.

В результате “войны за Австрийское наследство” Пруссия под властью Фридриха II стала очень могущественной. Но Австрия не могла простить Пруссии поражений, нанесенных ей Фридрихом в последней войне, и организовала коалицию, в которую вошли Франция, Россия, Швеция и некоторые немецкие государства. Войска этой коалиции атаковали Пруссию.

Единственным союзником Пруссии была Великобритания, и то только потому, что она не могла допустить усиления Франции, к которому неизбежно привел бы успех коалиции. Это дало начало вооруженным столкновениям с французами не только в Северной Америке, но и в Индии. В результате эта война, получившая название Семилетней, стала первым конфликтом в истории, который может считаться мировой войной, так как сражения происходили на трех континентах и на море.

Луисбург

Начало войны в Европе не улучшило положение дел в Северной Америке, наоборот, дела в колониях только ухудшились.

Тринадцатого мая 1756 г., за пять дней до того, как Великобритания объявила войну Франции, в Квебеке появился новый генерал. Это был маркиз Луи Жозеф де Монкальм, прекрасный солдат, который великолепно сражался в “войне за Австрийское наследство”. К несчастью для Франции, ему было поручено командовать только французскими регулярными войсками, а маркиз де Водрей командовал всеми остальными. Такое разделение полномочий ослабило французов, к тому же Водрей, не слишком опытный человек, недолюбливал Монкальма и завидовал ему, в результате чего они далеко не всегда действовали заодно.

Тем временем в стане британцев произошли изменения: Джон Кэмпбелл, четвертый герцог Лудон, сменил Ширли на посту командующего британскими войсками в Северной Америке. Он прибыл в Нью-Йорк 22 июня 1756 г. и быстро доказал, что не способен ладить с жителями колоний.

Монкальм начал наступательные действия на границе Нью-Йорка 14 августа 1756 г., захватив и уничтожив укрепления в Освего, на южном берегу озера Онтарио, и тем самым лишив бри-

танцев их единственного укрепления в районе Великих озер.

Через год, 9 августа 1757 г., он окружил Форт-Уильям-Генри и заставил его сдаться. Вместе с фортом он получил огромное количество запасов продовольствия и оружия, что свело на нет результаты победы Джонсона при озере Джордж. Монкальм гарантировал безопасное отступление гарнизона, но не сумел предотвратить нападение на сложивших оружие солдат своих союзников — индейцев, которые убили многих британцев. (Именно этому событию посвящен знаменитый роман Джеймса Фенимора Купера “Последний из могикан”.)

Что до Лудона, то он готовился напасть на Луисбург. У него было шесть тысяч британских солдат, и 13 июля 1757 г. он дошел до Галифакса, где к нему присоединились еще шесть тысяч солдат и одиннадцать кораблей. И тут он вдруг осознал, что его поджидают французские пополнения, плохая погода и отказ некоторых колонистов поддерживать его. Он решил, что недостаточно силен, и вернулся в Нью-Йорк ни с чем. Еще одно фиаско.

Прошло уже три года с того времени, как Джордж Вашингтон начал “войну с французами и индейцами” своим походом на Форт-Дюкень, который оставался одним из самых чувствительных поражений Британии.

Но теперь изменения происходили уже в самой Великобритании, где росло недовольство положением дел в Северной Америке и в других местах. Король Георг II, как и его отец, больше интересовался происходящим в Ганновере, чем в Великобритании. Он был сосредоточен на Европе и игнорировал огромную империю, которая продолжала расти в Северной Америке и в Индии.

В оппозиции его курсу была группа политиков, которые называли себя “патриотами”, и требовали, чтобы интересы Британии в колониях были приняты во внимание. Они хотели создать империю, а не драться за несколько маленьких деревушек в Европе.

Главным среди этих политиков был Уильям Питт. Он начал свою политическую деятельность в 1735 г., в двадцать три года, и сразу же примкнул к партии принца Уэльского.

В парламенте Питт, несмотря на постоянные болезни (в частности подагру), быстро приобрел огромный авторитет, благодаря своему ораторскому искусству и удивительной способности убеждать людей в собственной правоте. Георг II, однако, недолго любил его за постоянные нападки на свою ганноверскую политику. Король предпочитал по возможности держать Питта подальше от правительства, хотя популярность Питта в стране росла, и причиной были не только его политические взгляды, но и его честность, ведь в то время как все вокруг богатели на взятках, он оставался бедным.

Катастрофы 1755 и 1756 г. выдвинули Питта на передний план. Любовь широкой общественности к Питту больше нельзя было не замечать, и он был настолько уверен в себе, что сказал: “Я знаю, что никто, кроме меня, не может спасти страну”. (Питт был кем-то вроде Уинстона Черчилля восемнадцатого века.)

К ноябрю 1756 г. он уже был министром, и хотя королю удалось заставить его уйти, он скоро вернулся на свою должность. В июне 1757 г. был сформирован новый состав кабинета министров во главе с герцогом Ньюкаслским, и Питт, военный министр, стал его душой.

Он держал под контролем военные операции, дал новый импульс британской политике, сконцентрировав все силы на заокеанских делах. В Европе он не стал предпринимать активных действий, этого, собственно говоря, от него и не требовалось. Он оказывал Фридриху II щедрую финансовую поддержку, предоставляя ему возможность воевать, а это у Фридриха хорошо получалось.

Тридцатого декабря 1757 г. Питт отозвал Лудона из Северной Америки. Он направил туда огромный контингент британских войск и наконец начал правильно строить отношения с колонистами. Он платил им жалование из британской казны и давал звания их офицерам. Над континентом наконец повеял ветер перемен.

В 1758 г. британцы и жители колонии начали подготовку к атаке по трем направлениям: к экспедициям против Луисбурга, фортов Тикондерога и Дюкень, где был разбит Брэддок. Питт предоставил достаточно людей и припасов для всех трех походов и желал действовать без промедления.

В принципе самым важным направлением был Форт-Тикондерога, потому, что в случае удачи открывалась дорога к самому сердцу Новой Франции. Над этим Питт работал вместе с генерал-майором Джеймсом Аберкромби, который был заместителем Лудона и автоматически занял его место после его отставки.

Аберкромби был человеком медлительным, к тому же страдающим несварением желудка. Что касается медлительности, это была не полностью его вина, он полагался на силы колониальной милиции, а они всегда собирались долго. Но когда это наконец происходило, милиция была незаменима. Так, например, было в случае с груп-

пой разведчиков, созданной в 1756 г. Робертом Роджерсом из Нью-Гэмпшира. Аберкромби произвел Роджерса в чин майора.

С Аберкромби также был генерал лорд Огастес Хоу, умевший правильно вести себя с колонистами и сражавшийся вместе с людьми Роджерса. Именно он был мозговым центром экспедиции.

Наконец, в начале июля 1758 г. Аберкромби начал действовать, и почти сразу же случилось несчастье. 6 июля отряд столкнулся с врагом, и лорд Хоу погиб. Теперь Аберкромби некому было помочь.

К 8 июля Аберкромби был в Тикондероге с шестнадцатью тысячами солдат против Монкальма, имевшего всего четыре тысячи. (Монкальм вообще там оказался только потому, что ему удалось каким-то образом уговорить ирокезов придерживаться нейтралитета.)

Аберкромби легко мог бы окружить Тикондерогу и взять всех, находившихся там, измором, но лазутчики донесли ему, что французы ожидают подкрепления. Поэтому Аберкромби торопился атаковать до того, как оно подоспеет.

Пока все шло благополучно. План сам по себе был неплох, но атаку следовало тщательно подготовить. Без помощи Хоу Аберкромби не придумал ничего лучшего, чем просто приказать своим солдатам идти вперед. Он не стал ждать прибытия артиллерии и не обратил внимания на то, что французы соорудили укрытия из поваленных деревьев, как это в свое время сделали британцы в Краун-Пойнте.

Аберкромби семь раз принимался атаковать, и все эти лобовые атаки оказались бесполезными и стоили нападающим большой крови. Наконец при всей своей недалекости он осоз-

нал бессмысленность происходящего и повернул назад. Количество жертв со стороны британцев составляло почти две тысячи против четырех сотен со стороны французов. Это было еще хуже, чем поражение Брэддока.

Случившееся совершенно деморализовало Аберкромби, и больше он ничего не предпринимал. Впрочем, Уильям Питт все равно бы не позволил ему действовать, после того как до него дошли плохие новости. Аберкромби был освобожден от командования 18 сентября.

Тем не менее битва при Тикондероге была последней победой французов. Пока она разворачивалась, Луисбург был уже близок к падению.

Восьмого июня 1758 г. девять тысяч британских солдат, пятьсот колонистов на ста пятидесяти семи военных кораблях прибыли в Луисбург. Во главе экспедиции стоял полковник Джеффри Амхерст, который показал себя в битве при Деттингене в Западной Германии в 1743 г., когда британские войска под предводительством самого короля Георга II победили французов. (Это была последняя битва, в которой британский монарх командовал войсками непосредственно на поле боя.) Питт, перед тем как послать Амхерста под Луисбург, произвел его в генерал-майоры.

Его заместителем был бригадный генерал Джеймс Вулф тридцати одного года от роду, также участвовавший в битве при Деттингене. Вулф был человеком весьма неординарным, несмотря на слабое здоровье и предупреждения врачей о том, что его ждет ранняя смерть, он служил в армии с тринадцати лет и достиг на этой службе блестящих успехов. Питт заметил его после того, как годом раньше он блестяще организовал нападение на французские морские порты.

Вулф, повторим, был неординарен. Так, он предпочитал чай в эпоху, когда военные употребляли исключительно крепкие напитки. Манеры у него были женственные, а поведение непредсказуемое. Он категорически отказывался носить пудренный парик, как было тогда модно среди офицеров, выставляя на показ собственные яркорыжие волосы, длинные и заплетенные в косу.

Манеры его были настолько странными, что позже, когда ему собирались доверить ответственное дело, герцог Ньюкаслский взволнованно сказал королю: “Но он же сумасшедший, сир”. На что Георг II ответил: “Сумасшедший? Пусть он тогда покусает некоторых моих генералов!”

Вулф, вооруженный одной лишь тростью, со своими рыжими волосами представлял собой превосходную мишень, но тем не менее лично руководил солдатами, которые сходили с кораблей юго-западнее форта. В течение семи недель, пока Аберкромби готовил свое бесславно завершившееся наступление, британцы обстреливали форт. Его крепкие стены устояли, но французские ружья мало-помалу замолкали, и тысяча защитников форта, заблокированных британским флотом, один за другим погибли. 26 июля, когда исчезла последняя надежда на продолжение обороны, Луисбург сдался. Потери британцев были вполтину меньше потерь противника. Луисбург был уничтожен, и только его руины сохранились по сей день.

Падение Луисбурга стало переломным моментом в ходе войны и в борьбе за колонии между Британией и Францией. Эта победа полностью возместила поражение при Тикондероге. Британия контролировала море и устье реки Святого Лаврентия. Французы в Северной Америке оказались в полной изоляции. Их окончательное

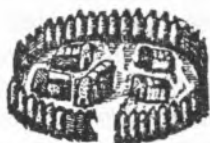
поражение было делом времени, и надеяться им оставалось лишь на то, что британцы каким-то образом сами все испортят.

Но британцы не собирались этого делать. Под руководством Питта они не допускали ошибок. Еще до отставки Аберкромби один из его подчиненных, подполковник Джон Брэдстрит взял три тысячи людей и, переплыв озеро Онтарио на небольших судах, атаковал Форт-Фронтенак (где сейчас находится Кингстон, штат Онтарио). В отличие от Аберкромби, Брэдстрит использовал артиллерию по назначению, и через два дня, 27 августа, форт сдался.

На юге бригадный генерал Джон Форбс с семью тысячами людей повторил поход Брэдока, только с несравненно лучшим результатом. Поход начался в июле 1758 г., и одним из офицеров, находящихся под командованием Форбса, был Джордж Вашингтон, предпринявший последнюю попытку достичь сколько-нибудь значительного положения, несмотря на то, что он был всего лишь простым колонистом.

Узнав о приближении британских войск, французы, которых покинули их индейские союзники, всегда прекрасно улавливавшие перемену ситуации, уничтожили Форт-Дюкенъ 24 ноября 1758 г. и отступили к северу. На следующий день там появились британцы, они построили на месте старого форта новый и назвали его Питт, конечно же, в честь министра. Сейчас на этом месте находится город Питтсбург в штате Пенсильвания.

Питт мог быть доволен положением вещей к концу 1758 г. Амхерста за победу в Луисбурге он назначил командующим британскими войсками в Северной Америке и приготовился к решающему наступлению.

Квебек

В 1759 г. Питт поручил Амхерсту переместить театр военных действий в самое сердце Новой Франции и захватить Квебек. И поэтому Амхерст планировал наступление сразу по трем направлениям. Во-первых, на Форт-Ниагара, ближайший из все еще занимаемых французами пунктов в районе Великих озер. Во-вторых, на Форт-Тикондерога, где британцы потерпели единственное поражение в предыдущем году. Третьим направлением был сам Квебек.

В июне 1759 г. бригадный генерал Джон Придью с двумя тысячами солдат повторил то, что сделал Брэдстрит годом раньше. Они прошли до озера Онтарио, переплыли его и взяли Форт-Ниагара 25 июля, после осады, которая продолжалась девятнадцать дней. Сам Придью был убит случайным выстрелом своих же солдат. В этой акции участвовал сэр Уильям Джонсон и сотня ирокезов.

Одновременно сам Амхерст вел одиннадцать тысяч британских солдат в атаку на Форт-Тикондерога. Французов, у которых и так не хватало людей, продолжали покидать индейцы. Они решили собрать все оставшиеся силы для главной битвы, которая, конечно, должна была развернуться в Квебеке. Поэтому 26 июля они оставили Форт-Тикондерога (который они называли Форт-Карильон), а 31 июля – Краун-Пойнт. Оба

форта быстро заняли британцы, и теперь все озеро Шамплейн находилось в их руках.

Что касается Квебека, то нападение на него планировалось из захваченного ранес Луисбурга. Джеймс Вулф был тогда болен, но его заставили принять на себя командование. (Как раз по этому случаю король и выразил надежду, что Вулф покусает его генералов.)

Вулф с девятью тысячами солдат, а также колонистами (включая людей Роджерса) поднялся по реке Святого Лаврентия на двадцати двух кораблях и высадился 26 июня на острове Орлеан, четырьмя милями ниже Квебека.

Его задача была нелегкой. Квебек находился на высоком берегу реки и при стойкой обороне был абсолютно неприступен. А в стойкости обороны сомневаться не приходилось, ведь командовал ею лично Монкальм, у которого было шестнадцать тысяч солдат, почти в два раза больше, чем у Вулфа.

У Монкальма, конечно, были и свои трудности. Многие из его солдат были французскими колонистами и вполне могли не выдержать штурма. Далее, поскольку он был стороной защищающейся, ему следовало рассредоточить своих людей, чтобы было кому защищать каждый плохо укрепленный пункт, в то время как британцы могли концентрировать свои силы где угодно. И самое неприятное — Водрей, губернатор Новой Франции, придирался к Монкальму и мешал, чем только мог.

Трудности Монкальма, однако, не облегчали задачу Вулфу. У него было недостаточно людей, чтобы взять город в кольцо, так что ему больше ничего не оставалось, как обстреливать его, надеясь, что Монкальм выйдет на открытое пространство.

Но у Монкальма было достаточно опыта, чтобы не поддаться на провокацию. Он собирался оставаться в городе и рассчитывал на то, что ближе к зиме флоту, от которого зависит Вулф, придется уйти.

Такая война продолжалась весь июль. Обе стороны предпринимали безуспешные попытки как-то изменить положение. 31 июля Вулф предпринял штурм, рассчитывая застичь французов врасплох и прорваться в город, но потерпел неудачу. Британцы потеряли более четырехсот человек, а французы обошлись почти без жертв.

За несколько дней до этого, 27 июля, Монкальм попытался поджечь корабли противника. Несколько французских кораблей с горючими материалами были посланы навстречу британским. На минимальном расстоянии от вражеского флота их следовало поджечь, чтобы британские корабли тоже загорелись. Расчет был на то, что если они и не будут полностью уничтожены, то хотя бы потребуют починки. Но французы подожгли свои корабли слишком рано, и британские моряки дали им причалить к берегу, где они горели, не причиняя никому вреда.

Однако время шло, и лето, к радости французов, подходило к концу. Даже новости о победах на озерах Онтарио и Шамплейн не подняли настроения британцев. Хотя французам был нанесен значительный урон, армия Вулфа уменьшалась с каждым днем из-за болезней и дезертирства. Сам он 20 августа заболел так тяжело, что не смог встать с постели.

Пришел сентябрь, и адмирал Сондерс, который отвечал за состояние флота, начал торопить Вулфа. Он говорил, что если ничего не произойдет в самое ближайшее время, им придется уйти

ни с чем, ведь река покроется льдом, и они потеряют корабли.

Вулфу нужно было срочно что-то предпринять. Он нашел тропинку, которая шла от реки к слабо защищенному месту. По одной версии, он сам отыскал эту маленькую, почти невидимую тропинку, идущую вверх по склону. По другой версии, Вулфу показал ее один из британских офицеров, некогда находившийся в Квебеке в качестве пленника и хорошо знавший местность.

Вулфу было очень важно, чтобы французы не догадались, откуда он нанесет свой удар, ведь если бы они послали людей защищать тропинку, все было бы потеряно. Именно поэтому его корабли плавали вдоль берегов, словно отыскивая, где удобнее причалить.

Он обстреливал заведомо защищенные места, чтобы Монкальм не уводил оттуда войска и тем самым оставил неприкрытой точку, к которой выходила тропинка.

Рано утром 13 сентября люди Роджерса и отряд британцев под командованием полковника Уильяма Хоу начали подниматься вверх по тропинке. Саймон Фрейзер, молодой шотландский офицер, спокойно и уверенно отвечал на оклики часовых по-французски. Когда же французы поняли, что это враги, было слишком поздно — группа солдат, достаточно большая, чтобы справиться с часовыми, уже забралась наверх. Остальные их быстро догнали.

К рассвету неизвестно откуда взявшиеся примерно пять тысяч солдат британской армии стояли около Квебека, на равнине Авраама, названной так в честь Авраама Мартина, которому она когда-то принадлежала. Сейчас это место входит в черту города Квебека, там разбит городской парк.

Монкальм, застигнутый врасплох, пытался сделать все, что в его силах. Но у него было всего четыре с половиной тысячи человек, причем большинство из них составляли колонисты. Ему неоткуда было ждать ни армейского подкрепления, ни артиллерии, тем более что артиллерией распоряжался Водрей.

Это была битва, построенная по традиционным канонам линейной тактики. Французские войска шли вперед, а британцы ждали. Вулф дождался нужного момента и подал сигнал. Британцы дали залп из мушкетов, и французские колонны бросились вперед. Началось сражение, и британцы вошли в город. В ходе сражения и Вулф и Монкальм были смертельно ранены.

Вулф, которого окружили солдаты, услышал крик: “Смотрите, они убегают!”

“Кто убегает?” — пробормотал Вулф.

“Враги”, — сказали солдаты.

На что Вулф ответил: “Теперь я могу умирать спокойно”.

Монкальма отнесли в город и сказали ему, что он скоро умрет. “Так даже лучше, — ответил он. — Я не увижу, как Квебек сдается”. Он умер на следующий день.

Водрей, запертый в городе, располагал тем не менее большими силами, чем британцы. Он мог бы еще сопротивляться, но не решился. После смерти Монкальма он думал только о том, как ускользнуть, и 17 сентября покинул город, направившись в Монреаль. 18 сентября Квебек оказался полностью в руках британцев.

Но с французами еще не было покончено, у них имелась армия в Монреале. С наступлением зимы британскому флоту пришлось покинуть реку Святого Лаврентия, и солдаты в Квебеке оказались в изоляции. Весной французская армия

направилась к Квебеку. Британцы вышли из города, чтобы встретить их. 27 апреля 1760 г. французы выиграли вторую битву за Квебек, после чего осадили его. Решающую роль сыграл все-таки флот. Британцы продержались около трех недель, а 15 мая, как только растаял лед, к ним на подмогу вернулись военные корабли, и французам пришлось поспешно отступить к Монреалю.

В сентябре 1760 г. британцы продвигались к Монреалю с трех сторон: вверх по реке от Квебека, вниз по реке от озера Онтарио и от озера Шамплейн, по реке Ришелье. 8 сентября Водрей сдал Монреаль. В это время отряды Роджерса захватывали французские форты на отдаленных берегах Великих озер, 29 ноября 1760 г. они взяли Детройт. Так закончила свое полуторавековое существование Новая Франция.

Одновременно с победами в Северной Америке Великобритания побеждала и в Индии. Можно сказать, что настоящей датой основания Британской империи был 1759 г. Еще два века Британия будет самой сильной державой в мире.

Дела шли так хорошо, что угроза, нависшая над союзником Британии в Европе королем Пруссии Фридрихом II, казалась чем-то незначительным. Но даже в этом Британии повезло — 5 января 1762 г., когда превосходящие силы врагов уже готовы были уничтожить Фридриха, его главный противник, российская императрица Елизавета умерла. Альянс развалился, и это спасло его.

В это время Испания, боясь усиления Британии и потери своих заморских колоний, готовилась присоединиться к Франции. Британия не стала ждать. 2 января 1762 г. она объявила войну Испании и быстро захватила несколько вест-индских островов, включая Кубу, а также Филиппинские острова на другом конце света.

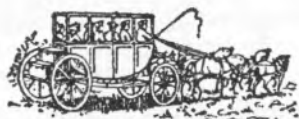
Но противостоять Великобритании было невозможно, и последним, что могла сделать Франция, чтобы не потерять все, был секретный договор, заключенный в Фонтенбло 3 ноября 1762 г., по которому Франция отдавала свои владения к востоку от Миссисипи Испании. По крайней мере, так эти земли не попадут в руки британцев, а когда-нибудь, если ситуация изменится, Испанию будет нетрудно заставить вернуть земли.

Десятого февраля 1763 г. война во всем мире закончилась подписанием Парижского договора. Британия получила французские территории к северу от Великих озер. Отныне эти земли станут называть Канадой, а не Новой Францией. Она также получила часть Луизианы к востоку от Миссисипи, оставив западную ее часть Испании. Кроме того, Британия забрала у Испании Флориду, взамен на возвращенные Кубу и Филиппинские острова.

Так Франция осталась без владений на Североамериканском континенте. Теперь у нее были только два острова — Сен-Пьер и Микелон (общей

площадью девяносто три квадратных мили) у южного берега Ньюфаундленда. Эти острова до сих пор принадлежат Франции. Она также получила назад свои владения в Вест-Индии.

Таким образом, Северную Америку поделили между собой Великобритания и Испания. Их владения разделяла река Миссисипи. Только северо-западная часть континента не принадлежала никому, и хотя к ее берегам постоянно плавали британские, французские и испанские суда, самыми активными в этом регионе были русские.

Новое начало

Тысяча семьсот шестьдесят третий год стал точкой наивысшего подъема в истории Великобритании. Ее триумф за пределами Европы был абсолютным, она контролировала моря, северо-восточную часть Северной Америки и имела сильные позиции в Индии. Все остальные страны, имевшие заморские колонии, удерживали их лишь постольку, поскольку британский флот допускал это.

Карта Северной Америки приобрела вид, близкий к сегодняшнему. Спустя два с половиной века после знаменитой экспедиции Колумба и полтора века со времени основания первой британской колонии на континенте все было наконец решено.

Северная Америка станет наследником Великобритании. Все, кто там жил, не важно, отку-

ТРИНАДЦАТЬ КОЛОНИЙ К 1763 г.

да родом были их предки, будут говорить по-английски и унаследуют британские традиции. Так и случилось.

Но кое-какие вопросы все-таки оставались нерешенными. Даже если Северная Америка будет говорить по-английски, должна ли она обязательно принадлежать британской короне? В 1763 г. мало кто в этом сомневался, и все же...

На каких условиях будут жители Северной Америки подчиняться Британии?

Самим британцам этот вопрос показался бы смешным, для них ответ был прост: на тех условиях, которые установит британский парламент.

Для колонистов это было менее очевидным. Ими всегда было трудно управлять, даже когда приходилось воевать с французами и индейцами и для защиты требовались британские солдаты и корабли. Теперь, когда французов на континенте больше не было, а индейцы не представляли большой проблемы, управлять ими будет еще труднее. Теперь они могли открыто протестовать против того, что раньше были вынуждены терпеть.

В колониях насчитывался миллион с четвертью белых людей, и население быстро росло. К этому надо прибавить более четверти миллиона черных рабов, в основном из южных колоний. Это составляло почти 20% населения Великобритании, и, что очень важно, это население распределялось по региону, который был гораздо больше и богаче Британских островов.

Нельзя было ожидать, что жители колоний будут терпеливо сносить, что Британия обращается с ними, как со своей собственностью. Их не устраивало, что на их землях должны соблюдаться британские законы, что экономика подчинена исключительно интересам британских мануфактур, что налоги непомерно высоки.

Британцы, со своей стороны, не обращали никакого внимания на бочку с порохом, которую представляли собой колонии. Новый король Георг III, занявший трон в 1760 г., был добрым и порядочным, но упрямым и не очень умным человеком.

Назревали новые сложности, новые проблемы. Великобритания победила Францию и сформировала Северную Америку, но в истории не может быть окончательных решений, и большая часть завоеванного сейчас будет в конце концов потеряна.

На месте старой колонии возникнет новая страна — Соединенные Штаты Америки, но это уже тема другой книги.

ТАБЛИЦА ДАТ

До Рождества Христово

- 25000 первые индейцы вступают на территорию Северной Америки.
- 5000 зарождение сельского хозяйства в Мексике.
- 1500 первые города и храмы в Мексике.
- 1000 сельское хозяйство распространяется на север от Рио-Гранде.
- 900 финикийцы достигают берегов Британии.
- 600 финикийцы проплывают вокруг Африки.
- 300 Пифей из Массалии достигает Туле (современной Гренландии).
- 250 Эратосфен из Кирены устанавливает, что окружность Земли составляет двадцать пять тысяч миль.

- 100 Посидоний из Апамеи устанавливает, что окружность Земли составляет восемнадцать тысяч миль. Принимает меньшую цифру в качестве основной для определения окружности Земли.
- 1 эскимосы колонизируют полярные регионы Северной Америки.

Наша эра

- 130 Птоломей принимает меньшую цифру в качестве основной для определения окружности Земли.
- 550 святой Брендан исследует острова близ Британии, возможно, достигает Исландии.

874	Инголфр Арнарсон основывает колонию викингов в Исландии.	1474	12 декабря Изабелла I становится королевой Кастильской.
982	Эйрик Рыжий открывает Гренландию.	1479	Фердинанд II становится королем Португалии.
986	Эйрик Рыжий основывает колонию викингов на Гренландии.	1482	Сау достигает устья реки Конго.
1000	эскимосы достигают Северной Гренландии.	1483	Христофор Колумб обращается к Жуану II с предложением организовать экспедицию на запад.
1000	Лейф Эйриксон исследует североамериканское побережье.	1485	22 августа Генрих VII становится английским королем.
1002	Торфин Карлсефни основывает колонию викингов в Винланде.	1486	Колумб впервые обращается к Фердинанду и Изабелле за помощью.
1261	первое путешествие Поло в Китай.	1488	Бартоломеу Диаш достигает южной оконечности Африки.
1298	Марко Поло в заключении пишет книгу о своих путешествиях.	1492	2 января — Взятие Гранады.
3 августа Колумб отправляется в свое первое путешествие на запад.
1367	последний корабль из Норвегии достигает берегов Гренландии.		12 октября Колумб достигает Сан-Сальвадора; открытие Америки.
1415	упадок колоний викингов в Гренландии.		28 октября Колумб открывает Кубу.
1418	Зарко открывает Мадейру.		6 декабря Колумб открывает Эспаньолу.
1420	Генрих Мореплаватель основывает центр в Саграх.	1493	13 марта Колумб возвращается в Испанию
1431	Кабрал открывает Азорские о-ва.		4 мая Папа Александр VI устанавлива-
1445	Диниш Диаш достигает Зеленого Мыса.		
1455	Кадамосто открывает Острова Зеленого Мыса.		
1460	13 ноября умирает Генрих Мореплаватель.		

ТАБЛИЦА ДАТ

- ет демаркационную линию.
- 25 сентября Колумб отправляется во второе путешествие
- 19 ноября Колумб открывает Пуэрто-Рико.
- 1494 7 июня условия Тордесильского договора отодвигают демаркационную линию на запад.
- 1497 19 мая Васко да Гама, обогнув Африку, достигает Индии.
- 24 июня Кабот открывает Ньюфаундленд
- 1498 30 мая Колумб отправляется в третье путешествие.
- 1500 22 апреля Кабрал открывает Бразилию.
- 1501 Кортереал проплывает через Лабрадор и дает ему название.
- 1502 9 мая Колумб отправляется в четвертое путешествие.
- 1504 Веспуччи заявляет, что западные земли — часть отдельного континента.
- 1506 20 мая смерть Колумба.
- 1507 Вальдземюллер впервые употребляет название “Америка”.
- 1508 Понсе де Леон основывает в Пуэрто-Рико постоянную колонию.
- 1509 21 апреля умирает Генрих VII, Генрих VIII становится королем Англии.
- 1510 основан Сан-Хуан (Пуэрто-Рико).
- 1513 11 апреля Понсе де Леон открывает Флориду.
- 25 сентября Бальбоа видит океан (Тихий) западнее Америки.
- 1515 основана Гавана (Куба).
- 1 января Франциск I становится королем Франции.
- 1516 23 января Карл I становится королем Испании.
- 1519 20 сентября Магеллан отправляется в кругосветное плавание.
- 21 октября Магеллан обнаруживает Магелланов пролив.
- 18 ноября Кортес входит в Теночтитлан (Мехико)
- 28 ноября Магеллан выходит в Тихий океан и дает ему название.
- 1521 27 апреля Магеллан умирает на Филиппинах.
- 1522 7 сентября Дель Кано на одном корабле из флота Магеллана возвращается в Испанию;

- первое кругосветное плавание.
- 1524 17 апреля Веррацано входит в Нью-Йоркский залив.
- 1528 Нарваэс исследует побережье Мексиканского залива на западе Флориды.
- 1534 10 августа Картье входит в залив Святого Лаврентия.
- 1536 Де Вака возвращается в Мехико, исследовав Техас и север Мексики.
- 1540 Коронадо исследует юго-запад Америки.
- 1541 18 июня — де Сото открывает реку Миссисипи.
- 1542 21 мая — смерть де Сото.
- 1547 28 января — смерть Генриха VIII; Эдуард VI становится королем Англии.
- 1553 6 июля — смерть Эдуарда VI; Мария I становится королевой Англии.
- 1556 16 января Карл I отрывается от престола; Филипп II становится королем Испании.
- 1558 17 ноября — смерть Марии I; Елизавета I становится королевой Англии.
- 1560 5 декабря Карл IX становится королем Франции.
- 1564 гугеноты основывают колонию на севере Флориды.
- 1565 Менендес де Авилес разрушает колонию гугенотов.
8 сентября — основание Сент-Огастина (Флорида).
- 1567 испанцы атакуют Гаукинса и Дрейка в Веракрусе.
- 1573 3 февраля — Дрейк в Панаме; достигает побережья Тихого океана.
- 1576 июнь — Фробишер открывает Баффинову Землю.
- 1577 13 декабря Дрейк отправляется в кругосветное плавание.
- 1578 20 июня Фробишер вновь открывает Гренландию.
6 сентября Дрейк выходит в Тихий океан.
- 1579 Дрейк исследует западное побережье Северной Америки.
- 1580 Филипп II Испанский становится королем Португалии.
26 сентября Дрейк возвращается в Англию, завершив кругосветное плавание.
- 1581 во Флориду впервые привозят рабов-негров.

ТАБЛИЦА ДАТ

- 1583 Гилберт пытается основать английскую колонию на Ньюфаундленде.
- 1584 Рэйли называет восточное побережье Северной Америки Виргинией.
- 1587 Девис исследует западное побережье Гренландии.
Поселение англичан на острове Роанок.
18 августа — рождение Вирджинии Дар, первого ребенка английских родителей, рожденного на территории США.
- 1588 победа Англии над Непобедимой армадой.
- 1589 2 августа Генрих IV становится королем Франции.
- 1591 15 августа Уайт возвращается на Роанок и обнаруживает исчезновение колонии.
- 1598 Де Оньяте исследует Нью-Мексико.
13 сентября — смерть Филиппа II.
- 1602 15 мая Госнолд исследует Кейп-Код.
- 1603 3 апреля — смерть Елизаветы I; Яков I становится королем Англии.
- 1604 Шамплейн исследует побережье Новой Англии.
- 1606 10 апреля — основание Лондонской и Плимутской компаний.
- 1607 13 мая — основание Джемстауна. Заложена колония Виргиния.
декабрь — Покахонтас спасает Джона Смита.
- 1608 французы основывают Квебек.
- 1609 30 июля Шамплейн открывает огонь по ирокезам; начало француско-ирокезской вражды.
3 сентября Гудзон входит в Нью-Йоркский залив.
12 сентября Гудзон начинает плавание вверх по реке Гудзон.
5 октября Джон Смит отозван из Виргинии.
- 1610 испанцы основывают Санта-Фе (Нью-Мексико)
14 мая Людовик XIII становится королем Франции.
8 июня корабли лорда Делаверэ предотвращают захват Джемстауна.
3 августа Гудзон входит в Гудзонов залив.
- 1612 Ролф изобретает виргинский табак.
- 1614 Джон Смит исследует побережье Новой Англии.

- лии. Блок исследует побережье Коннектикута. Форт-Нассау (Олбани, Нью-Йорк) основан датчанами.
- 1615 Шамплейн открывает Великие озера.
- 1619 30 июля в Виргинии основана Палата горожан; первое законодательное собрание в колониях.
- август — в Виргинии появляются первые темнокожие рабы.
- 1620 16 сентября сепаратисты покидают Англию
- 9 ноября сепаратисты достигают Кейп-Кода.
- 21 ноября подписано Мейфлауэрское соглашение.
- 1621 3 июня голландцы основывают голландскую “Вест-Индскую компанию”.
- 1622 22 марта индейцы Опеханкано нападают на виргинских колонистов.
- 10 августа Горджес и Мейсон добиваются разрешения колонизировать берега Новой Англии; начинают с колонии Нью-Гэмпшир.
- 1624 голландцы заселяют остров Манхэттен.
- 1625 27 марта — смерть Якова I; Карл I становится королем Англии.
- 1626 4 мая Минёйт покупает у индейцев остров Манхэттен за 24 доллара.
- 1629 англичане берут Квебек.
- 1630 7 сентября — основание Брестона; заложена колония Массачусетс.
- 1632 англичане возвращают французам Квебек.
- 16 ноября Кристина становится королевой Швеции.
- 1634 27 марта — основание Сент-Мэриса; заложена колония Мэриленд.
- 1635 9 октября Роджер Уильямс изгнан из Массачусетса.
- октябрь — основан Хартфорд; заложена колония Коннектикут.
- 1636 июнь — основан Провиденс; заложена колония Род-Айленд.
- 28 октября основан Гарвардский колледж.
- 1637 поражение индейцев пекотов; сила индейцев в Коннектикуте и на Род-Айленде сломлена.
- 8 ноября Энн Хатчинсон изгнана из Массачусетса.

ТАБЛИЦА ДАТ

- 1638 29 марта на берегу залива Делавэр основана Новая Швеция.
15 апреля — основание Нью-Хейвена.
- 1640 Португалия получает независимость от Испании.
- 1642 французы одерживают победу над испанцами в сражении при Рокруа; конец испанского военного превосходства.
- 1643 основана новоанглийская конфедерация.
14 мая — смерть Людовика XIII; Людовик XIV становится королем Франции.
- 1644 18 апреля Опаханкано возглавляет второе нападение на виргинских колонистов; сила индейцев в Виргинии сломлена.
- 1647 Петер Стуйвесант становится губернатором Новых Нидерландов.
Первая женщина в колониях повешена как ведьма (в Коннектикуте).
- 1648 24 октября — Вестфальский договор; Нидерланды официально получают независимость.
- 1649 30 января обезглавлен Карл I.
21 апреля в Мэриленде издан “Акт о веротерпимости”.
- 1651 Стуйвесант в заливе Делавэр основывает Форт-Казимир.
9 октября в Англии издан “Навигационный акт”.
- 1652 18 мая на Род-Айленде запрещено рабство; он становится первой свободной колонией.
- 1654 шведы берут Форт-Казимир.
- 1655 26 сентября Новые Нидерланды поглощают Новую Швецию.
- 1658 3 сентября — смерть Оливера Кромвеля.
- 1659 Карл II признан в Виргинии королем Англии.
- 1660 8 мая Карл II официально признан королем Англии.
- 1661 рабство признано в Виргинии законным.
- 1662 23 апреля Карл II дарует Коннектикуту устав.
- 1663 24 марта Карл II дарует восьми придворным разрешение колонизировать землю на юге Виргинии; основание Каролины.

- 8 июля Карл II дарует устав Род-Айленду.
- 1664 24 июля Картарету и Беркли дарованы права на юг Новых Нидерландов; основание колонии Нью-Джерси.
- 7 сентября Новый Амстердам сдается англичанам; основание колонии Нью-Йорк.
- 1666 Аллуэ основывает миссию на берегах Великих озер.
- 1667 27 июля — Бредский мир; Нидерланды официально признают права Англии на Нью-Йорк; признана французская власть в Акадии.
- 23 сентября в Виргинии издан закон, по которому негр-раб остается рабом даже после принятия христианства.
- 1670 первое поселение на юге Албермерла; основана Северная Каролина.
- апрель — основан Чарлстон; основание колонии Южная Каролина.
- 2 мая англичане основывают “Компанию Гудзона”.
- 1672 Фронтенак становится губернатором Новой Франции.
- 1673 17 июня Жолье и Маркетт достигают верховьев Миссисипи; 30 июля — голландский флот отвоевывает Нью-Йорк.
- 1674 10 ноября голландцы возвращают Нью-Йорк англичанам.
- 1675 24 июня — начало “войны короля Филиппа” в Новой Англии.
- 19 декабря — поражение короля Филиппа.
- 1676 1 июля колония Нью-Джерси разделена на Восточный Джерси и Западный Джерси.
- 12 августа король Филипп убит; сила индейцев в Массачусетсе сломлена.
- 19 сентября Бэкон сжигает Джемстаун.
- 26 октября — смерть Бэкона.
- 1679 24 июля Карл II дарует устав Нью-Гэмпширу.
- 1680 восстание индейцев племени пуэбло; захват Санта-Фе.
- 1681 14 марта Карл II дарует Уильяму Пенну право на заселение западного берега реки Делавэр; основание Пенсильвании.
- 1682 9 апреля Ла Саль достигает устья Миссисипи

ТАБЛИЦА ДАТ

- и объявляет ее бассейн (Луизиану) собственностью Франции.
- 27 апреля Петр I становится русским царем.
- 27 октября основание Филадельфии.
- 1683 жители Каролины заселяют Порт-Ройал.
- 1684 5 сентября конфедерация Новой Англии распущена.
- 23 октября аннулирован устав Массачусетса.
- 1685 6 февраля — смерть Карла II; Яков II становится королем Англии.
- 18 октября Людовик XIV отменяет Нантский эдикт и лишает протестантов свободы вероисповедания.
- 1686 3 июня основан доминион в Новой Англии; Андрос — его губернатор.
- 17 августа испанцы изгоняют жителей Каролины из Порт-Ройала.
- 1687 15 марта в Бостоне основана англиканская церковь.
- 19 мая смерть Ла Саля.
- 1688 квакеры Джермантауна издают протест против рабства.
- ноябрь — Яков II свергнут с престола.
- 1689 начало “войны короля Вильгельма”. 13 февраля Вильгельм III и Мария становятся правителями Англии.
- 18 апреля — арест Андроса.
- 1 июня — начало восстания Лейслера в Нью-Йорке.
- 4 августа ирокезы устраивают резню в Лашине (Новая Франция).
- 1 декабря Лейслер объявляет себя губернатором Нью-Йорка.
- 1690 8 февраля французско-индейская резня в Скенектади (Нью-Йорк).
- 1 мая Лейслер призывает колонистов к действиям против французов и индейцев.
- 11 мая колонисты под предводительством Фипса берут Порт-Ройал (Акадия)
- 7 октября Фипс достигает Квебека, но ему не удается взять его.
- 1692 “Охота на ведьм” в Салеме.
- 1693 8 февраля — основание колледжа Вильгельма и Марии.
- 1696 Южная Каролина дарует протестантам

- свободу вероисповедания.
- 1697 окончание “войны короля Вильгельма”. Рисвикский договор.
- 1698 основание Пенсаколы (Флорида).
- 1699 основание Билокси.
- 1700 смерть Карла II Испанского. Филипп V становится королем Испании.
- 1701 23 мая — казнь капитана Кида.
24 июля — основание Детройта.
- 1702 8 марта — смерть Вильгельма III. Анна становится королевой Англии.
4 мая — начало “войны королевы Анны”.
- 1704 24 апреля выходит первый номер “Бостон ньюслеттер”.
- 1705 основан Винсенс (Индиана).
- 1706 17 января родился Бенджамин Франклин.
- 1707 6 марта — “Акт об унии”. Образование Великобритании. Основание колонии Делавэр.
- 1710 16 октября англичане берут Порт-Ройал. Переименование его в Аннаполис-Ройал.
- 1711 неудачный поход на Квебек.
- 22 сентября — начало войны с индейцами тускарора. Резня в Нью-Берне.
- 1712 восстание негров-рабов в Нью-Йорке.
9 мая — разделение Каролины на Южную и Северную
- 1713 11 апреля — Утрехтский договор. Акадия переходит к англичанам и получает название Новая Шотландия. Франция признает права Британии на берега Гудзонова залива.
- 1714 1 августа — смерть королевы Анны. Георг I становится королем Великобритании.
- 1715 война с индейцами ямасы в Южной Каролине.
1 сентября — смерть Людовика XIV. Королем Франции становится Людовик XV.
- 1716 французы основывают Натчез (Миссисипи).
- 1718 французы основывают Новый Орлеан. Испанцы основывают Сан-Антонио (Техас).
- 1724 Петр I отправляет экспедицию под руководством Беринга на Дальний Восток.

ТАБЛИЦА ДАТ

1725	8 февраля — смерть Петра I. Российской императрицей становится Екатерина I.		21 ноября Вернон берет Портобелло.
1727	12 июня — смерть Георга I. Георг II — король Великобритании.	1740	начало “войны короля Георга”.
1728	Беринг открывает пролив, названные позднее его именем.		31 мая Фридрих II становится королем Пруссии.
1729	8 августа — основание Балтимора (Мэриленд).		20 октября Мария Терезия становится эрцгерцогиней Австрийской.
1731	Франклин открывает первую в колониях библиотеку.	1740	Беринг открывает Алеутские острова. Безуспешная осада Картахены Верноном. Служба Лоуренса Вашингтона в войске Вернона.
1732	Франклин начинает издавать “Альманах бедного Ричарда”.
22 февраля родился Джордж Вашингтон.	1742	Верендри достигает гор Блэк-Хиллс (Южная Дакота).
1733	12 февраля — основание Саванны. Появление колонии Джорджия.
17 мая Великобритания выпускает “Меласовый акт”.	1743	Лоуренс Вашингтон сооружает мемориал Маунт-Вернон.
1734	начало “Великого пробуждения”.	1744	выходит первый в колониях роман.
1735	основание Огасты (Джорджия). Дело Зенгера.	1745	17 июня — взятие Луисбурга.
1739	Пьер и Поль Малле достигают Скалистых гор (совр. Колорадо).
20 октября Великобритания объявляет Испании “войну из-за уха Дженкинса”.	1748	18 октября — Ахенский договор. Окончание “войны короля Георга”. Возвращение Луисбурга Франции.
		1749	основание Галифакса (Новая Шотландия).
		1750	Гист исследует верховья реки Огайо.
		1752	введение в колониях григорианского календаря. Основание

- первого госпиталя в Филадельфии. Опыты Франклина с электричеством.
- 1753 Франклин изобретает громоотвод. Претензии французов на Огайо. Требование Вашингтона к французам покинуть Огайо.
- 1754 17 апреля французы сооружают Форт-Дюкень.
28 мая Вашингтон атакует французский отряд. Начало "войны с французами и индейцами".
19 июня — открытие "конгресса в Олбани".
- 1755 9 июля — "Поражение Брэдока".
август — Джонсон разбивает французов у озера Джордж.
- 1756 13 мая Монкальм назначен главнокомандующим французских сил в Новой Франции.
18 мая Великобритания объявляет Франции войну.
22 июля — Лудон — главнокомандующий английских войск.
14 августа Монкальм берет Форт-Освего.
- 1757 июнь — Питт становится военным министром.
- 9 августа Монкальм берет Форт-Уильям-Генри.
30 декабря Аберкромби сменяет Лудона на посту главнокомандующего.
- 1758 8 июля Монкальм разбивает Аберкромби в битве при Тикондероге.
26 июля — взятие Луисбурга Амхерстом.
27 августа Брэдстрит берет Форт-Фронте-нак.
- 1759 26 июня британские войска под командованием Вулфа у Квебека.
25 июля британцы берут Форт-Тикондерога.
31 июля французы покидают Краун-Пойнт.
13 сентября британцы побеждают французов в долине Авраама, Вулф убит, Монкальм смертельно ранен.
18 сентября Квебек сдается британцам.
- 1760 27 апреля — победа французов у Квебека, осада его.
15 мая британцы прорывают осаду Квебека.
8 сентября британцы берут Монреаль.

ТАБЛИЦА ДАТ

<p>25 октября — смерть
Георга II. Георг III ста-
новится королем.</p>	<p>1763 10 февраля — Париж-
ский договор. Оконча-
ние “войны с францу-
зами и индейцами”.
Франция отдает Кана-
ду и земли к востоку от
Миссисипи Великоб-
ритании. Испания от-
дает Флориду Вели-
кобритании.</p>
<p>1761 2 января Великобри-
тания объявляет вой-
ну Испании.</p>	
<p>3 ноября — договор в
Фонтенбло. Франция
уступает Луизиану и
земли к западу от Мис-
сисипи Испании.</p>	

АЙЗЕК АЗИМОВ

ИСТОРИЯ США:
ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Директор издательства А. Гантман

Ответственный за выпуск Т. Бердикова

Корректор Г. Асланянц

Компьютерная верстка М. Терещенко

Менеджер Л. Хуторянская

Лицензия ЛР № 066298 от 04.02.1999
Подписано в печать 20.03.2002. Формат 84x108^{1/32}

Тираж 5000 экз. Заказ № 815

Издательство Б.С.Г.-ПРЕСС
129090, Москва, ул. Гиляровского, 1
Тел/факс (095) 207-53-62
E-mail: BSGPRESS@MTU-NET.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оцифровка - Давид Титиевский, октябрь 2016 г., Хайфа

АЙЗЕК
АЗИМОВ

ОСВОЕНИЕ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

ИСТОРИЯ
США

Б. С. Г.
ПРЕСС

ИСТОРИЯ США

Айзек Азимов

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

А. Азимов

История США: Освоение Север
ной Америки

30019131

-47 00